Бадаров

Отечественная
Война
1812 г

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года.

Съ картою и 30-ю портретами.

составилъ

Байдаровъ.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1888.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1812 года.

Съ картою и 30-ю портретами.

составилъ
Байдаровъ.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Ноября 1888 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Слава и торжество Наполеона въ 1812 году.—Пребываніе Наполеона въ Дрезденѣ, а императора Александра въ Вильнѣ.—Переговоры.—Вступленіе Наполеона въ Вильну.—Отступленіе русской арміи къ Дриссѣ.—Объявленіе войны народною . . 1

Глава II. Обнародованіе манифеста.—Всеобщее одушевленіе народа.—Пожертвованія.—Пребываніе императора въ Москвѣ. . . . 14

Глава III. Отступленіе 1-й арміи. — Бой при Островнѣ и Витебскѣ.—Затруднительное положеніе Багратіона.—Бой при Салтановкѣ.—Генералъ Раевскій.—Соединеніе арміи подъ Смоленскомъ.—Радость войскъ.—Кобринская и Клястицкая побѣды 21

Глава IV. Соединеніе русскихъ армій подъ Смоленскомъ.—Подвигъ войска Невѣровскаго подъ Краснымъ.—Бой подъ Смоленскомъ.—Дальнѣйшее отступленіе.—Бой при Лубинѣ и плѣнъ генерала Тучкова 3-го.—Желаніе Наполеономъ мира 31

Глава V. Отступленіе арміи къ Цареву Займищу.—Назначеніе Кутузова главно омандующимъ всѣхъ армій.—Отступленіе къ Бородину.—Бородинскій бой.—Оставленіе Москвы.—Московскій пожаръ.—Несбывшіяся мечты Наполеона.—Положеніе его арміи.—Грабежи 47

Глава VI. Наполеонъ теряетъ изъ виду русскую армію.—Кутузовъ переходитъ съ Смоленской дороги на Калужскую.—Положеніе французовъ въ Москвѣ и русскихъ въ Тарутинскомъ лагерѣ.—Партизанскіе налеты и ихъ подвиги.—Народные подвиги.—Пораженіе французовъ при Тарутинѣ 6-го октября . . . 76

Глава VII. Рѣшеніе Наполеона выступить изъ Москвы.—Опустошительные слѣды пребыванія непріятеля.—Подвигъ Сеславина и Ермолова.—Бой подъ Малоярославцемъ.—Состояніе французской арміи послѣ боя.—Бой при Вязьмѣ.—Наполеонъ въ Смоленскѣ.—Плѣнъ французской бригады.—Дѣло у Дорогобужа и у Духовщины.—Выступленіе изъ Смоленска. 92

Глава VIII. Сосредоточеніе французскихъ войскъ въ Смоленскѣ.—Отъѣздъ изъ Смоленска Наполеона.—Отступленіе французской арміи отъ Смоленска до Краснаго.—Четырехдневный бой подъ Краснымъ.—Бѣгство къ рѣкѣ Березинѣ.—Окончательная гибель французской арміи послѣ березинской переправы.—Очищеніе русской земли отъ непріятеля 115

Отечественная война 1812 года.

ГЛАВА I.

Слава и торжество Наполеона въ 1812 году.—Пребываніе Наполеона въ Дрезденѣ, а императора Александра въ Вильнѣ.—Переговоры.—Вступленіе Наполеона въ Вильну.—Отступленіе русской арміи къ Дриссѣ.—Объявленіе войны народною.

Въ 1811 году почти вся Европа, за исключеніемъ Россіи, Англіи, Испаніи, Турціи и Даніи, была завоевана французами. Величайшій полководецъ, французскій императоръ Наполеонъ, съ его непобѣдимою арміею, подчинилъ своему владычеству всѣхъ государей, безусловно ему повиновавшихся. Оставалась Россія, гдѣ царствовавшій императоръ Александръ I былъ твердъ и непоколебимъ предъ требованіями Наполеона подчиниться его волѣ. Долгое время Наполеонъ готовился къ войнѣ съ Александромъ, и наконецъ въ 1812 году рѣшился предпринять походъ въ Россію. Въ началѣ 1812 года онъ сталъ сосредоточивать свою армію въ Германіи, по близости къ Россіи. 4 мая онъ прибылъ въ Дрезденъ и отсюда отправилъ къ государю своего генералъ-адъютанта Нарбона, который, подъ видомъ переговоровъ, долженъ былъ вывѣдать намѣренія русскаго царя. Въ то же самое время армія его получила приказаніе перейти рѣку Одеръ и приблизиться къ рѣкѣ Вислѣ. Императоръ Александръ въ это же время выѣхалъ къ своей арміи въ Вильну.

Въ ожиданіи возвращенія своего посла Нарбона, Наполеонъ двѣ недѣли жилъ въ Дрезденѣ, столицѣ Саксонскаго королевства, куда съѣхались его вольные и невольные союзники. Здѣсь-то король сак-

сонскій, въ столицѣ котораго жилъ французскій императоръ, казался не хозяиномъ, а какимъ-то неважнымъ гостемъ. И дѣйствительно, что̀ значилъ король маленькаго государства въ сравненіи съ такими первостепенными государями, каковы были австрійскій императоръ, явившійся на поклонъ къ Наполеону со всѣмъ своимъ семействомъ, и король прусскій, явившійся сюда съ своимъ наслѣднымъ принцемъ? Эти два главныя государства, игравшія первостепенную роль въ Европѣ, а теперь разбитыя и уничтоженныя, ловили взглядъ Наполеона, были счастливы при его улыбкѣ и со страхомъ дрожали, преклоняясь униженно, при его гнѣвномъ взглядѣ.

Армія Наполеона въ это время стояла на Вислѣ—та армія, которая до тѣхъ поръ не знала, что̀ такое пораженіе; армія, которая уничтожала всѣ непріятельскія арміи и вполнѣ справедливо носила названіе непобѣдимой. Полководецъ этой арміи, проведшій ее отъ побѣды къ побѣдѣ почти чрезъ всю Европу, былъ первый военный геній. Не мудрено, что Наполеонъ, избалованный своими побѣдами, вполнѣ былъ увѣренъ, что его походъ въ Россію будетъ новымъ торжественнымъ шествіемъ. Онъ до такой степени былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что, посылая въ Варшаву посла своего Прадта, сказалъ ему:

— **Я иду на Москву и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колѣняхъ просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россію. Меня ждутъ тамъ; Москва—сердце имперіи.**

Неудивительно, что съ такими мечтами Наполеону и его гостямъ въ Дрезденѣ жилось очень весело. Изъ Парижа были выписаны имъ лучшіе актеры; балы смѣнялись балами; одно веселье слѣдовало за другимъ.

Среди этого веселья возвратился наконецъ посолъ Наполеона, графъ Нарбонъ, объявившій, что императоръ Александръ настаиваетъ на требованіи очистить Пруссію, и жалѣетъ о разрывѣ, въ которомъ не онъ виноватъ, и хотя знаетъ и силу и дарованія Наполеона, **но никогда не подпишетъ унизительнаго для Россіи мира.** Наконецъ онъ сказалъ, что при одномъ взглядѣ на карту Россіи легко убѣдиться, что для обороны мѣста хватитъ. Въ заключеніе Нарбонъ передалъ свое личное впечатлѣніе, сказавъ, что не замѣтилъ въ русскихъ ни унынія, ни надменности.

Въ то время, какъ въ Дрезденѣ коронованные главы пировали и веселились, готовясь идти войной на Россію, въ Вильнѣ, гдѣ была главная квартира и гдѣ находился самъ императоръ Александръ, была полнѣйшая тишина. Здѣсь разсчитывали на Божью помощь, правоту своего дѣла, на стойкость и твердость русскаго солдата, на любовь и преданность русскаго народа къ престолу и отечеству. Наполеонъ не зналъ ни твердости характера императора Александра, ни тѣхъ драгоцѣнныхъ качествъ русскаго народа, которыя одни только могутъ оказывать чудеса.

Но, желая войны съ Россіею, уже вполнѣ приготовившись къ ней, Наполеонъ все-таки хотѣлъ показать, что не онъ виновникъ этой войны, а императоръ Александръ. Вотъ почему онъ продолжаетъ переговоры, не соглашаясь въ то же время ни на какія условія, которыя хотя бы сколько-нибудь служили залогомъ безопасности Россіи отъ вторженія непріятеля. Ведя переговоры, Наполеонъ въ то же время употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать какъ можно затруднительнѣе положеніе Россіи. Не зная, что, благодаря побѣдамъ Кутузова, Турція уже подписала предварительныя условія мира, онъ старался заставить турецкаго султана продолжать войну съ Россіею. Наслѣдному принцу шведскому онъ сообщалъ самыя невѣроятныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ императора Александра, желая поссорить Россію со Швеціею. Къ счастью, однако, ни турецкій султанъ, ни Швеція не поддались его планамъ и оставались спокойными.

Получивъ отъ Нарбона извѣстія изъ Вильны, Наполеонъ рѣшилъ начать походъ въ Россію, и 17 марта выѣхалъ изъ Дрездена.

Въ это время русская армія была расположена слѣдующимъ образомъ: 1-я армія Барклая-де-Толли, въ числѣ 110,000 человѣкъ *) занимала обширное пространство вправо и влѣво отъ Вильны, имѣя въ каждомъ корпусѣ авангарды впереди.

Вторая армія, подъ начальствомъ князя Багратіона, была расположена въ Минской губерніи въ окрестностяхъ Волковыска; въ ней считалось 45,000 человѣкъ **). Третья армія въ 46,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Тормасова, была расположена на Волыни ***).

*) 149 батальоновъ, 132 эскадрона и 558 орудій.

**) 46 батальоновъ, 52 эскадрона и 216 орудій.

***) 54 батальона, 76 эскадроновъ, 9 казачьихъ полковъ и 164 орудія.

16 казачьихъ полковъ были собраны въ отдѣльный корпусъ подъ начальствомъ войсковаго атамана Платова и расположены у Гродно.

Наконецъ въ Мозырѣ былъ корпусъ генерала Эртеля, въ составѣ всего 9,500 человѣкъ.

Изъ этого расположенія видно, что наша армія занимала огромное протяженіе вдоль всей границы. Такое расположеніе было крайне невыгодно, тѣмъ болѣе, что русская армія была сравнительно съ арміею Наполеона весьма слаба своею численностію. Но избѣжать этого неудобства было невозможно. Армія Наполеона была растянута также на большомъ протяженіи отъ Балтійскаго моря до Люблина; нельзя было предугадать, въ какомъ мѣстѣ она перейдетъ нашу границу; ее нужно было охранять на всемъ протяженіи. Полагали, что Наполеонъ направится на Вильну, почему и приказано было 1-й арміи, при вторженіи непріятеля, собраться у Свенцянъ, и въ этомъ положеніи ожидать, чтобы сообразно съ обстоятельствами и дѣйствіями Наполеона или принять сраженіе, или продолжать отступленіе.

Платову съ его казаками приказано было дѣйствовать во флангъ и въ тылъ непріятеля при переправѣ его чрезъ Нѣманъ, а для подкрѣпленія его назначалась 2-я армія князя Багратіона.

Тормасовъ долженъ былъ соединиться съ Эртелемъ и дѣйствовать во флангъ французскимъ войскамъ, которыя будутъ угрожать арміи князя Багратіона. Въ случаѣ же, если противъ него будетъ сильнѣйшій непріятель, то онъ долженъ былъ отступать сначала къ Пинску и далѣе до Кіева.

Собранная Наполеономъ армія, готовая вступить въ предѣлы Россіи, состояла изъ 12 пѣхотныхъ корпусовъ, гвардіи и 4 резервныхъ кавалерійскихъ. Въ ней считалось 604 батальона, 530 эскадроновъ, 1,242 орудія полевой артиллеріи и 130 орудій осадной. Всего 492,000 пѣхоты, 96,000 чел. кавалеріи и 20,000 инженерныхъ войскъ и нестроевыхъ. Все это составляло 608,000 человѣкъ и болѣе 180,000 лошадей. Такимъ образомъ нашей двухсоттысячной арміи приходилось имѣть дѣло съ полумилліонною арміею, предводимою первымъ полководцемъ своего вѣка.

При вторженіи въ Россію Наполеонъ полагалъ прежде всего разъединить наши арміи, отделить Барклая-де-Толли отъ Багратіона и разбить каждаго отдельно. Съ этою целью главныя силы Наполеона, въ числе 220 тысячь, подошли къ Неману у Крвно, а другіе корпуса были направлены къ Кальваріи, Гродно, Белостоку и Дрогичину.

При отступленіи нашемъ велено было уводить съ собою земскихъ чиновниковъ, увезти архивы, деньги, казенное имущество и вообще все, что было возможно вывезти и что могло бы быть полезно непріятелю. О дальнейшемъ отступленіи въ то время никто еще и не думалъ.

Въ Россіи желаніе войны было общее. Роптало оскорбленное самолюбіе великой имперіи, издавна оглашаемой одними победными кликами. Радовались, что правительство принимало деятельныя меры къ войне: рекрутсліе наборы производились съ неимовернымъ успехомъ. Но какое-то всеобщее недоуменіе распространилось повсюду, когда приблизился часть борьбы съ темъ великаномъ, чьи подвиги гремели даже въ самыхъ отдаленныхъ концахъ Россіи. То не былъ страхъ, но безпокойство, весьма понятное въ государстве. только по преданіямъ глубокой старины знавшемъ о нашествіяхъ непріятельскихъ.

Кто не жилъ во время Наполеона, тотъ не можетъ вообразить себе степени его нравственнаго могущества, действовавшего на умы современниковъ. Имя его было известно каждому и заключало въ себе какое-то безотчетное понятіе о силе безъ всякихъ границъ. Къ воинской славе Наполеона, наполнявшей воображеніе всехъ, присоединились и необыкновенныя явленія въ природе. Читаемъ въ летописяхъ нашихъ, что передъ вторженіемъ татаръ въ Россію солнце и луна изменили видъ свой, и небо чудесными знаменіями какъ будто предуведомляло землю о грядущемъ горе. Такъ бвло и передъ Отечественною войною: только и слышно было о наводненіяхъ, вихряхъ, пожарахъ. Кіевъ, Саратовъ, Астраханъ, Брянскъ, Рига, Архангельскъ, Кронштадтъ гибли отъ огня; дымъ пепелищъ ихъ мешался съ дымомъ горевшихъ лесовъ и земли. Общая молва приписывала эти бедствія разсыльщикамъ Наполеона.И въ самомъ деле, въ некоторыхъ местахъ, какъ напримеръ въ Подольской губерніи,

были пойманы шайки зажигателей. Въ Смоленскѣ, Могилевѣ, Севастополѣ ловили французскихъ шпіоновъ, которые осматривали и описывали Россію, выдавая себя за учителей, лѣкарей, художниковъ. Всѣ были въ ожиданіи чего-то необычайнаго. На небѣ явилась комета. Простолюдины, глядя на бродящую въ небесахъ звѣзду и огромный хвостъ ея, говорили: «Помететъ бѣда землю русскую».

Среди общей увѣренности Европы въ томъ, что Наполеонъ останется побѣдителемъ, и среди недоумѣнія Россіи не колебался только императоръ Александръ. Одинъ, безъ союзниковъ, съ теплой вѣрой въ Бога, съ безпредѣльною довѣренностью къ своему народу, не уклонился онъ отъ войны съ непобѣдимымъ дотолѣ завоевателемъ. Когда нельзя уже было сомнѣваться въ разрывѣ съ Наполеономъ, императоръ писалъ собственноручно къ главнокомандующему первой арміи: «Прошу васъ, не робѣйте передъ затрудненіями, полагайтесь на Провидѣніе Божіе и Его правосудіе. Не унывайте; но укрѣпите вашу душу великою цѣлью, къ которой мы стремимся: избавить человѣчество отъ ига, подъ коимъ оно стонетъ, и освободить Европу отъ цѣпей».

Непріятельскія войска часъ отъ часу болѣе и болѣе скоплялись на Нѣманѣ. О безпрестанномъ умноженіи ихъ и приготовленіяхъ къ переправѣ показывали лазутчики, бѣглецы, наконецъ и наши передовыя цѣпи. Намъ видно было, какъ непріятели свозили лѣсъ и барки и усиливали вдоль рѣки разъѣзды. На многихъ мѣстахъ пробовали они глубину Нѣмана, подъ видомъ купанья, и доходили до середины рѣки. Въ Меречѣ, на вопросъ нашего пикета, для чего они это дѣлаютъ, поляки отвѣчали, что, переправившись чрезъ Нѣманъ, скажутъ причину. Въ ночное время слышны были съ русскаго берега движенія, бряцаніе сабель, топотъ и ржаніе лошадей, крики погонщиковъ. Только нельзя было знать точнаго направленія непріятелей, потому что они ходили то вверхъ, то внизъ по рѣкѣ, въ разныхъ мѣстахъ дѣлали обозрѣнія и съемки и расширяли дороги. У насъ усугубили надзоръ, подтверждая, чтобы пикеты и разъѣзды смотрѣли зорче. Парламентеровъ запретили пропускать въ главныя квартиры и велѣли отбирать отъ нихъ депеши, а переговорщиковъ оставлять на передовыхъ цѣпяхъ до полученія отвѣта. Безъ письменныхъ видовъ отъ главнокомандующихъ не разрѣшали въѣзда изъ-

Императоръ Александръ Благословенный.

за границы и въѣзда изъ Россіи. Береговымъ жителямъ дозволили производить рыбную ловлю только для ихъ пропитанія, да и то возлѣ нашего берега, съ подтвержденіемъ не выѣзжать на середину рѣки. Со 2 іюня остановили ходъ почтъ въ чужіе края, и всякое сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ Нѣмана прекратилось.

Утромъ 11 іюня самъ Наполеонъ подъѣхалъ къ рѣкѣ Нѣману, осмотрѣлъ мѣстность и сдѣлалъ распоряженіе о наводкѣ мостовъ. Въ часъ пополуночи 13 іюня французская армія начала переправу. Такимъ образомъ въ первый разъ со временъ Петра Великаго непріятельская нога вступила на русскую почву.

Извѣстіе о переправѣ непріятельской получено было ночью съ 12 на 13 іюня, и въ тотъ же день послѣдовалъ высочайшій приказъ по войскамъ и рескриптъ въ Петербургъ къ фельдмаршалу Салтыкову, въ которомъ императоръ высказалъ, что **«не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятель останется въ землѣ русской»**.

Рѣшаясь на борьбу съ Наполеономъ на жизнь и смерть, императоръ Александръ, хотя и зналъ, что Наполеонъ окончательно рѣшилъ воевать съ Россіею, тѣмъ не менѣе однако, щадя кровь своихъ подданныхъ, хотѣлъ еще разъ попробовать мирныя средства. Съ этою цѣлью по отступленіи нашей арміи отъ Нѣмана былъ посланъ къ Наполеону генералъ-адъютантъ Балашовъ съ письмомъ государя, въ которомъ императоръ Александръ предлагалъ начать мирные переговоры, но ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы непріятельскія войска *отступили за Нѣманъ и очистили русскую землю.*

Наполеонъ съ своими войсками уже вступилъ въ Вильну и занималъ тотъ самый домъ, въ которомъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ жилъ императоръ Александръ. Наполеонъ принялъ Балашова ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ говорить весьма высокомѣрно. Онъ осуждалъ главнокомандующаго 1-ою арміею Барклая-де-Толли; наши распораженія, при чемъ говорилъ: «Неужели вы думаете, что я пришелъ къ вамъ только затѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ? Со временъ Петра I непріятель не переходилъ вашихъ границъ, а теперь—я уже въ Вильнѣ. Напрасно вы надѣетесь на своихъ солдатъ до Аустерлица они считали себя непобѣдимыми; теперь они

заранѣе увѣрены, что мои войска побьютъ ихъ». — Смѣю увѣрить ваше величество—прервалъ *Балашевъ*,—что русскія войска, вмѣсто того, чтобы сомнѣваться въ своихъ силахъ, съ нетерпѣніемъ желаютъ боя, и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ наши границы подвержены опасности. Эта война будетъ ужасная; вы будете имѣть дѣло не съ одними войсками, а со всѣмъ русскимъ народомъ, который преданъ государю и отечеству.—Наполеонъ не соглашался съ Балашевымъ, говорилъ, что въ Россіи никто не хочетъ войны, и снова исчислялъ свои огромныя средства, увѣряя, что однихъ поляковъ въ его арміи 80 тысячъ и что онъ наберетъ ихъ до 200 тысячъ.—«А они сражаются, какъ львы,—сказалъ онъ.—Если вы станете продолжать войну, то я отниму у васъ польскія области. Увѣряю васъ, что вы еще никогда не начинали войны въ такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ». — Мы надѣемся окончить ее съ успѣхомъ, отвѣчалъ Балашевъ. «Вы ничего не могли сдѣлать — продолжалъ Наполеонъ—тогда, когда на вашей сторонѣ была Австрія, а теперь, когда вся Европа со мною, на кого вы надѣетесь?»—Мы сдѣлаемъ что́ сможемъ, сказалъ Балашевъ. — «У васъ не достанетъ людей; гдѣ вы наберете рекрутъ? Да и что́ значитъ вашъ рекрутъ? Сколько времени нужно, чтобы изъ него сдѣлать солдата?»

Затѣмъ, онъ распространился о выгодахъ, которыя Россія могла извлечь изъ союза съ Франціею, угрожалъ, что онъ уничтожитъ Пруссію, и кончилъ свою рѣчь изъявленіемъ наклонности къ миру.— «Увѣрьте отъ моего имени императора Александра, что я ему преданъ по прежнему; я знаю его совершенно и весьма высоко цѣню высокія его качества».

Откланявшись Наполеону, Балашевъ, по выходѣ отъ него, былъ приглашенъ, отъ имени императора, къ обѣду въ 7 часовъ.

Впродолженіе этого обѣда, Наполеонъ былъ гораздо надменнѣе. нежели прежде. Въ числѣ вопросовъ, сдѣланныхъ имъ Балашеву, онъ изъявилъ желаніе получить понятіе о Москвѣ. «Много-ли та́мъ жителей?» спросилъ онъ.— 300 тысячъ. — «А домовъ?» — Десять тысячъ. —«А церквей?» — Болѣе 2400. — «Къ чему такое множество?»— Русскій народъ набоженъ.—«Полноте, какая теперь набожность!» — Извините меня, ваше величество,—сказалъ Балашевъ,—можетъ быть въ Германіи и Италіи мало набожныхъ, но ихъ еще много въ Испа-

віи и Россіи». Наполеонъ, недовольный этимъ намекомъ на сопротивленіе, имъ встрѣченное въ Испаніи, замолчалъ, но вдругъ, обратясь къ Балашеву, спросилъ: «По какой дорогѣ можно пройти въ Москвѣ?»—Ваше величество поставили меня въ большое затрудненіе, отвѣчалъ онъ: — русскіе, какъ и французы, говорятъ, что къ Риму можно пройти по всякой дорогѣ. Въ Москву тоже ведутъ многіе пути. Карлъ XII туда шелъ на Полтаву.

Это былъ тоже намекъ на пораженіе русскими войсками Карла XII подъ Полтавою.

Генералъ Балашевъ.

Затѣмъ Наполеонъ, со всѣми сидѣвшими съ нимъ за столомъ, перешелъ въ кабинетъ и снова сталъ упрекать въ недоброжелательствѣ къ себѣ императора Александра.

Это было послѣднее сношеніе императора Александра съ Наполеономъ.

Между тѣмъ французскія войска двигались впередъ: 220 тысячъ были направлены противъ нашей стотысячной 1-й арміи; 80,000 противъ 40,000 второй арміи, а для того, чтобы разрѣзать наши арміи, еще 80,000 были направлены въ средину между двумя арміями.

Наши войска, въ виду громаднаго превосходства непріятельскихъ силъ, отступали, имѣя во все время движенія небольшія дѣла. Не смотря на настойчивое преслѣдованіе непріятеля, 1-я армія безъ большихъ потерь собралась въ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ къ 29 іюня. Здѣсь рѣшено было дожидаться второй арміи и принять бой.

Императоръ Александръ, осмотрѣвъ укрѣпленный Дрисскій лагерь, нашелъ расположеніе здѣсь войскъ и намѣреніе ожидать для боя вторую армію не только безполезнымъ, но даже опаснымъ. Наполеонъ, по пятамъ преслѣдуя Багратіона, своею численностью могъ его подавить прежде, чѣмъ онъ соединится съ Барклаемъ, а потомъ, разбивъ отдѣльно Барклая, совершенно открылъ-бы себѣ путь къ Москвѣ и въ хлѣбородныя южныя губерніи Россіи. Поэтому рѣшено было оставить укрѣпленный лагерь и отступить далѣе, а Багратіону предписано было употребить всѣ мѣры, чтобы присоединиться къ первой арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ рѣшилъ объявить войну народною и призвать къ защитѣ отечества всѣхъ гражданъ. Манифестъ этотъ былъ изданъ 6 іюля 1812 года, предъ отправленіемъ государя изъ Дриссы въ Москву.

ГЛАВА II.

Обнародованіе манифеста.—Всеобщее одушевленіе народа.—Пожертвованія.—Пребываніе императора въ Москвѣ.

По обнародованіи манифеста 6-го іюля вся Россія возстала, какъ одинъ человѣкъ. Правительствующій сенатъ приказалъ разослать манифестъ повсюду, съ нарочными курьерами, и предписалъ мѣстнымъ начальствамъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами содѣйствовать къ немедленному приведенію въ исполненіе монаршей воли. Святѣйшій синодъ поставилъ себѣ первымъ долгомъ пролить къ Господу Богу теплыя молитвы, и сдѣлалъ распоряженія о повсемѣстномъ молебствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ духовенство рѣшило принести и денежныя пожертвованія, а для поступающихъ въ ополченіе дарованы были большія льготы по окончаніи войны.

Прежде всего повелѣно было собрать ополченіе изъ 17-ти губерній, раздѣленныхъ на три округа.

Въ самое короткое время изъ этихъ 17-ти губерній было выставлено болѣе 200,000 ополченцевъ, снаряженныхъ и снабженныхъ дворянствомъ.

17-го іюля собралось петербургское дворянство и было привѣтствуемо слѣдующей рѣчью губернскаго предводителя Жеребцова:

«Предки наши, родоначальники сего знаменитаго сословія, къ спасенію отечества стекались подъ знамена государя, каждый со своею дружиною, кто сколько возмогъ привести на ополченіе. Намъ остается послѣдовать ихъ примѣру. Наша православная вѣра, святость алтарей Божіихъ, наша честь, наше отечество, въ семействахъ нашихъ лѣтами отягченные родители, нѣжныя супруги, невинные младенцы, всѣ одними устами требуютъ нашего пожертвованія. Поспѣшимъ! Соединимся союзомъ вѣрной братіи, союзомъ древнихъ Россовъ; утвердимся въ единомысліи! Единодушіе есть твердѣйшая преграда, оно есть неразрывная цѣпь союза и благоденствія! Соединимся всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ. Вручимъ себя Богу и Царю нашему. Спасемъ отечество, или умирая, сохранимъ честь Росса, вѣрноподданнаго Александру!»

Когда въ Петербургѣ приступили къ выбору начальника ополченія, никто не колебался, за кого подать свой голосъ. Единогласно произнесли имя полководца, на котораго съ наступленія опасности указывала Россія. «Кутузова! Кутузова!» загремѣло повсюду. Къ нему отправилась депутація, извѣстить его о выборѣ дворянства и пригласить въ собраніе. Кутузовъ пріѣхалъ, остановился посреди залы, возлѣ стола, и давъ пройти первому впечатлѣнію, произведенному его присутствіемъ, произнесъ слѣдующія слова: «Господа! Я вамъ многое хотѣлъ говорить... скажу только, что вы украсили мои сѣдины...». Слезы полились изъ глазъ его. Онъ изъявилъ готовность принять начальство надъ ополченіемъ.

Въ одно время съ формированіемъ ополченія приносимы были добровольныя пожертвованія: кто отдавалъ собственныя деньги, кто отказывался отъ получаемыхъ изъ казны жалованья, пенсіи, столовыхъ денегъ, для обращенія ихъ на нужды государственныя. Всякій жертвовалъ чѣмъ могъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени пожертвованія возросли до 4 милліоновъ; въ томъ числѣ поступило 2 милліона отъ купечества. Желаніе поступать во временную воен-

ную силу было столь общимъ, что черезъ нѣсколько дней всѣ офицерскія мѣста были заняты, и сверхъ того добровольно поступали въ ратники купцы, мѣщане и ремесленники. Колонисты, живущіе около Петербурга, сдѣлавъ денежное пожертвованіе, объявили вмѣстѣ съ тѣмъ готовность по востребованію взяться за оружіе.

По приблизительной оцѣнкѣ оказывается, что приношенія губерній, гдѣ было ополченіе, простирались въ каждой отъ 4 до 8 милліоновъ, а въ иныхъ, по смежности съ театромъ войны, и болѣе. Слово царское подвигло мгновенно на брань слишкомъ 200,000 мирныхъ поселянъ, и разверзло богатства 50 милліоновъ жителей.

Манифестъ о всеобщемъ вооруженіи былъ читанъ по церквамъ, провозглашаемъ въ дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ, и обращалъ всѣ умы и сердца къ одному предмету. Каждый, забывъ о собственныхъ дѣлахъ, помышлялъ только о средствахъ отвратить опасность, угрожавшую отечеству. Граждане и служащіе, поселяне и ремесленники, охотно принимались за поспѣшное исполненіе назначаемыхъ имъ отъ правительства порученій. На площадяхъ и улицахъ, народъ громогласно изъявлялъ свое усердіе, восклицая: «Пусть ведутъ насъ всѣхъ противъ общаго врага; да повелитъ милосердый Государь всѣхъ насъ вооружить!» Рѣдкій изъ губернаторовъ въ донесеніяхъ къ начальству, не вмѣнялъ себѣ въ особенную честь, что управленіе губерніею доставляло ему случай быть свидѣтелемъ событій, гдѣ при каждомъ предложеніи о нуждахъ государственныхъ, являлось стремленіе предупреждать волю правительства. Въ начальники губернскихъ ополченій и полковъ были избраны большею частью лица, принадлежавшія къ стариннымъ дворянскимъ родамъ, которые искони служили подпорою имперіи. Внуки являлись достойными дѣдовъ, и въ свою очередь будутъ примѣромъ для потомковъ. При чтеніи нарочно сочиненной молитвы о дарованіи побѣды, и священники, и міряне заливались слезами. Благочестіе издревле составляетъ отличительное свойство русскаго народа, и потому излишне упоминать, что во всѣхъ городахъ и уѣздахъ, прежде чѣмъ приступали къ распоряженіямъ для вооруженія земской силы, испрашивали благословенія Божія и отправляли въ храмахъ моленія. Провидѣніе осѣнило Своимъ покровомъ благое начинаніе. Даже и въ такихъ губерніяхъ, гдѣ не формировалось ополченіе, жители приняли

участіе какъ деньгами и запасами, такъ и другими средствами во всеобщемъ одушевленіи. Ждали только повелѣнія идти поголовно. Всѣ племена неизмѣримой Россійской Имперіи слились въ одну душу и, не взирая на различіе нравовъ, обычаевъ, вѣры, доказали, что всѣ

Барклай де-Толли.

они по чувствамъ родные между собою. Не исчислены здѣсь тысячи подвиговъ частныхъ лицъ: какъ старцы препоясывались на брань, и отцы и матери благословляли сыновей на одолѣніе враговъ; какъ

всѣ и каждый несли въ даръ отечеству что̀ могли, не почитая своего усердія какимъ-либо особеннымъ отличіемъ или заслугою.

Императоръ Александръ, издавъ манифестъ, самъ отправился въ Москву. На пути онъ остановился въ Смоленскѣ, куда прибылъ 9-го іюля въ 11 часовъ утра. Онъ тотчасъ-же принялъ дворянство, которое еще до манифеста уже просило Государя о дозволеніи вооружить до 20,000 человѣкъ. Государь во время пребыванія въ Смоленскѣ прогуливался по городу и любовался видомъ города и его окрестностей. Не прошло и мѣсяца послѣ того, какъ надъ Смоленскомъ разразилась гроза и онъ былъ сожженъ французами.

11-го іюля Его Величество прибылъ на послѣднюю станцію передъ Москвою, гдѣ ожидалъ Государя Московскій главнокомандующій, графъ Растопчинъ. Уже съ утра разнесся въ столицѣ слухъ о скоромъ прибытіи Императора, и народъ валилъ за Драгомиловскую заставу. Внутри города, священники, въ облаченіи и со крестами, стояли у своихъ приходовъ; въ Успенскомъ соборѣ собрались первостепенное духовенство и знатнѣйшіе чиновники. Монарха ожидали съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что въ то утро было обнародовано воззваніе къ первопрестольной столицѣ. Съ прибытіемъ Государя надѣялись узнать положительно о мѣрѣ опасности, нуждахъ отечества, отрадныхъ надеждахъ на будущее.

На Поклонной горѣ, гдѣ стоялъ народъ, разнеслась вѣсть, что у заставы московскіе обыватели хотятъ выпречь лошадей изъ коляски Государевой и везти ее до Кремля. Тѣ, которые были на Поклонной горѣ, не хотѣли допустить москвичей везти на себѣ экипажъ и, съ словомъ: ура! пошли впередъ; но съ 13-й версты воротились, узнавъ, что Государь отложилъ свой отъѣздъ до слѣдующаго дня. Между тѣмъ крестьяне села Филей, въ трехъ верстахъ отъ заставы, принадлежавшаго нѣкогда матери Петра Великаго, желая встрѣтить Государя съ хлѣбомъ-солью, послали впередъ гонцовъ, которые вскорѣ возвратились и увѣдомили, что Императоръ выѣзжаетъ. Было 12 часовъ ночи. Крестьяне Филей стояли на Поклонной горѣ вокругъ приходскаго священника. На серебряномъ блюдѣ лежалъ крестъ; престарѣлый діаконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе въ беззвѣздную темную ночь. Поравнявшись съ причтомъ, Государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ, и съ глубокимъ вздо-

хомъ облобызалъ Распятіе. Священникъ возгласилъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его»! Уклонясь отъ торжественной встрѣчи, Императоръ выѣхалъ въ столицу въ полночь.

Князь Багратіонъ.

12-го іюля съ восходомъ солнца, на Кремлевскихъ площадяхъ не оставалось свободнаго клочка земли; боялись опоздать къ тому мгновенію, когда выйдетъ Государь изъ своихъ чертоговъ. Тотъ не

можетъ имѣть понятія о нравственной, истинно волшебной силѣ русскихъ монарховъ, кто не видалъ ихъ, когда они появляются на Красномъ крыльцѣ! Въ 10 часовъ утра, Александръ вышелъ изъ дворца. Раздался звонъ колоколовъ, загремѣло ревущее «ура!» и восклицанія: «Веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или истребимъ злодѣя!» На нѣсколько мгновеній Императоръ остановился на Красномъ крыльцѣ, обозрѣвая сонмы вѣрнаго народа; потомъ шествовалъ къ Успенскому собору. Викарій московскій Августинъ привѣтствовалъ Монарха краткою рѣчью и заключилъ такъ: «Царю! Господь съ Тобою. Онъ гласомъ Твоимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны воды потопныя! Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» Послѣ обѣдни служили благодарственный молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою, по случаю замиренія съ Турціею, а передъ вечеромъ Государь совершалъ молитву у Иверской Божіей Матери.

15-го іюля, по предварительной повѣсткѣ, дворянство и купечество съѣхались, въ 8 часовъ утра, въ Слободскомъ дворцѣ. Сперва прочитали въ дворянскомъ собраніи манифестъ. Дворянство опредѣлило собрать въ Московской губерніи 80,000 человѣкъ ополченія, вооружить ихъ чѣмъ можно и снабдить одеждою и провіантомъ. Потомъ манифестъ прочтенъ въ собраніи купечества, которое мгновенно положило: на потребныя для ополченія издержки сдѣлать со всѣхъ гильдій денежный сборъ, расчисля его по капиталамъ. Сверхъ того, купечество просило позволенія на частныя пожертвованія отъ лица каждаго. Къ подпискѣ приступили тутъ-же, не выходя, и менѣе нежели въ два часа подписная сумма составляла полтора милліона рублей. Узнавъ о постановленіи дворянъ на счетъ ополченія, Его Величество сказалъ: «Инаго Я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать: вы оправдали Мое о васъ мнѣніе». Потомъ Государь пошелъ въ залу купечества, и сталъ благодарить за рвеніе, съ какимъ приступили къ денежнымъ пожертвованіямъ. Его слова заглушались общими восклицаніями: «Мы готовы жертвовать Тебѣ, отецъ нашъ, не только имуществомъ, но и собою!».

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ Наполеона и нашихъ армій.

ГЛАВА III.

Отступленіе 1-й арміи. — Бой при Островнѣ и Витебскѣ. — Затруднительное положеніе Багратіона.—Бой при Салтановкѣ.—Генералъ Раевскій.—Соединеніе армій подъ Смоленскомъ.—Радость войскъ.—Кобринская и Клястицкая побѣды.

Когда наша первая армія начала, по повелѣнію Императора Александра, отступленіе изъ Дрисскаго лагеря, оставивъ графа Витгенштейна для защиты Петербурга, войска французскія устремились вслѣдъ за нею, разсчитывая разбить ее прежде, чѣмъ успѣетъ подойти къ ней вторая армія князя Багратіона. Два раза пробовали французы атаковать и разбить нашу слабую первую армію: одинъ разъ при Островнѣ, а другой—при Витебскѣ; но оба раза, благодаря стойкости русскаго солдата, его храбрости, самоотверженію и искусству такихъ начальниковъ, каковы были графъ Паленъ, Коновницынъ, Уваровъ и графъ Остерманъ, — имъ это не удалось. Подъ Островной русскія войска держались стойко до тѣхъ поръ, пока прибывшія къ французамъ подкрѣпленія не сдѣлали того, что наши оказались вдвое малочисленнѣе нападавшихъ. Но, несмотря и на то, графъ Остерманъ продолжалъ удерживаться на позиціи. Когда ему донесли, что нѣкоторые полки потерпѣли большой уронъ и спрашивали: что дѣлать? онъ отвѣчалъ: „Ничего не дѣлать, стоять и умирать". Одинъ изъ батарейныхъ командировъ подъѣхалъ къ нему и доложилъ о своей ротѣ, что въ ней много убитыхъ и есть подбитыя орудія. «Что прикажете дѣлать, ваше сіятельство?» спрашивалъ онъ графа.—«Стрѣлять изъ остальныхъ» отвѣчалъ онъ сердито.

Послѣ боя при Островнѣ Коновницынъ писалъ къ женѣ своей слѣдующее:

«Я не посрамился передъ всѣми, былъ съ стрѣлками впереди, имѣлъ противъ себя два корпуса и самого Бонапарта; даже его самъ видѣлъ на бѣлой маленькой лошадкѣ. Отъ 8 часовъ до пяти пополудни я дрался съ 4-я полками и двумя батальонами противъ 60 тысячъ. Скажу тебѣ, другъ мой, не посрамился: ни ты, ни дѣти мои за меня не покраснѣютъ. Я цѣлый день держалъ самого Наполеона, который хотѣлъ обѣдать въ Витебскѣ, но не попалъ туда и на ночь, развѣ только на другой день».

Послѣ сраженія при Островнѣ и дѣла подъ Витебскомъ Барклай-де-Толли продолжалъ съ боемъ отступать по направленію къ Смоленску, гдѣ онъ разсчитывалъ соединиться съ второю арміею князя Багратіона.

Между тѣмъ положеніе Багратіона было крайне затруднительно. Почти на каждомъ пунктѣ его отступленія онъ былъ опережаемъ французами. Во избѣжаніе опасности быть отрѣзаннымъ, онъ съ одной стороны долженъ былъ дѣлать большіе обходы, а съ другой—идти на соединеніе съ 1-ю арміею; обходы же удаляли его отъ нея. Войска шли безъ дневокъ. Готовясь ежедневно къ бою, на переходахъ едва только отдыхали. Несмотря на всѣ эти трудности, солдаты шли съ восторгомъ за своимъ любимымъ вождемъ. Въ теченіе десяти сутокъ шли войска безъ дневокъ усиленными маршами, по дурнымъ дорогамъ, глубокими песками. И эти войска успѣли еще при своемъ отступленіи уничтожить три польскихъ полка. Однако разстояніе между нашими арміями было огромно: въ то время, какъ 1-я находилась въ Дриссѣ, 2-я успѣла дойти только до Несвижа.

Багратіонъ, давъ въ Несвижѣ своей измученной арміи трехдневный отдыхъ, продолжалъ движеніе къ Могилеву; но французы предупредили его и заняли городъ. Багратіонъ рѣшился пробиваться во что бы то ни стало. Не доходя до города, русскіе встрѣтили непріятеля у дер. Салтановки. Здѣсь 11 іюля произошло кровопролитное дѣло, гдѣ отличились генералы Раевскій и Паскевичъ. Въ рѣшительную минуту самъ Раевскій, Васильчиковъ, всѣ офицеры штаба спѣшились и стали впереди Смоленскаго пѣхотнаго полка, находившагося въ головѣ колонны. Отвѣчая безсмертной надписи его знаменъ, полученной за подвигъ на Альпійскихъ горахъ *), шелъ

*) За взятіе французскихъ знаменъ на Альпійскихъ горахъ.

полкъ безъ выстрѣла къ плотинѣ, за которою стояли французы. Смоленскій пѣхотный полкъ, не взирая на страшный ружейный и картечный огонь, шелъ впередъ. Двое сыновей генерала Раевскаго, одинъ двѣнадцати, а другой шестнадцати лѣтъ—оба уже подпрапорщики—шли впереди съ своимъ отцомъ. «Дай мнѣ нести знамя», сказалъ одинъ изъ нихъ другому. «Я и самъ умѣю умирать», отвѣчалъ другой.

Генералъ Раевскій.

Атакуя непріятеля у Салтановки, Багратіонъ никакъ не ожидалъ встрѣтить здѣсь многочисленнаго непріятеля. Онъ думалъ, что это были только передовыя войска корпуса маршала Даву, а между тѣмъ онъ здѣсь встрѣтилъ весь корпусъ. Къ этому еще присоединились на сторону Даву большія мѣстныя выгоды. «Только одна храбрость

и усердіе войскъ могли избавить меня отъ полнаго истребленія многочисленнымъ непріятелемъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что многіе офицеры и нижніе чины, получая по двѣ раны и перевязавъ ихъ, возвращались въ сраженіе какъ на пиръ». Это доносилъ Государю князь Багратіонъ. Раевскій потерялъ до 2,000 человѣкъ; въ каждомъ батальонѣ оставалось не болѣе 200 человѣкъ. Непріятель о своей потерѣ умолчалъ, но на другой день весь городъ Могилевъ былъ заваленъ ранеными, для которыхъ были отведены всѣ присутственныя мѣста и всѣ лучшіе дома въ городѣ.

Въ дѣлѣ при Салтановкѣ, во время одной изъ схватокъ, французы бросились на знамя Орловскаго полка, убили подпрапорщика и выхватили у него знамя. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ отнялъ, но былъ въ свою очередь убитъ. Среди драки сломано было древко и знамя осталось въ рукахъ французовъ. Тогда кинулся въ середину схватки полковой адъютантъ и вынесъ знамя, спасши честь полка.

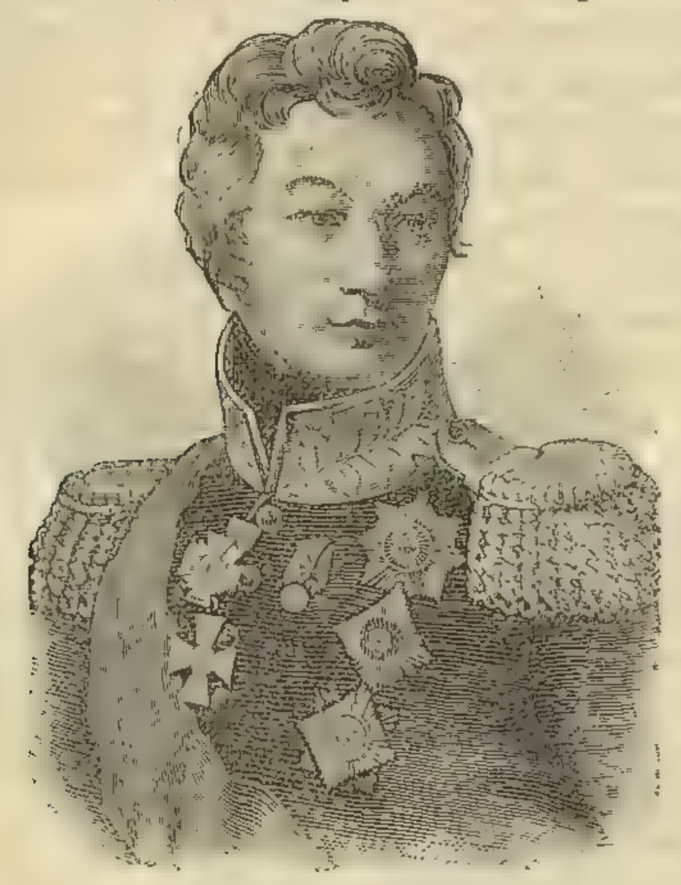
Опять пришлось поневолѣ Багратіону искать другаго пути, уклоняясь еще правѣе. Онъ двинулся сначала назадъ, но, отойдя верстъ 50, вдругъ свернулъ въ сторону и пошелъ на Мстиславль и Смоленскъ. А между тѣмъ Даву, не подозрѣвая этого, разсчитывалъ что Багратіонъ будетъ продолжать бой у Салтановки. Поэтому онъ, сосредоточивъ до 60,000 войскъ противъ нашихъ 30,000, началъ укрѣплять Могилевъ. Каково же было его изумленіе, когда по прошествіи пяти дней, въ которые онъ не трогался съ мѣста, ожидая атаки Багратіона, вдругъ совсѣмъ потерялъ изъ виду русскую армію! Въ этомъ случаѣ весьма много помогъ атаманъ Платовъ своими казаками. Онъ шелъ боковою дорогою, и Даву не получалъ никакихъ свѣдѣній о томъ, куда дѣвалась русская армія. Въ своихъ поискахъ казаки истребили много бродягъ и командъ.

Искусное движеніе Багратіона и геройское сопротивленіе нашихъ войскъ 1-й арміи дали наконецъ возможность соединиться обѣимъ арміямъ.

Главнымъ образомъ этимъ мы были обязаны генералу Раевскому и его храбрымъ войскамъ. Войска эти такъ упорно и храбро дрались, что французскій генералъ Даву, дравшійся съ Раевскимъ, видя такую храбрость малочисленныхъ войскъ русскихъ, не рѣшился сейчасъ же опять атаковать русскихъ, а началъ, въ ожиданіи нашего нападенія,

укрѣплять Могилевъ и провелъ въ немъ пять дней. Въ то же время Платовъ съ своими казаками наводнилъ все пространство между войсками Багратіона и французскими такъ, что Даву вовсе потерялъ слѣды Багратіона, который между тѣмъ продолжалъ отступленіе и чрезъ пять дней уже совершенно опередилъ французовъ, и прежде нихъ пришелъ въ Смоленскъ.

Въ теченіе пяти недѣль шла армія князя Багратіона усиленными

Генералъ Тормасовъ.

маршами, преслѣдуемая съ фланга и съ тыла сильными французскими корпусами, которые всѣ пять недѣль опережали русскихъ, заставляя ихъ дѣлать дальніе обходы. Армія наша часто дѣлала переходы въ 40 и болѣе верстъ по едва проходимымъ дорогамъ, лѣсамъ, болотамъ и пескамъ. При этомъ она при всякомъ удобномъ случаѣ геройски дралась, чѣмъ заслужила вѣчную славу не только въ своихъ собственныхъ глазахъ, но даже въ глазахъ всѣхъ другихъ армій, и всѣ полководцы оцѣнили доблести этой арміи и геройскую ея стойкость, признавъ, что такое блестящее отступленіе стоитъ

побѣды. 1-я армія прибыла къ Смоленску 20, а вторая 22 іюля. До тѣхъ поръ 1-я армія прошла 500 верстъ, а 2-я—750. По соединеніи ихъ, Багратіонъ, хотя былъ и старше Барклая, первый явился къ нему, и въ письмѣ Государю заявлялъ полную готовность, ради пользы отечества, подчиниться всякому, хотя бы и младшему.

Соединеніе двухъ армій было радостнымъ событіемъ для всей Россіи. Главный планъ Наполеона разъединить наши арміи и разбить ихъ порознь не удался. Искуснѣйшій своего вѣка полководецъ, лучшіе его генералы, завоевавшіе ему полсвѣта, наихрабрѣйшія и обученныя войска ничего не могли сдѣлать противъ непоколебимой твердости русскаго человѣка, воодушевленнаго горячею привязанностію къ своему Государю и Отечеству, противъ стойкости и дисциплины русскаго солдата, готоваго перенести всѣ труды и лишенія, лишь бы заслужить только ласковое «спасибо» своего Государя.

Теперь въ лагерѣ подъ Смоленскомъ раздался неумолкаемый громъ музыки и заслышались веселыя русскія пѣсни. Все тяжелое было забыто, всѣ труды и тягости походовъ, и по виду нашихъ войскъ можно было подумать, что арміи наши прошли все это огромное пространство не отступая, а торжествуя повсюду побѣду.

Вся армія и Россія были убѣждены, что теперь насталъ конецъ отступленію и мы сразимся съ Наполеономъ. Армія жаждала боя съ нетерпѣніемъ. Но прежде, чѣмъ говорить далѣе, надо сказать нѣсколько словъ о томъ, что было на крайнихъ флангахъ: на югѣ и на сѣверѣ.

Армія Тормасова, долженствовавшая дѣйствовать противъ тѣхъ войскъ, которыя будутъ преслѣдовать Багратіона, имѣла блестящее дѣло противъ саксонскаго корпуса 15 іюля при Кобринѣ. Несмотря на то, что саксонцы храбро дрались, укрѣпились и съ отчаяніемъ защищались въ укрѣпленіяхъ, они были на-голову разбиты, потерявъ 4 знамени, 8 орудій, 60 офицеровъ, одного генерала и 2,500 рядовыхъ. Мы потеряли около 250 человѣкъ.

Побѣда эта обрадовала Россію: со времени вторженія непріятеля она была первою. Тогда, послѣ безпрерывныхъ извѣстій объ отступленіяхъ нашихъ армій, въ первый разъ громъ пушекъ съ Петропавловской крѣпости обрадовалъ жителей столицы. Государь наградилъ щедро войска, а генералъ Тормасовъ получилъ Георгія 2-го клас-

са. Въ особенности это было выгодно въ томъ отношеніи, что навело ужасъ на Польшу, которая ждала отъ Наполеона своей независимости и старалась всѣми силами вредить Россіи и русской арміи. Варшава пришла въ ужасъ и ждала появленія русскихъ. Оттуда уже начали вывозить казенное имущество и деньги.

Послѣ Кобринскаго дѣла Тормасовъ двинулся впередъ и разсчитывалъ еще разъ разбить непріятеля, но на помощь разбитымъ

Графъ Витгенштейнъ.

саксонцамъ успѣлъ прибыть австрійскій корпусъ подъ начальствомъ князя Шварценберга. 30 іюля войска встрѣтились у мѣстечка Городечно, и на другой день съ 9 часовъ утра до 10 вечера происходилъ упорный бой, въ которомъ русскіе ни шагу не отступили. Къ сожалѣнію, теперь непріятель былъ вдвое сильнѣе и началъ заходить въ тылъ нашимъ войскамъ. Приходилось поневолѣ отступить. Однако Кобринское дѣло принесло большую пользу, потому что безъ него Шварценбергъ пошелъ бы къ главнымъ силамъ Наполеона и усилилъ бы его на 30,000 человѣкъ.

Послѣ дѣла при Городечнѣ обѣ арміи стояли нѣсколько недѣль въ бездѣйствіи, наблюдая одна за другою.

Еще важнѣе были дѣйствія нашихъ войскъ на сѣверѣ. Когда 1-я армія выступила изъ Дрисскаго лагеря къ Витебску, графъ Витгенштейнъ былъ оставленъ на правомъ берегу Двины съ приказаніемъ прикрывать весь край отъ Двины до Новгорода. Наполеонъ же оставилъ маршала Удино для дѣйствія противъ Петербурга. Встрѣча Витгенштейна съ Удино произошла 19-го іюля у Клястицъ и окончилась полнѣйшимъ пораженіемъ французовъ. Преслѣдованіе ихъ было возложено на генерала Кульнева, который дотого увлекся, что наткнулся на главныя силы Удино, былъ отбитъ и принужденъ былъ отступить. Это его такъ поразило, что онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ назади войскъ. Непріятельское ядро оторвало ему обѣ ноги выше колѣнъ, и онъ палъ мертвый, не произнеся ни одного слова. Этотъ генералъ отличался воинскими доблестями и былъ необыкновенно предпріимчивъ. Въ этомъ же сраженіи самъ Витгенштейнъ былъ раненъ пулею въ щеку.

Послѣ этого Удино отступилъ въ Полоцкъ, а Витгенштейнъ не находилъ возможнымъ брать укрѣпленный городъ. Ему нужно было пополнить ряды и запасы, и только 5-го августа онъ рѣшился атаковать. У него было едва 17,000 человѣкъ, а у непріятеля болѣе 30,000. Несмотря на эту несоразмѣрность въ силахъ, русскіе подступили къ Полоцку и расположились вблизи его. Два дня, 5-го и 6-го августа, происходилъ ожесточенный бой; та и другая сторона неоднократно ходили въ штыки, сами главнокомандующіе были въ огнѣ; кавалерійскія атаки нашихъ кирасиръ разсѣевали французскія войска. Наши эскадроны опрокинули французскихъ кирасиръ, которыми, по свидѣтельству маршала Сенъ-Сира, командовавшаго за отсутствіемъ раненаго Удино, овладѣлъ паническій страхъ. Увидя разстройство своихъ войскъ, Сенъ-Сиръ, также раненый, подъѣхалъ на дрожкахъ. Лошади его понесли, дрожки опрокинулись, и онъ нѣсколько минутъ находился среди нашихъ кирасиръ.

Лучшею похвалою дѣйствій русскихъ можетъ служить донесеніе Сенъ-Сира Наполеону. «Русскіе, говоритъ онъ, показали въ этомъ дѣлѣ постоянное мужество и личную храбрость, какихъ бываетъ мало примѣровъ въ войскахъ другихъ народовъ. Ихъ батальоны,

взятые врасплохъ, при первой атакѣ отрѣзанные одни отъ другихъ, не разстроились и, сражаясь, отступали чрезвычайно тихо, оказывая со всѣхъ сторонъ сопротивленіе съ такимъ мужествомъ, которое, повторяю, свойственно только однимъ русскимъ. Они совершили чудеса храбрости, но не могли противустоять одновременной атакѣ четырехъ дивизій, шедшихъ совокупно впередъ и тяжестію своею подавлявшихъ высылаемыя противъ нихъ войска».

Генералъ Кульневъ.

Желая дать своимъ войскамъ отдыхъ, Витгенштейнъ отвелъ ихъ на одинъ переходъ, и затѣмъ обѣ арміи оставались въ бездѣйствіи до начала октября.

Дѣйствія графа Витгенштейна имѣли большое вліяніе на общій ходъ войны. Непосредственнымъ слѣдствіемъ пораженій, нанесенныхъ имъ, было то, что цѣлый корпусъ Сенъ-Сира отрядили къ Двинѣ отъ главной непріятельской арміи, къ которой онъ уже болѣе не присоединялся. И такъ, графъ Витгенштейнъ съ однимъ корпусомъ удержалъ три французскіе корпуса и пріобрѣлъ надъ непріятелемъ столь великое нравственное превосходство, что Наполеонъ отказался

отъ наступательныхъ движеній на правой сторонѣ Двины, предписывая маршаламъ только удерживаться на ея берегахъ и охранять путь его сообщеній. Отважность, сопровождавшая дѣйствія графа Витгенштейна, тѣмъ болѣе достойна уваженія, что за нимъ до самаго Петербурга, на разстояніи 600 верстъ, почти вовсе не было войскъ, на которыя онъ могъ бы отступить въ случаѣ неудачи.

Графъ Витгенштейнъ вдругъ явилъ въ себѣ Россіи неодолимаго защитника древняго Пскова и Петербурга. Въ то время, какъ Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ почитали себя счастливыми, что корпуса ихъ армій не отрѣзаны, и свое торжество полагали въ удачномъ отступленіи, конечно необходимомъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, графъ Витгенштейнъ одинъ дѣйствовалъ съ такой рѣшительностью, что три, находившіеся противъ него, непріятельскіе корпуса не успѣли подвинуться ни на шагъ впередъ и были обречены Витгенштейномъ на бездѣйствіе. Въ то скорбное время, когда одна область за другою переходила во власть непріятеля, графъ Витгенштейнъ былъ единственнымъ утѣшеніемъ отечества. Благодарная Россія съ восторгомъ привѣтствовала своего героя и ставила его выше всѣхъ генераловъ, которымъ ввѣрены были тогда арміи. Особенно жители Пскова и Петербурга, избавленные отъ срама и ужасовъ непріятельскаго нашествія, превозносили графа Витгенштейна. Его имя, осыпаемое благословеніями Россіи, переходило изъ устъ въ уста, славилось въ стихахъ и прозѣ и украсилось лестнымъ названіемъ «Защитника Петрова Града», прекрасно выраженнымъ въ пѣсни, сочиненной на его побѣды, которая оканчивалась такъ:

Хвала, хвала, тебѣ, герой,
Что Градъ Петровъ спасенъ тобой!

Какъ ближайшіе къ театру войны и первые, подверженные непріятельскому нашествію, псковитяне сперва были крайне встревожены переправою французовъ чрезъ Двину. На площадяхъ и улицахъ толпился народъ, ожидая извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ и своей участи. Часто ложные слухи тревожили жителей. Въ церквахъ безпрестанно служили молебствія. Люди достаточные держали въ готовности лошадей для отъѣзда своего при нашествіи непріятеля. Множество транспортовъ съ казеннымъ имуществомъ тронулось въ Новгородъ. Въ городѣ оставлено было

только необходимое, то, что̀ можно было вывезти при близкой опасности. Порохъ и огнестрѣльные снаряды нагрузили на суда, стоявшія въ пяти верстахъ отъ Пскова.

Въ предмѣстьи Завеличьи все было готово, по первому знаку, для зажженія домовъ. Когда псковитяне, какъ слѣдовало вѣрнымъ сынамъ отечества, намѣревались оставить родину и предать жилища свои пламени, вѣсти объ успѣхахъ графа Витгенштейна, слѣдовавшія непрерывно одна за другой, успокоили сердца, удрученныя печалью. Граждане, общимъ совѣтомъ, приговорили поднесть ему икону святаго благовѣрнаго князя Гавріила, псковскаго чудотворца, съ надписью: «Защитнику Пскова, графу Петру Христіановичу Витгенштейну отъ купцовъ сего города».

ГЛАВА IV.

Соединеніе русскихъ армій подъ Смоленскомъ.—Подвигъ войска Невѣровскаго подъ Краснымъ.—Бой подъ Смоленскомъ. — Дальнѣйшее отступленіе.—Бой при Лубинѣ и плѣнъ генерала Тучкова 3-го.—Желаніе Наполеономъ мира.

По соединеніи, обѣ арміи простояли у Смоленска три дня, до 25 іюля, употребляя время для печенія сухарей и пополненія убыли въ полкахъ запасными резервными войсками, послѣ чего въ обѣихъ арміяхъ состояло подъ ружьемъ 120,000 человѣкъ: въ первой 77, во второй 43 тысячи. Собранный военный совѣтъ единодушно положилъ идти со всѣми силами атаковать Наполеона у Рудня.

На разсвѣтѣ 26-го іюля обѣ арміи двинулись впередъ изъ окрестностей Смоленска, гдѣ остался одинъ полкъ для содержанія карауловъ и печенія сухарей. Воспрянула бодрость въ сердцахъ начальниковъ, разлилось веселье между солдатами: это было первое наступательное движеніе въ походѣ. Жители Смоленска наполняли храмы и сопровождали молебнами защитниковъ своихъ. Обѣ арміи двинулись отъ Смоленска впередъ и уже отошли отъ города: 1-я армія на 40 верстъ, а вторая на 30 верстъ. Въ это время оказалось, что Наполеонъ сосредоточилъ свои войска въ значитель-

ныхъ силахъ и намѣренъ самъ напасть на нашъ лѣвый флангъ, чтобы отбросить обѣ арміи къ сѣверу и отрѣзать ихъ отъ Москвы. Поэтому Барклай-де-Толли приказалъ отступить обратно въ Смоленску.

Между прочимъ, уже до Смоленска обозначился ясно образъ дѣйствій французскихъ войскъ. Лучше всего это можно видѣть изъ донесенія атамана Платова Барклаю-де-Толли.

Вотъ что̀ онъ писалъ объ этомъ:

«Необыкновенный образъ войны, употребляемый французами, приличенъ однимъ только варварамъ. Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщичьи дома, бьютъ жителей, насильничаютъ женъ ихъ и дочерей, съ священническимъ саномъ поступаютъ немилосердно, истязаютъ и выпытываютъ отъ нихъ денегъ, но и самыя святыя православныя церкви не избѣгаютъ неистовства французовъ: святые сосуды и утварь разграбливаются. Въ селѣ Инковѣ, въ церкви, на вынесенныхъ святыхъ образахъ французскіе солдаты мыли и развѣшивали нижнее платье. Не благоугодно-ли будетъ сей истинно описанный образъ войны непріятеля нашего поставить на видъ и въ извѣстіе всему отечеству? Подобное извѣщеніе воздвигнетъ въ сердцѣ каждаго праведное рвеніе къ мщенію и ревности къ чиненію всякихъ пожертвованій, дабы изгнать изъ предѣловъ отечества жестокосердаго и несправедливаго непріятеля».

Великое пространство было пройдено Наполеономъ; но передъ нимъ лежало несравненно обширнѣйшее: вся неисходимая даль Россіи. Довольствоваться-ли краемъ, занятымъ съ открытія войны, или идти далѣе? Для рѣшенія сего вопроса собранъ былъ въ Витебскѣ совѣтъ. Бо̀льшая часть изъ призванныхъ на совѣщаніе полагали укрѣпить различныя мѣста между Двиною и Днѣпромъ, и остановиться до весны будущаго года. Наполеонъ былъ противнаго мнѣнія, утверждая, что въ іюлѣ мѣсяцѣ смѣшно помышлять о зимнихъ квартирахъ; что при наступленіи морозовъ Днѣпръ и Двина не представятъ никакой защиты и скроются подъ льдомъ и снѣгомъ; что его арміи, привыкшей къ наступательнымъ движеніямъ, несвойственно быть въ оборонительномъ положеніи, посреди лишеній и скуки маневрируя на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Онъ обратилъ вниманіе маршаловъ также на то, что̀ происходило въ тылу, внѣ предѣловъ Россіи, гдѣ ненадежные

неискренніе союзники, вѣроятно, ожидали только благопріятнаго случая для возстанія противъ него. «Императоръ Александръ—сказалъ Наполеонъ — слишкомъ могущественъ; онъ не согласится на миръ, не испытавъ счастія въ бою: надобно разбить его армію. Для чего останавливаться здѣсь на восемь мѣсяцевъ, когда въ 20 дней можемъ мы достигнуть цѣли? Не затѣмъ пришелъ я въ Россію, чтобы овладѣть ничтожнымъ Витебскомъ. Разгромимъ Россію и черезъ

Генералъ Невѣровскій.

мѣсяцъ будемъ въ Москвѣ. Весь планъ моего похода—въ сраженіи, вся моя политика—въ успѣхѣ».

Полученныя Наполеономъ воззванія Императора Александра къ общему возстанію и вооруженію—заставляли его возобновить военныя дѣйствія. По донесеніямъ своихъ пословъ, находившихся передъ войною въ Петербургѣ, онъ зналъ о благоговѣніи русскихъ къ священной волѣ Монарховъ и любви ихъ къ родинѣ. «Что касается до русскихъ—писалъ ему однажды Коленкуръ — то даже и тотъ,

кто возьметъ 500 рублей въ судѣ за несправедливое рѣшеніе дѣла, не приметъ отъ меня милліона за измѣну отечеству». Наполеонъ предвидѣлъ, что скоро забушуетъ вокругъ него народная война, для предупрежденія которой почиталъ единственнымъ средствомъ генеральное сраженіе, въ его понятіи равносильное побѣдѣ. До какой степени озаботили его воззванія Императора, видно изъ того, что онъ приказывалъ нѣсколько разъ прочитывать себѣ сдѣланный съ нихъ переводъ. «Воззванія эти, говоритъ его секретарь, встревожили и удивили Наполеона».

Вотъ обстоятельства, недозволявшія Наполеону оставаться въ Витебскѣ долѣе того времени, какое необходимо было для возстановленія силъ арміи и порядка, разстроеннаго быстрымъ наступленіемъ отъ Нѣмана до Витебска. Солдаты его были утомлены длинными переходами, палящими жарами, особенно общимъ недостаткомъ продовольствія. По приходѣ въ Витебскъ, уже третьей части арміи его не существовало. Отъ голода явились кучи мародеровъ. Для отысканія хлѣба бросались они по сторонамъ дорогъ, и, углубляясь все далѣе и далѣе, не могли догонять своихъ полковъ. Не зная языка, они бродили на-удачу, и перестали помышлять о возвращеніи къ знаменамъ. Падежъ на лошадей увеличился.

Желая какъ можно скорѣе дать сраженіе русской арміи, Наполеонъ двинулъ свою армію къ Смоленску. Прибывъ къ Днѣпру и по переправѣ чрезъ рѣку, онъ вступилъ въ землю, гдѣ уже были только чисто русскіе и гдѣ онъ уже не могъ найти предателей и жидовъ. Здѣсь онъ лишился возможности имѣть проводниковъ, факторовъ, лазутчиковъ. Крестьяне съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ бѣжали въ лѣса, гдѣ среди неприступныхъ болотъ строили себѣ шалаши и только по ночамъ, украдкою, выходили на жатву.

Первая встрѣча съ французами произошла 2-го августа близъ Смоленска, при городѣ Красномъ, гдѣ былъ расположенъ генералъ Невѣровскій *). Противъ него шла масса кавалеріи, подъ предводительствомъ короля Неаполитанскаго Мюрата. Кавалерія, завидя Невѣровскаго, раздѣлилась на нѣсколько частей и двинулась

*) Въ составъ отряда входили полки: Ладожскій и Полтавскій пѣхотные и 49 и 50 егерскіе; Харьковскій драгунскій, три казачьихъ и 14 орудій.

въ обходъ, съ намѣреніемъ охватить нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, какъ вѣрную добычу.

Едва построилась дивизія на позиціи, какъ французы атаковали Красный, открытый со всѣхъ сторонъ. Тучи пуль полетѣли на находившихся тамъ егерей. Наши, опасаясь быть отрѣзанными, отступили, не имѣя возможности долѣе защищаться. Непріятелю достались два орудія, которыхъ егеря не могли увезти изъ города; ружейный огонь французовъ былъ столь силенъ, что, при самомъ началѣ нападенія, лошади подъ орудіями были перебиты. Мюратъ, съ 15,000 конницы и одною дивизіею пѣхоты, сталъ обходить Невѣровскаго, особенно съ лѣваго фланга. Харьковскіе драгуны пошли въ атаку, но были опрокинуты. Наша батарея осталась безъ прикрытія. Французы ударили на нее и захватили пять пушекъ. И такъ, Невѣровскій съ самаго начала сраженія остался безъ артиллеріи и конницы, съ одною пѣхотою. Французская пѣхота подходила атаковать съ фронта, конница неслась на наши фланги. Невѣровскій свернулъ баталіоны въ каре и сказалъ имъ: «Ребята! помните, чему васъ учили; поступайте такъ, и никакая кавалерія не побѣдитъ васъ. Не торопитесь въ пальбѣ, стрѣляйте мѣтко во фронтъ непріятеля, третья шеренга передавай ружья не суетясь, и никто не смѣй начинать пальбы безъ моей команды» *)!

Приказаніе было выполнено съ точностію; непріятель, съ двухъ сторонъ мчавшійся и уже опрокинувшій драгунъ и казаковъ, изрубившій половину артиллеристовъ и прикрытіе ихъ, былъ подпущенъ на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Неподвижное, будто окаменѣлое каре, не внимая происходившему вокругъ него бурному смятенію, стояло безмолвно, стройно, какъ стѣна. Загремѣло начальническое «Тревога!» Барабаны подхватили; батальный прицѣльный огонь показался—и въ мигъ французскіе всадники и ихъ лошади устлали землю. Одинъ полковникъ съ нѣсколькими удальцами въ вихрѣ боя домчался до угла каре и палъ на штыкахъ; линіи же атакующія быстро повернули назадъ и ускакали въ безпорядкѣ, въ большою потерею! У насъ ударили отбой пальбѣ. «Видите, ребята— сказалъ Невѣровскій въ восторгѣ—какъ легко исполняющей свою

*) Двухшереножный строй введенъ, какъ извѣстно, въ царствованіе Императора Александра II.

обязанность пѣхотѣ побѣждать кавалерію! Благодарю васъ и поздравляю!» Единодушное: «ура!» и «рады стараться!» раздавались ему въ отвѣтъ и взаимное поздравленіе.

Отбивъ нападеніе, Невѣровскій началъ отступать. Непріятель удвоилъ кавалерійскія атаки съ тыла и фланговъ. Невѣровскій, идя въ кареяхъ и заслоняясь деревьями, которыми обсажена дорога, отбивался удачно. Мюратъ предложилъ сдаться, но получилъ отказъ. Непріятель находился такъ близко, что могъ переговариваться съ нашими солдатами и вызывалъ ихъ положить оружіе. Солдаты Полтавскаго полка закричали: «Умремъ, а не сдадимся!» На 5-й верстѣ отступленія былъ самый большой натискъ; но деревья и рвы препятствовали французамъ врѣзаться въ наши колонны. Стойкость пѣхоты уничтожала пылкость нападеній. Мюратъ безпрестанно вводилъ свѣжія войска въ дѣло, но всѣ они были отбиты. Наши, безъ различія полковъ, смѣшались наконецъ въ одну колонну, тѣсно сплотясь, отступали отстрѣливаясь и отражая атаки. Такъ прошли еще 7 верстъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ прекращались березы и рвы на дорогѣ, обнесенная плетнемъ деревня едва не разстроила отступленія. Непріятель захватывалъ тылъ колонны и шелъ вмѣстѣ съ нею. Невѣровскій приближался уже къ рѣчкѣ, и когда былъ за версту отъ нея, то изъ двухъ орудій, посланныхъ впередъ, открыли огонь. Непріятель вообразилъ, что тутъ ожидало русскихъ сильное подкрѣпленіе, очистилъ тылъ—и наши благополучно переправились за рѣчку, гдѣ держались до вечера. Мюратъ уже не атаковалъ, а только бросилъ въ насъ нѣсколько ядеръ. Давъ вздохнуть войскамъ, Невѣровскій отошелъ ночью до оврага, въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска.

И такъ, 15 тысячъ лучшей въ мірѣ кавалеріи и пѣхоты французской ничего не могли сдѣлать противъ 6,000 русскихъ. Наполеонъ былъ весьма недоволенъ распоряженіями своихъ генераловъ подъ Краснымъ. «Я ожидалъ — сказалъ онъ—всей дивизіи русскихъ, а не отбитыхъ у нихъ орудій».

Арміи наши въ это время были на пути къ Смоленску: 1-я армія въ 40 верстахъ отъ города, а 2-я—въ 30 верстахъ; въ самомъ Смоленскѣ былъ корпусъ генерала Раевскаго. Для Наполеона было выгоднѣе всего отбросить наши арміи къ сѣверу и отрѣзать ихъ

отъ сообщенія съ Москвою и внутренними губерніями. Но Раевскій рѣшился скорѣе погибнуть съ своимъ корпусомъ, чѣмъ допустить Наполеона до такого пагубнаго для Россіи шага.

Утромъ 3-го августа подошли къ Смоленску французы. Съ зарею началась перестрѣлка, а въ 9 часовъ Смоленскъ уже былъ окруженъ непріятелемъ. Наполеонъ, разсчитывая совершенно разбить насъ, отъ радости воскликнулъ: «Наконецъ-то русскіе въ моихъ рукахъ!»

4-го августа Наполеонъ сосредоточивалъ свои войска къ Смоленску. Весь день этотъ Раевскій геройски бился съ французами, пока арміи наши сосредоточивались для боя, подвигаясь къ городу. Наполеонъ ждалъ, что русская армія выйдетъ въ поле, чтобы дать сраженіе. Но Барклай-де-Толли, опасаясь, чтобы Наполеонъ не прорвался на московскую дорогу, рѣшилъ продолжать отступленіе, оставивъ въ самомъ Смоленскѣ, вмѣсто Раевскаго, корпусъ Дохтурова. Дохтуровъ въ это время едва оправился отъ болѣзни, и когда главнокомандующій спросилъ его, въ силахъ-ли онъ дѣйствовать при оборонѣ Смоленска?—Дохтуровъ отвѣчалъ: «Лучше умирать въ полѣ, нежели на кровати». Первая же и вторая арміи начали отступленіе отъ Смоленска за Днѣпръ.

Въ 8 часовъ утра 5-го августа послышались первые ружейные выстрѣлы; къ 10 часамъ на всемъ протяженіи передовыхъ цѣпей открылся огонь, поддерживаемый артиллеріею. Нѣсколько разъ французы врывались въ улицы и предмѣстья и захватывали дома, изъ коихъ однакоже ихъ прогоняли. Уже было за полдень; предмѣстья остались за нами: атаки на нихъ были отбиты. Къ двумъ часамъ непріятель отошелъ назадъ на пушечный выстрѣлъ; огонь прекратился.

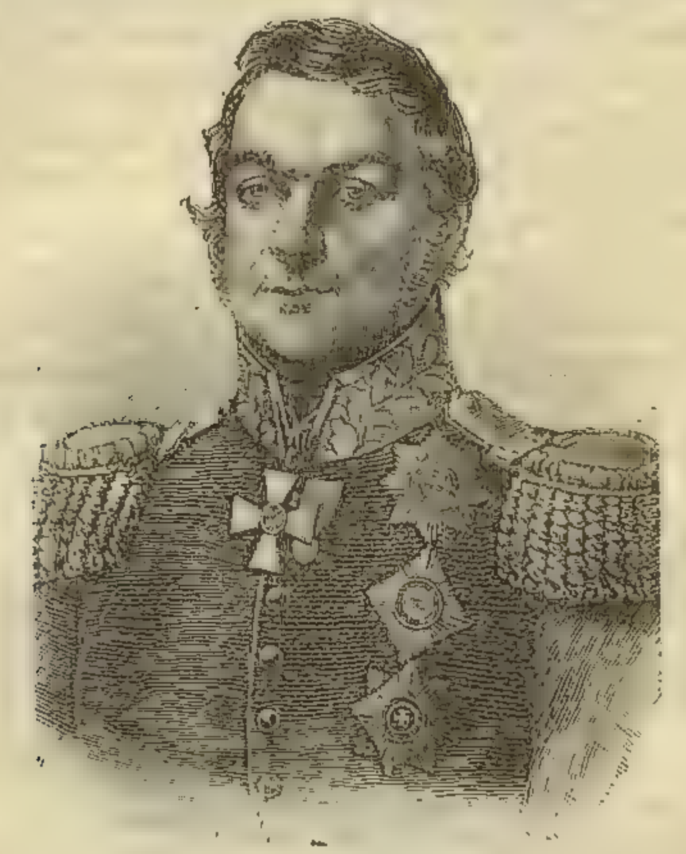
Наполеонъ все еще ждалъ, что наши выйдутъ изъ Смоленска и примутъ сраженіе на пространствѣ, находившемся между городомъ и французскою арміею. Надежда его скоро разрушилась донесеніемъ, привезеннымъ съ праваго фланга, что тамъ замѣтно движеніе русскихъ, отступающихъ отъ Смоленска по московской дорогѣ. То была 2-я армія. Маршъ ея не могъ скрыться отъ непріятеля, потому что дорога, по которой слѣдовалъ князь Багратіонъ, нѣсколько верстъ идетъ вдоль Днѣпровскаго берега. Напо-

леонъ желалъ лично удостовѣриться въ столь важномъ извѣстіи, и поѣхалъ на правое крыло. Здѣсь онъ своими глазами убѣдился въ движеніи князя Багратіона, и первою мыслію его было отрѣзать эти войска отъ тѣхъ, которыя находились въ Смоленскѣ. Посланы были разъѣзды для отысканія бродовъ. Нѣсколько французовъ, въѣзжавшихъ въ рѣку, для узнанія глубины воды, утопили лошадей. Разъѣзды возвратились съ донесеніемъ, что не нашли брода, хотя онъ былъ версты четыре выше Смоленска. По неимѣнію брода, при невозможности отрѣзать отступавшія войска, вознамѣрился Наполеонъ овладѣть Смоленскомъ, какъ мѣстомъ для переправы на правый берегъ Днѣпра, и велѣлъ начать общую атаку.

Въ 4 часа пополудни одновременно двинулись колонны. Часа два держался Дохтуровъ въ предмѣстьяхъ, но наконецъ принужденъ былъ войти въ городъ и разставилъ пѣхоту по стѣнамъ, а артиллерію по бастіонамъ; только небольшое число стрѣлковъ оставалось внѣ стѣнъ. Русскія батареи, стоявшія на правомъ берегу Днѣпра, на оконечности лѣваго крыла арміи, во все это время дѣйствовали по непріятелю. Многочисленность дала Наполеону возможность вдругъ атаковать всѣ части города; но стѣны, ограждавшія нашихъ отъ дѣйствія его орудій и ружейныхъ выстрѣловъ, были непреодолимою преградою для непріятеля. Благодаря имъ, уронъ нашъ былъ незначителенъ въ сравненіи съ ужасною потерею непріятеля. Не даромъ въ-старину называли Смоленскія стѣны дорогимъ ожерельемъ. Пыль и дымъ затемняли воздухъ; шумъ и трескъ заглушали слова и барабаны. Главный натискъ былъ обращенъ на Малаховскія ворота, защищаемыя Коновницынымъ. Возлѣ него былъ Дохтуровъ. Немногіе изъ тѣхъ, кто окружалъ нашихъ генераловъ, остались невредимы. До какой степени свирѣпствовалъ здѣсь убійственный огонь, можно заключить по тому, что надобно было четыре раза перемѣнять 4 орудія, стоявшія у воротъ, ибо лошади и прислуга въ самое короткое время были истребляемы. Коновницына ранило пулею въ руку, но онъ не оставилъ сраженія и даже не дозволилъ сдѣлать себѣ перевязки.

Безполезность нападенія утомила Наполеона. Онъ велѣлъ идти на проломъ. Передъ головы колоннъ вывезены батареи. Крѣпость и толщина стѣнъ, воздвигнутыхъ еще Годуновымъ, противустояли чу-

гуну; но тучи ядеръ и гранатъ, полетѣвшихъ въ городъ изъ 150 орудій, произвели пожары. Церкви, дома, башни, все, что̀ могло горѣть, запылало. Зажженныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя тучи, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящіе перекаты ружейной стрѣльбы, стукъ барабановъ, улицы, наполненныя ранеными, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками:—вотъ

Генералъ Дохтуровъ.

зрѣлище, которое освѣщали догоравшіе лучи солнца. Почитая этотъ день свѣтопреставленіемъ, а Наполеона антихристомъ съ воинствомъ дьяволовъ, жители толпами бѣжали изъ огня. Во все время свирѣпствовавшихъ битвъ не затворялись церкви; служители алтарей Божьихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ ревущихъ жерлъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви, но всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня продолжалось. Никогда болѣе жаркихъ, какъ въ этотъ вечеръ, не возсылали молитвъ ко Всевышнему. Въ сумерки, изъ Благовѣщенской церкви, а потомъ изъ города

вынесли чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Шествіе сопровождалось трескомъ распадавшихся зданій и губительными явленіями битвы, кипѣвшей посреди прекраснѣйшаго лѣтняго вечера. Не было ни малѣйшаго вѣтра: огонь и дымъ, восходя столбомъ, разстилались подъ самыми облаками. Удалилась Божественная Заступница Смоленска, но со стѣнъ не сходили русскіе, спереди громимые непріятелемъ, сзади опаляемые пожаромъ, разлившимся по всему городу. Съ великимъ трудомъ могли сохранить мостъ на Днѣпрѣ, единственное сообщеніе съ арміею, находившеюся по ту сторону рѣки. Поздно вечеромъ, часу въ 11-мъ, канонада прекратилась; непріятель отступилъ на небольшое разстояніе отъ стѣнъ; на ночь наши посты были разставлены впереди города.

Такова была битва подъ Смоленскомъ, гдѣ Дохтуровъ съ 30,000 дрался противъ 150,000 французовъ, предводимыхъ самимъ Наполеономъ. Наполеонъ не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха, не взирая на то, что ввелъ въ дѣло болѣе половины своей арміи.

Такъ какъ главная цѣль боя для русскихъ, состоявшая въ томъ, чтобы дать возможность выйти на московскую дорогу обѣимъ арміямъ, была достигнута, то рѣшено было очистить Смоленскъ, что̀ и было исполнено въ ночь съ 5-го на 6-е августа. Дохтуровъ получилъ повелѣніе очистить Смоленскъ со всѣми войсками, которыя въ теченіе дня находились въ его распоряженіи, перейти на правый берегъ Днѣпра и истребить Днѣпровскій мостъ. Коновницынъ распоряжался арріергардомъ.

До разсвѣта Смоленскъ совершенно опустѣлъ; мостъ былъ уничтоженъ. Нѣсколько полковъ стали въ предмѣстьи, противъ бывшаго моста, и при бродахъ. Въ такомъ положеніи ожидали разсвѣта, а между тѣмъ мимо войскъ нашихъ тянулись отовсюду несчастные жители, бѣжавшіе отъ непріятеля: старики съ малолѣтними, матери съ дѣтьми,—всѣ спасались, не зная сами куда, не зная, что̀ будетъ съ ними и съ Россіею!

Желая во что бы то ни стало нанести намъ жестокое пораженіе и разъединить наши арміи, Наполеонъ продолжалъ упорное наступленіе. Но русскіе отступали шагъ за шагомъ и дрались, какъ львы. 7-го августа при деревнѣ Лубинѣ, недалеко отъ Смоленска, не только солдаты и офицеры шли впереди своихъ войскъ, но даже

сами генералы. Тучковъ 3-й, съ Екатеринославскими гренадерами, ударилъ въ штыки. Онъ былъ опрокинутъ, пронзенъ штыкомъ, упалъ съ лошади и взятъ въ плѣнъ.

Битвой подъ Лубинымъ кончились кровопролитныя дѣйствія, происходившія нѣсколько дней сряду въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ. Уступлено было врагамъ вѣковое достояніе имперіи, но не побѣда предала его во временное обладаніе Наполеона. Съ невѣроят-

Генералъ Коновницынъ.

нымъ мужествомъ сражаясь на старинныхъ рубежахъ отечества, русскіе отходили назадъ не потому, что были принуждены силою къ отступленію, но въ исполненіе воли главнокомандующаго, полагавшаго, что еще не пробилъ часъ общей битвы.

Когда Тучковъ, пробитый штыкомъ, упалъ на землю, французы начали рубить его саблями. Было темно, но вдругъ просіяла луна. Увидя на плѣнномъ звѣзду, непріятель остановилъ занесенный и, вѣроятно, роковой ударъ. Тучковъ, облитый кровью, былъ представленъ Мюрату, принятъ имъ ласково, и даже получилъ удовле-

твореніе просьбы, заключавшейся въ томъ, что, пока Тучкова вели къ Мюрату, офицеръ, взявшій его въ плѣнъ, убѣждалъ замолвить объ немъ хоть слово. Прощаясь съ Мюратомъ, Тучковъ сказалъ, что имѣетъ до него просьбу. «Какую?» спросилъ Мюратъ: «охотно сдѣлаю все, что можно.»—«Не забудьте наградить офицера, который представилъ меня къ вамъ; онъ дѣйствовалъ очень храбро противъ меня».—Мюратъ улыбнулся; на другой день офицеръ получилъ орденъ.

Отъ возвратившагося послѣ сраженія адъютанта своего, Наполеонъ узналъ, сколь убійственна была битва. Тотчасъ, ночью же, велѣлъ онъ подать карету, и въ три часа утра пріѣхалъ на поле сраженія. Безполезное пролитіе крови до такой степени поразило Наполеона — говоритъ секретарь его—что онъ рѣшился не идти далѣе и остановиться въ Смоленскѣ. Онъ уже раскаявался, зачѣмъ начиналъ войну, видя, что долженъ былъ, какъ мореходецъ въ безбрежномъ океанѣ, все болѣе и болѣе углубляться въ необозримое пространство Россіи, на коемъ наша армія, а съ нею и мнимая побѣда, подобно призракамъ, скрывались и исчезали отъ глазъ его.

Когда нашимъ арміямъ удалось наконецъ соединиться за Днѣпромъ, то Барклай-де-Толли сначала предполагалъ принять общій бой; но такъ какъ потери наши были значительны, то онъ раздумалъ и хотѣлъ выждать прибытія подкрѣпленій и отойти еще назадъ.

Пока наши стояли въ раздумьи: принять-ли сраженіе или нѣтъ,— Наполеонъ жилъ на пепелищѣ Смоленска, и провелъ тамъ четыре дня среди догоравшихъ церквей и домовъ. Жестокость пожара была такова, что изъ 2,250 обывательскихъ домовъ, лавокъ и заводовъ уцѣлѣло только 350. Наполеонъ занялъ домъ гражданскаго губернатора. На другой день послѣ своего пріѣзда, 7-го августа, онъ отправился въ соборъ. Дойдя до середины огромнаго храма, онъ снялъ шляпу, что̀ сдѣлали и всѣ окружавшіе его, бывшіе до тѣхъ поръ, подобно повелителю своему, съ покрытою головою. Ужасная картина представилась Наполеону. Неуспѣвшіе спастись изъ города и пожаромъ лишенные крова, жители искали убѣжища въ домѣ Божіей Матери Смоленскія Одигитріи. Тамъ взоры Наполеона встрѣтили матерей въ мукахъ разрѣшенія отъ бремени, больныхъ, боровшихся со смертію; вопли и стенанія оглашали церковь! Наполеонъ нѣсколько разъ ѣздилъ по разореннымъ окрестностямъ, гдѣ не оставалось

и слѣдовъ прежняго благосостоянія, и прогуливался по испепеленному городу, безмолвно глядя на догоравшіе дома и церкви.

Сколько изъ 15,000 обывателей, составлявшихъ, до нашествія непріятеля, народонаселеніе Смоленска, находилось въ то время въ городѣ, съ достовѣрностію неизвѣстно. Съ исхода іюля начали уѣзжать изъ Смоленска; переселеніе продолжалось до самаго отступленія нашей арміи.

Судя по явленіямъ, представившимся Наполеону съ перваго шага его на коренную Русскую землю, и въ самомъ Смоленскѣ, не трудно было ему заключать о томъ, что̀ ожидало его далѣе. Онъ вознамѣрился Императору Александру сдѣлать мирныя предложенія, и избралъ для того генералъ-маіора Тучкова, перевезеннаго съ поля Лубинскаго сраженія въ Смоленскъ, гдѣ французы поступали съ нимъ очень ласково, особенно начальникъ штаба Бертье, который, безъ всякой просьбы, снабдилъ его бѣльемъ и деньгами. За Тучковымъ присланъ былъ съ вѣжливымъ приглашеніемъ адъютантъ Наполеона. Передъ домомъ французскаго императора толпилось множество военныхъ; при входѣ, по обѣимъ сторонамъ, стояли часовые верхомъ; лѣстница и переднія комнаты наполнены были генералами; у дверей кабинета находился лакей въ придворной ливреѣ. Когда Тучковъ вошелъ въ кабинетъ, Наполеонъ былъ вдвоемъ съ Бертье. У окна на столѣ лежала карта Россіи; движенія русскихъ войскъ означены были воткнутыми на ней булавками съ зелеными головками, французскихъ — синими и другихъ цвѣтовъ. Наполеонъ стоялъ посреди комнаты, благосклонно отвѣтилъ на поклонъ плѣннаго и вступилъ съ нимъ въ слѣдующій разговоръ.

«Какого вы корпуса?» — Втораго. — «Это корпусъ Багговута. Родня-ли вамъ Тучковъ, командиръ 3-го корпуса?» — Родной братъ мой. — «Я не стану спрашивать о числѣ вашей арміи, а скажу вамъ, что она состоитъ изъ 6 корпусовъ, каждый изъ 2-хъ дивизій въ 6 пѣхотныхъ полковъ, въ полку по 2 баталіона. Могу опредѣлить даже число людей въ каждой ротѣ». — Вижу, что ваше величество обо всемъ очень хорошо увѣдомлены. — «Не мудрено, отвѣчалъ Наполеонъ: всякій день, съ самаго начала отступленія вашего, мы беремъ плѣнныхъ; нѣтъ почти ни одного изъ русскихъ полковъ, изъ котораго у насъ не было бы солдатъ. Ихъ разспрашиваютъ о числѣ

людей, записываютъ отвѣты и такимъ образомъ составляютъ свѣдѣнія». Помолчавъ, Наполеонъ продолжалъ: «Вы, господа, хотѣли войны, а не я; знаю, что у васъ говорятъ, будто я зачинщикъ: это неправда; я докажу вамъ, что я не хотѣлъ войны и что вы меня въ ней принудили». Тутъ онъ пустился въ пространное изложеніе своихъ поступковъ въ отношеніи Россіи, начиная съ Тильзитскаго мира; утверждалъ, что не онъ подалъ поводъ къ разрыву, что требованіе очистить Пруссію было для него обидно, что съ нимъ говорили, какъ съ побѣжденнымъ,—словомъ, повторялъ всѣ тѣ несправедливыя жалобы, какими еще до нашествія своего укорялъ Россію. Потомъ говорилъ онъ о Лубинскомъ дѣлѣ, и спросилъ: «Скоро-ли дадите вы сраженіе? Или будете все отступать?» На отвѣтъ плѣннаго, что ему неизвѣстны намѣренія главнокомандующаго, Наполеонъ началъ хвалить русское войско и осуждать нашъ образъ войны. «Отступая безпрестанно», говорилъ онъ, «вы только опустошаете свою собственную землю. Зачѣмъ оставили вы Смоленскъ и довели этотъ прекрасный городъ до самаго несчастнаго положенія? Если хотѣли защищать его, для чего не держались долѣе? Вы могли отстаивать его еще очень долго. Если же не имѣли этого намѣренія, зачѣмъ останавливались и сражались въ немъ? Развѣ только для безполезнаго разоренія города. Смоленскъ для меня лучше всей Польши, онъ былъ всегда и останется русскимъ. Императора вашего я люблю, не смотря на войну, но война ничего не значитъ. Государственныя выгоды часто могутъ раздѣлять и родныхъ братьевъ. Императоръ Александръ былъ и будетъ другомъ моимъ. Знаетъ-ли онъ васъ лично?»—Надѣюсь, отвѣчалъ Тучковъ, я имѣлъ счастіе служить въ гвардіи. — «Можете ли вы писать къ нему?» — Никакъ нѣтъ; я никогда не осмѣлюсь утруждать Императора письмами, особливо въ настоящемъ моемъ положеніи.—«Но, если вы не смѣете писать къ Императору, можете-ли вы написать къ брату вашему то, что я вамъ скажу?»—Къ брату—дѣло другое.—«И такъ, вы меня обяжете, извѣстивъ его, что видѣли меня и я поручилъ вамъ написать ему, что онъ сдѣлаетъ мнѣ большое удовольствіе, если самъ, или черезъ великаго князя, или главнокомандующаго, какъ ему лучше покажется, доведетъ до свѣдѣнія Государя, что я ничего болѣе не желаю, какъ заключить миръ. Мы уже довольно сожгли пороху и про-

лили крови; вѣдь когда нибудь должно же кончиться. За что мы деремся? Я противъ Россіи вражды не имѣю. О! еслибы вы были англичане! (При сихъ словахъ онъ поднялъ вверхъ кулакъ.) Но русскіе мнѣ ничего не сдѣлали. Если вы думаете, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ вашихъ генераловъ, тѣхъ, кого болѣе другихъ уважаютъ, составятъ военный совѣтъ, разсмотрятъ положеніе дѣлъ, силы мои и ваши. Если они найдутъ на сторонѣ ва-

Генералъ Тучковъ 3-й.

шей болѣе вѣроятностей къ побѣдѣ и возможности разбить меня, то назначьте: гдѣ и когда быть сраженію,—я на все готовъ. Если же, напротивъ, всѣ вѣроятности успѣха признаны будутъ въ выгоду мою, такъ, какъ оно и дѣйствительно есть, то зачѣмъ намъ долѣе проливать кровь по-пустому? Не лучше-ли вступить въ переговоры о мирѣ до потери сраженія, чѣмъ послѣ? Да и какія послѣдствія должно имѣть для васъ проигранное сраженіе? Я займу Москву, и какія бы я ни принялъ мѣры для избавленія ея отъ разоренія, ничто не по-

можетъ. Занятая непріятелемъ, столица похожа на женщину, потерявшую честь: что ни дѣлай послѣ, но чести возвратить уже невозможно. Знаю, у васъ говорятъ, что Россія не въ Москвѣ; то же самое твердили и австрійцы о Вѣнѣ; но когда я занялъ ее, они заговорили иначе. И съ вами то же случится. Столица ваша Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденція Государя».

Наполеонъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, и потомъ спросилъ Тучкова: «Вы лифляндецъ?»—Нѣтъ, я коренной русскій, изъ окрестностей Москвы.—«Вы изъ Москвы?» сказалъ Наполеонъ съ особеннымъ выраженіемъ. Вы-то, господа москвичи, хотите войны со мной?» Продержавъ Тучкова около часа, Наполеонъ, отпуская его, велѣлъ возвратить ему шпагу и совѣтовалъ не огорчаться. «Плѣнъ вашъ безчестія сдѣлать вамъ не можетъ, сказалъ онъ, такъ какъ вы взяты; берутъ только тѣхъ, кто бываетъ впереди, но не тѣхъ, кто остается назади».

Согласно съ желаніемъ Наполеона, Тучковъ написалъ брату своему о происходившемъ разговорѣ и показывалъ письмо маршалу Бертье, который отправилъ его въ нашу главную квартиру. Оттуда представили оное Императору. Отвѣтомъ Наполеону было презрительное молчаніе.

Изъ различныхъ повелѣній, отданныхъ Наполеономъ въ Смоленскѣ, видно, что онъ ни часу не колебался идти далѣе во внутрь Россіи, желая быстротою движенія не дать русской арміи времени умножить свои силы. Онъ надѣялся разбить ее и занятіемъ Москвы разстроить всѣ наши средства обороны, предупредить вооруженіе народнаго ополченія, привесть въ отчаяніе Россію и принудить Императора Александра вступить въ переговоры. «Насъ ожидаетъ миръ», сказалъ онъ своимъ приближеннымъ; «черезъ недѣлю мы заключимъ его. Бывъ такъ близко къ цѣли, не о чемъ размышлять. Пойдемъ въ Москву».

Сдѣлавъ разныя распоряженія для дальнѣйшаго похода, Наполеонъ 7-го августа выѣхалъ изъ Смоленска.

ГЛАВА V.

Отступленіе арміи къ Цареву Займищу. — Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ всѣхъ армій.—Отступленіе къ Бородину. — Бородинскій бой.—Оставленіе Москвы.—Московскій пожаръ.—Несбывшіяся мечты Наполеона.—Положеніе его арміи.—Грабежи.

Послѣ сраженія при Лубинѣ до прибытія нашихъ армій къ д. Цареву Займищу, то есть отъ 7 до 17 августа, французамъ нигдѣ не удалось оттѣснить нашихъ арріергардовъ прежде того времени, когда наши должны были сами отступать по разсчету назначеннаго начальствомъ времени. Ни одного орудія, ни одной повозки не досталось въ руки непріятеля.

Въ то же время положеніе дѣлъ въ обѣихъ арміяхъ совершенно измѣнилось. Для ночлеговъ нашъ арріергардъ останавливался на мѣстахъ привольныхъ, между тѣмъ какъ французскій авангардъ долженъ былъ располагаться на ночь часто въ мѣстахъ безлѣсныхъ и безводныхъ. Боковые корпуса, безъ проводниковъ и топографическихъ картъ, шли ощупью. Боясь, что колонны могутъ заблудиться, непріятели ставили по дорогѣ конные ведеты вмѣсто верстовыхъ столбовъ, которые были нашими войсками срубаемы. Въ то время, когда русскія войска, подымаясь въ походъ съ разсвѣтомъ, при наступленіи жаровъ отдыхали, французы, утомленные зноемъ при построеніи разоренныхъ мостовъ, а потомъ сраженіемъ до ночи, приходили въ изнуреніе. Фуражиры ихъ нерѣдко возвращались съ пустыми руками, отъ чего возрастало бродяжничество. Полковые командиры и офицеры, видя, что съ каждымъ шагомъ край становится безлюднѣе, брали, гдѣ могли, повозки и рогатый скотъ, такъ

что, начиная отъ Смоленска, обозы составили толпы, почти столь же огромныя, какъ и сама армія. Позади тянулись отсталые, безлошадные, раненые, больные. Для снисканія пріюта французы сворачивали въ стороны и блуждали на проселочныхъ дорогахъ... Въ тылу арміи происходили великіе безпорядки: голодные бродяги нападали на товарищей своихъ, возвращавшихся съ добычею. Особенно обувь износилась совершенно; многіе шли босикомъ.

Отступленіе русской арміи представляло другое зрѣлище. Она отступала со всѣмъ населеніемъ окрестныхъ мѣстъ, окруженная пожарами, истребленіемъ. Съ обѣихъ сторонъ выѣзжали на дороги обозы крестьянскихъ телѣгъ и помѣщичьихъ экипажей. Поселяне и помѣщики искали защиты въ сосѣдствѣ арміи. Иные брели за нею съ прострѣленными членами. Горящіе города и села, покинутыя жилища—все болѣе и болѣе возжигали огонь мщенія въ арміи и народѣ. Духовенство ближнихъ къ дорогѣ церквей, съ иконами и хоругвями, окруженное своими прихожанами, съ поникшими и непокрытыми головами, шло посреди полковъ, стройныхъ, но печальныхъ и безмолвныхъ. Кто могъ равнодушно смотрѣть на безпрерывные пожары, удаляющійся народъ, храмы Божіи, разрушаемые нечестіемъ, вѣру отцовъ своихъ поруганную, Россію, казавшуюся безсильной! Желаніе сраженія сдѣлалось столь же общимъ, пламеннымъ въ арміи, какъ и во всей Россіи. Помыслы и молитвы всѣхъ устремлены были къ одному: положить конецъ отступленію, которое вело враговъ въ сердце государства.

Черезъ нѣсколько часовъ по вступленіи арміи въ лагерь при Царевомъ Займищѣ, получено было извѣстіе о Высочайшемъ повелѣніи: быть князю Кутузову главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, и о скоромъ его прибытіи къ войскамъ.

Императоръ Александръ, скорбя душою о народныхъ бѣдствіяхъ и видя неудобство, происходившее отъ двухъ главнокомандующихъ, рѣшилъ сосредоточить военную власть надъ всѣми арміями въ однѣхъ рукахъ. Выборъ его палъ на человѣка, который еще недавно прославилъ русское оружіе въ Турціи. Это былъ Кутузовъ, незадолго до своего назначенія получившій княжескій титулъ.

Князь Кутузовъ отправился въ армію 11 августа, въ воскре-

сенье. Около дома его, на Дворцовой набережной Невы, отъ Гагаринской пристани до Прачешнаго моста толпился народъ. Часовъ въ 9 князь Кутузовъ сѣлъ въ карету, но отъ тѣсноты принужденъ былъ ѣхать шагомъ. Отовсюду раздавались пожеланія счастливаго пути и побѣды. Князь поѣхалъ въ Казанскій соборъ, гдѣ слушалъ молебенъ, стоя на колѣняхъ. Протоіерей окропилъ его святою водою, подалъ ему честный и животворящій Крестъ Господень и на блюдѣ—образъ Казанской Божіей Матери. Кутузовъ возложилъ на себя образъ. Въ нѣсколько минутъ церковь наполнилась народомъ, желавшимъ проводить своего вождя, не предчувствуя, что Кутузову оставалось жить не болѣе восьми мѣсяцевъ, и что по прошествіи этого времени только холодные останки полководца будутъ покоиться въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ онъ теперь, готовясь къ великому подвигу, призывалъ на помощь Всевышняго. Выходя изъ церкви, князь Кутузовъ сказалъ священникамъ: «Молитесь обо мнѣ; меня посылаютъ на великое дѣло!»

На первой станціи, въ Ижорѣ, князь Кутузовъ встрѣтилъ курьера изъ арміи. Имѣя разрѣшеніе распечатывать привозимыя оттуда бумаги, онъ узналъ здѣсь о паденіи Смоленска и сказалъ: «Ключъ къ Москвѣ взятъ!» Подробности смоленскаго сраженія были въ тотъ же вечеръ переданы ему ѣхавшимъ изъ арміи въ Петербургъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Тутъ же онъ назначилъ начальникомъ своего штаба генерала Беннигсена. По всей дорогѣ, жители городовъ и селеній стекались около князя Кутузова и напутствовали его благословеніями. По мѣрѣ приближенія его къ Гжатску, болѣе и болѣе обнаруживались признаки губительной войны. Помѣщики и поселяне Смоленской губерніи тысячами спасались отъ непріятельскаго нашествія. Одни съ имуществомъ, другіе безъ всего, въ рубищѣ, тянулись ко Ржеву, Волоколамску и далѣе, кочуя подлѣ дороги, на поляхъ. Отрадно было несчастнымъ появленіе князя Кутузова. Нѣсколько разъ останавливался онъ, стараясь утѣшать безпріютныхъ. Старцы заставляли внуковъ лобызать ноги его, матери поднимали вверхъ грудныхъ младенцевъ; только и слышно было: «Спаси насъ! Побей супостата!»

17-го августа, въ 11 часовъ утра, князь Кутузовъ былъ въ виду Гжатска. Въ 5-ти верстахъ отъ города множество жителей, вышед-

шихъ ему на встрѣчу, остановили его карету, выпрягли лошадей и везли ее на себѣ до приготовленнаго для него дома.

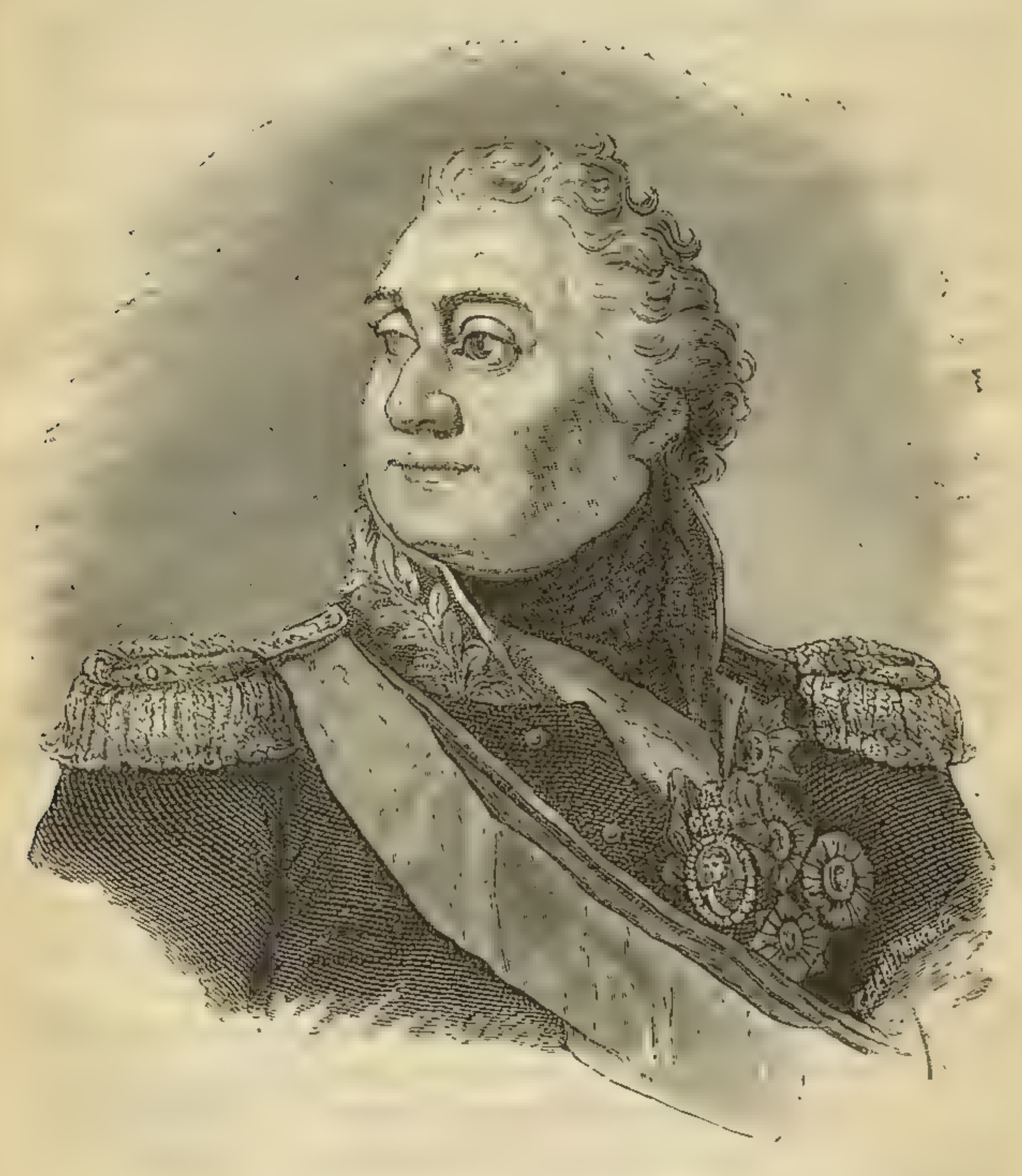
Изъ Гжатска князь Кутузовъ отправился въ Царево Займище, гдѣ въ тотъ день армія имѣла роздыхъ. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, онъ объѣхалъ войска. На ясномъ небѣ взвился огромный орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ: куда онъ, туда и орелъ. Князь снялъ свою бѣлую фуражку, привѣтствовалъ царя пернатыхъ, какъ вѣстника успѣховъ, и провозгласилъ: Ура! Полки повторили восклицаніе. По лагерю разнеслась вѣсть о пріѣздѣ князя Кутузова, съ чѣмъ всѣ другъ друга поздравляли, какъ съ вѣрнымъ залогомъ побѣды. Кто могъ, спѣшилъ ему на встрѣчу. Даже солдаты, шедшіе съ котлами за водою, по обыкновенію вяло и тихо, узнавъ о его прибытіи, съ крикомъ «ура!» побѣжали къ рѣкѣ, воображая, что уже гонятъ непріятеля. Тотчасъ явилась поговорка: «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Всѣ взоры и сердца обратились къ полководцу, русскому по имени и свойствамъ. Его пріѣздъ; во время самаго неблагопріятнаго положенія дѣлъ, воскресилъ упадшій духъ, оживилъ въ войскахъ самосознаніе непобѣдимости.

Новый періодъ войны начался единоначаліемъ. Главнокомандующіе отдѣльными арміями подчинились одному лицу и заняли мѣста второстепенныя. Всѣ дѣйствія совокупились во вновь прибывшемъ 67-тилѣтнемъ полководцѣ. Всѣ распоряженія происходили отъ него одного. Онъ былъ врагъ совѣтовъ и не требовалъ мнѣній постороннихъ. Къ тому же, при отправленіи его изъ Петербурга; не было дано ему письменнаго операціоннаго плана: Императоръ разрѣшилъ ему дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Одно строжайше воспретилъ онъ: *вступать въ переговоры съ Наполеономъ*, и приказалъ еще, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми несчастными ихъ жителями, которые въ отношеніи къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ.

Осмотрѣвъ войско и мѣстоположеніе, князь Кутузовъ приказалъ отступить изъ Царева Займища къ Гжатску и затѣмъ къ Бородину.

Окончивъ первоначальныя распоряженія, князь Кутузовъ обратился къ доблестнымъ, злополучнымъ смолянамъ въ слѣдующемъ печатномъ объявленіи: «Достойные Смоленскіе жители, любезные со-

отечественника! Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщаюсь я отовсюду о безпримѣрныхъ опытахъ вѣрности и преданности вашей Престолу

Фельдмаршалъ князь Кутузовъ.

Августѣйшаго Монарха нашего и къ любезнѣйшему отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость

*

своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкія оковы, но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвигалось волею своихъ Самодержцевъ и пламенною любовію къ нимъ и отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго и да водворитъ паки воедино семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались!»

Отступленіе русскихъ войскъ, на пространствѣ около трехсотъ верстъ, отъ Смоленска къ Бородину, представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ сохраненія въ войскахъ порядка и дисциплины. Непріятелю не удалось захватить ни отсталыхъ, ни одной повозки изъ нашихъ обозовъ. Главныя силы армій не были изнуряемы утомительными маршами, благодаря искуснымъ дѣйствіямъ нашего арріергарда, который отходилъ шагъ за шагомъ, замедляя движеніе непріятельскаго авангарда. По словамъ Коновницына, вездѣ, гдѣ только встрѣчались равнины, встрѣчала непріятеля наша кавалерія, построенная въ шахматномъ порядкѣ, между тѣмъ какъ въ тылу ея, на высотахъ, располагались батареи такъ, чтобы онѣ могли удобно оборонять впереди лежащее пространство перекрестными выстрѣлами, а въ лѣсахъ устраивались засады изъ пѣхоты.

Дойдя до Бородина, князь Кутузовъ рѣшилъ остановиться и принять бой. Обѣ арміи, 1-я и 2-я, заняли позицію за рѣкою Колочею, вправо и влѣво отъ Бородина, выдвинувъ впередъ, къ селенію Шевардино, особый отрядъ подъ начальстомъ князя Горчакова, для того, чтобы непріятель выказалъ свои силы и направленіе движенія своихъ отрядовъ. Сила нашего отряда у Шевардина доходила до 11,000 человѣкъ.

Съ утра до 11-ти часовъ ночи 24-го августа дрался этотъ отрядъ, пока не получилъ приказаніе отступить.

Ночь съ 24-го на 25-е августа и весь день 25-го были прове-

дены въ приготовленіяхъ къ бою съ обѣихъ сторонъ. Число войскъ, готовившихся къ Бородинскому бою, было слѣдующее: французовъ до 130,000, а русскихъ 120,800 человѣкъ. За исключеніемъ же иррегулярныхъ войскъ, почти вовсе не участвовавшихъ въ сраженіи, и ополченія, большею частью вооруженнаго пиками и не могшаго принесть большую пользу въ бою, мы имѣли около 104,000 человѣкъ противъ 130,000 человѣкъ войскъ непріятельскихъ. Принимая же во вниманіе, что, при движеніи Наполеона къ Смоленску, число войскъ Великой арміи простиралось до ста восьмидесяти тысячъ человѣкъ, очевидно, что подъ Бородинымъ въ ней должно было оставаться по крайней мѣрѣ до ста сорока тысячъ человѣкъ. Къ тому же въ русской арміи было до 15,000 наскоро обученныхъ рекрутъ, никогда еще не бывшихъ въ огнѣ, а Наполеонова армія состояла изъ старыхъ солдатъ; это были надежнѣйшіе люди изъ 300,000 воиновъ, вступившихъ въ предѣлы Россіи, перенесшіе всѣ трудности и лишенія тяжкаго похода и оставившіе на пути за собой всѣхъ слабосильныхъ. Слѣдовательно, на сторонѣ Наполеона было несомнѣнное превосходство въ силахъ.

Весь день Наполеонъ объѣжалъ позицію и дѣлалъ распоряженія. И съ нашей стороны весь день 25-го августа прошелъ въ приготовленіяхъ къ бою. Князь Кутузовъ велѣлъ пронести вдоль линій войскъ чудотворную икону Божіей Матери, спасенную усердіемъ нашихъ воиновъ во время занятія непріятелемъ Смоленска и съ той поры постоянно сопровождавшую русскія войска. Подобно тому, какъ нѣкогда было передъ Куликовскимъ побоищемъ, стотысячная армія въ стройныхъ рядахъ встрѣчала ликъ своей Заступницы. Духовенство шло въ богатыхъ ризахъ, по временамъ останавливаясь и совершая молебствіе; кадила дымились, свѣчи теплились, Святая икона медленно шествовала, тысячи благочестивыхъ воиновъ падали на колѣни, творя крестное знаменіе и молясь съ усердіемъ. Главнокомандующій, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Въ продолженіе этого дня онъ подъѣзжалъ къ нѣкоторымъ полкамъ и говорилъ съ солдатами; слова его быстро передавались въ арміи и усиливали общую готовность положить животъ въ защиту Москвы и Россіи.

Иностранные писатели говорятъ о двойной порціи пищи и вина,

розданной будто бы въ сей день нашимъ солдатамъ по приказанію Кутузова.

Дѣйствительно, благодаря усердію добраго русскаго народа и близости Москвы, наши войска тогда имѣли въ изобиліи все нужное; но очевидцы говорятъ, что на призывъ квартиргеровъ къ чаркѣ многіе солдаты отвѣчали: «Не къ тому готовимся, не такой завтра день».

Таково было общее настроеніе умовъ въ нашей арміи; не было замѣтно въ ней унынія, но не было также и шумнаго восторга. Предстоящая битва, священная въ понятіяхъ русскихъ, вызывала торжественную тишину и молчаніе. Несмотря на сырость воздуха, пробиравшую до костей нашихъ воиновъ, они разводили бивачные огни какъ бы нехотя.

Напротивъ того, въ непріятельской арміи огромные костры пылали по всему пространству, занятому въ ночи войсками Наполеона. Несмотря на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, французы были возбуждены надеждой прекращенія трудовъ и лишеній,—надеждой, которая манила ихъ такъ долго и, наконецъ, готова была осуществиться. Только войска, совершившія передвиженіе въ ночи, не успѣли развести огней и провели остальное время лежа на сырой землѣ, въ ожиданіи боя.

Таковы были приготовленія къ огромнѣйшей изъ битвъ со времени изобрѣтенія пороха. На пространствѣ квадратной мили находилось двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, болѣе шестидесяти тысячъ лошадей и болѣе 1,200 орудій. Съ одной стороны были воины, пришедшіе съ крайнихъ предѣловъ запада и юга Европы, большей частью опытные, участвовавшіе во многихъ битвахъ, и въ числѣ ихъ величайшій полководецъ нашего времени; съ другой—стояли воины со всѣхъ областей обширнаго Русскаго царства, прибывшіе отъ Ледовитаго моря, Урала и Каспія, изъ отдаленной Сибири и съ Кавказа, уступавшіе въ боевой опытности противникамъ, но закаленные въ трудахъ и лишеніяхъ и предводимые полководцемъ, на котораго возлагала надежду вся Россія.

По утру, въ третьемъ часу, Наполеонъ, послѣ краткаго отдыха, несмотря на простуду, которую чувствовалъ еще съ вечера, снова предался кипучей дѣятельности, составлявшей отличительную черту его

характера. Первыя слова его были: «Что дѣлается у русскихъ?» Получивъ въ отвѣтъ, что наши войска оставались на мѣстѣ, онъ былъ очень обрадованъ и, выйдя изъ своей палатки съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Коленкуромъ, сказалъ собравшимся около него во множествѣ офицерамъ: «Сегодня немножко холодно, но ясно: это солнце Аустерлица».

Въ пять часовъ Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ правому флангу войскъ, назначенныхъ для главной атаки. Все готово.

Графъ Кутайсовъ.

Ординарцы съ приказаніями мчатся во всѣ стороны. Армія строится къ бою; ротные и эскадронные командиры читаютъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ слѣдующій приказъ: «Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ

сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: и онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!»

Бородинская битва.

Позиція наша занимала пространство за рѣкою Колочею, вправо отъ деревни Горки, а влѣво черезъ Бородино, деревню Семеновскую до деревни Утицы, лежащей на старой Смоленской дорогѣ. Она была почти не укрѣплена, ибо за недостаткомъ времени имѣлись не вполнѣ оконченныя укрѣпленія только въ трехъ мѣстахъ: впереди деревни Горки, лѣвѣе Бородина—батарея Раевскаго и лѣвѣе деревни Семеновской—небольшія батареи, названныя флешами Багратіона, потому что войсками Багратіона оборонялась эта часть позиціи.

Весь ходъ Бородинскаго боя можно раздѣлить на двѣ части: первую отъ начала боя, съ 6-ти часовъ утра, до полудня, когда французамъ удалось окончательно занять Багратіоновы флеши, и вторую—бой за батарею Раевскаго и до конца, или до 6-ти часовъ вечера.

Наполеонъ рѣшилъ вести разомъ главныя атаки на батарею Раевскаго и на флеши Багратіона. Въ то же время велась на флеши Багратіона атака корпуса Понятовскаго, который долженъ былъ атаковать флеши съ фланга, отъ деревни Утицы. Противъ Бородина и нашего праваго фланга велась ложная атака.

Въ 6 часовъ утра французы открыли пальбу изъ 102 орудій противъ Багратіона. Вслѣдъ затѣмъ раздалась канонада по всей линіи, и войска французовъ двинулись въ атаку одновременно на батарею Раевскаго и на флеши Багратіона.

Прежде, чѣмъ выйти изъ лѣса, французскія колонны, шедшія на флеши, были опрокидываемы штыками. Однако французы успѣли ворваться въ одно изъ укрѣпленій, но тотчасъ же были выбиты подоспѣвшими подкрѣпленіями. Маршалъ Даву и одинъ начальникъ дивизіи поплатились ранами за минутный успѣхъ.

Видя первую неудачу, Наполеонъ двинулся противъ Семеновскаго подкрѣпленія; съ нашей стороны были также посланы на помощь значительныя силы изъ корпуса Тучкова 1-го, а изъ гвардіи полки Измайловскій, Литовскій и Финляндскій. Несмотря на то, французы снова ворвались въ одно изъ укрѣпленій. Завязался рукопашный бой,

въ которомъ былъ тяжело раненъ штыкомъ начальникъ дивизіи, графъ Воронцовъ. До 10-ти часовъ укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки. Въ это время были еще ранены корпусный командиръ, князь Горчаковъ, и начальникъ дивизіи—Невѣровскій. Въ одиннадцатомъ, часу у Семеновскихъ высотъ собралось 26,000 французской пѣхоты противъ 18,000 русскихъ. Съ обѣихъ сторонъ были выставлены огромныя батареи, и пальба изъ орудій походила на батальный огонь. Войска обѣихъ сторонъ дрались съ крайнемъ самоотверженіемъ. Къ сожалѣнію, въ это время армія наша понесла весьма чувствительную потерю: князь Багратіонъ былъ смертельно раненъ.

Около 11 часовъ французы, будучи выбиты изъ флешей, сдѣлали отчаянное усиліе, снова завладѣли флешами и захватили бывшія въ нихъ орудія, но ненадолго. Генералъ Бороздинъ съ гренадерскою и 3-ю пѣхотною дивизіями ударилъ въ штыки, опрокинулъ непріятеля и гналъ его довольно долго. Но непріятель, несмотря на понесенныя имъ потери, снова бросился въ атаку на Семеновскія укрѣпленія, и въ $11^1/_2$ часовъ овладѣлъ укрѣпленіями. Въ это время былъ раненъ смертельно генералъ Тучковъ 4-й. Войска наши отступили за Семеновскій оврагъ и расположились по обѣ стороны деревни Семеновской. Но едва только успѣли они это исполнить, какъ противъ нихъ двинулись громадныя массы тяжелой и легкой кавалеріи. Измайловскій и Литовскій полки, построивъ каре, встрѣтили кавалерію убійственнымъ огнемъ. Два раза кавалерія бросалась на нашу пѣхоту и оба раза отступала; наши неоднократно бросались въ штыки. Наконецъ и развалины деревни Семеновской были заняты французами.

Такъ кончилось здѣсь дѣло къ полудню. Посмотримъ теперь, что̀ было за это время на нашемъ правомъ флангѣ.

Въ шесть часовъ утра Бородино было занято гвардейскимъ Егерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ Бистрома. Французы атаковали большими силами и вытѣснили егерей. Усиленные прибывшими подкрѣпленіями, егеря отбросили французовъ. Все дѣло продолжалось не болѣе четверти часа, но было такое жаркое, что уронъ дошелъ до 30 офицеровъ и половины полка изъ нижнихъ чиновъ. Въ концѣ концовъ Бородино было очищено, а французы теперь повели атаку на батарею Раевскаго. Въ десятомъ часу французы попробовали

атаковать батарею, но, отброшенные въ безпорядкѣ, отступили, а въ одиннадцатомъ часу возобновили нападеніе. По недостатку снарядовъ въ артиллеріи, мы не могли оказать надлежащаго сопротивленія, почему французы усилили еще болѣе свои войска. Опасность была большая: центръ нашей позиціи былъ прорванъ. Въ это время начальникъ штаба 1-й арміи, генералъ Ермоловъ, видя опасность, схватилъ 3-й батальонъ Уфимскаго полка и повелъ его прямо на батарею; сюда же подоспѣли и вновь устроившіяся войска, вытѣсненныя французами съ батареи Раевскаго. Атака была такъ стремительна, что французы бѣжали, а наши такъ увлеклись преслѣдованіемъ, что Ермоловъ изъ опасенія, чтобы не наткнуться на превосходныя силы, долженъ былъ приказать кавалеріи заскакать впередъ и остановить преслѣдованіе. Многіе генералы обѣихъ сторонъ были ранены, а графъ Кутайсовъ вовсе не былъ найденъ; о смерти его стало извѣстно только потому, что къ войскамъ прибѣжала его лошадь съ окровавленнымъ сѣдломъ. Въ числѣ раненыхъ генераловъ былъ и Ермоловъ. Неудачное покушеніе французовъ на батарею Раевскаго стоило имъ до 3,000 человѣкъ и нѣсколькихъ генераловъ, въ томъ числѣ бригаднаго Бонами, взятаго въ плѣнъ фельдфебелемъ 18-го егерскаго полка Золотовымъ, за что онъ былъ произведенъ въ подпоручики.

Еще разъ французы пробовали овладѣть батареею, но и на этотъ разъ напрасно.

На лѣвомъ флангѣ, у деревни Утицы, французы также не имѣли успѣха. Къ сожалѣнію, здѣсь былъ смертельно раненъ генералъ Тучковъ 1-й.

Такимъ образомъ, въ теченіе шестичасоваго боя наши войска, за исключеніемъ Семеновскаго оврага и флешей Багратіона, вездѣ удержали свои позиціи.

Послѣ 12-ти часовъ французы снова двинулись на батарею Раевскаго въ огромныхъ силахъ, выдвинувъ впередъ болѣе 80 орудій. Но въ это время Наполеонъ пріостановилъ движеніе, ибо узналъ о нападеніи съ тылу. Это были войска Уварова и Платова, которыя съ праваго фланга перешли въ наступленіе и показались въ тылу французовъ. Но такъ какъ при этихъ войскахъ не было пѣхоты, то кавалерія не могла воспользоваться большимъ успѣхомъ и, произведя безпорядокъ во французскихъ войскахъ, отступила назадъ, а Напо-

леонъ, убѣдившись въ незначительности нашихъ силъ, возобновилъ нападеніе на батарею Раевскаго, направивъ туда громадную массу пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Батарея Раевскаго была взята, несмотря на отчаянное сопротивленіе полковъ Перновскаго, Кексгольмскаго и 33-го егерскаго. Въ углу укрѣпленія, на походномъ стулѣ, сидѣлъ больной тѣломъ, но крѣпкій духомъ, начальникъ защитниковъ кургана, генералъ Лихачевъ. Возвышая свой слабый голосъ среди грома выстрѣ-

Генералъ Тучковъ 1-й.

ловъ и крика сражавшихся, онъ возбуждалъ своихъ подчиненныхъ къ геройскимъ подвигамъ. Когда уже не было никакой надежды отстоять батарею, Лихачевъ собралъ свои послѣднія силы и кинулся въ толпу непріятелей. Пораженный нѣсколько разъ штыками, онъ былъ поваленъ на землю; но непріятели, узнавъ въ немъ русскаго генерала, не нанесли ему послѣдняго смертельнаго удара.

До 4-хъ часовъ продолжался бой за курганную батарею Раевскаго; пѣхота и кавалерія безпрестанно ходили въ атаку, но каждый

разъ массы свѣжихъ французскихъ войскъ вступали въ бой и мѣшали нашимъ войскамъ воспользоваться успѣхами. Атаки съ обѣихъ сторонъ слѣдовали одна за другой; лошади убитыхъ всадниковъ бѣгали по полю цѣлыми табунами. Самъ Барклай-де-Толли участвовалъ въ схваткѣ и обнажилъ саблю для собственной защиты.

Русскіе отступили окончательно за Горицкій оврагъ—у деревни Горки, а затѣмъ съ обѣихъ сторонъ продолжались небольшія схватки и перестрѣлка.

Во все время боя у насъ, кромѣ четырехъ егерскихъ полковъ, были введены въ дѣло всѣ войска; у Наполеона-же въ резервѣ оставалось нетронутыхъ 20,000 лучшихъ и отборныхъ войскъ, составлявшихъ старую гвардію.

Русскіе ожидали, что Наполеонъ возобновитъ на слѣдующій день сраженіе; однако онъ не рискнулъ своимъ послѣднимъ резервомъ и не ввелъ въ бой старую гвардію.

Кутузовъ съ своей стороны также хотѣлъ на слѣдующій день продолжать бой, но, получивъ въ ночь свѣдѣніе о громадной убыли въ войскахъ, отказался отъ этого намѣренія и въ ночь отдалъ приказъ отступить за Можайскъ. Дѣйствительно, потери обѣихъ сторонъ въ Бородинскомъ бою были громадны: у насъ выбыло изъ строя 44,000 убитыхъ и раненыхъ и нѣсколько тысячъ неуспѣвшихъ собраться; въ рядахъ арміи оставалось не болѣе 52,000 человѣкъ. Изъ генераловъ, пожертвовавшихъ своею жизнью на защиту отечества, пали смертью храбрыхъ: Багратіонъ, Тучковъ 1-й, Тучковъ 4-й, Кутайсовъ, а ранены — Ермоловъ, графъ Воронцовъ, Сенъ-При, князь Горчаковъ, принцъ Карлъ Мекленбургскій, два брата Бахметевы, Лихачевъ, Невѣровскій и другіе. Уронъ непріятеля былъ не меньше нашего.

Такъ кончился 26-го августа знаменитый Бородинскій бой, хотя и не выигранный нами, но рѣшившій судьбу Россіи и дальнѣйшую участь перваго полководца въ мірѣ того времени—Наполеона. Отсюда счастье отвернулось отъ него.

Самъ Наполеонъ впослѣдствіи говорилъ не разъ: «Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, кототорое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а

русскіе стяжали себѣ право быть непобѣдимыми. Изъ пятидесяти данныхъ мной сраженій, въ битвѣ подъ Москвою выказано наиболѣе доблести и одержанъ наименьшій успѣхъ».

Непріятельская армія, несмотря на успѣхи, ею одержанные въ Бородинской битвѣ, находилась въ затруднительномъ положеніи: войска Наполеона имѣли крайнюю нужду въ провіантѣ и фуражѣ; все жилье отъ Смоленска до Гжатска было завалено больными и ранеными; подкрѣпленія и парки отстали отъ арміи. До Москвы оставалось только нѣсколько переходовъ; но уже мало-по-малу исчезала надежда на миръ и замѣтенъ былъ упадокъ духа въ войскахъ, не видѣвшихъ предѣла своимъ бѣдствіямъ. Чѣмъ далѣе подавалась впередъ Наполеонова армія, тѣмъ болѣе разобщалась она отъ фланговыхъ своихъ корпусовъ, которые, вмѣсто обезпеченія съ тыла главныхъ силъ, принуждены были обратить исключительно все свое вниманіе на собственную защиту отъ постоянно усиливавшихся новыми подкрѣпленіями нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Двинѣ и Волыни подъ начальствомъ Витгенштейна и Тормасова.

Отступленіе отъ Бородина къ Москвѣ было совершено нашими войсками въ такомъ порядкѣ, какого можно было требовать послѣ упорнаго, кровопролитнаго сраженія.

Непріятельскія войска, по мѣрѣ углубленія своего внутрь нашей страны, встрѣчали большія затрудненія. Обозы съ продовольствіемъ не поспѣвали вслѣдъ за войсками, либо истощались безъ всякой надежды на пополненіе ихъ другими запасами. Русскіе, отступая, уничтожали за собой не только магазины, заготовленные въ городахъ, но самые города и селенія. Страна, и безъ того уже не богатая жителями, была ими оставляема и представляла взору подобіе пустыни. Кавалерія была принуждена отыскивать фуражъ, отклоняясь съ дорогъ въ стороны на значительное пространство. Недостатокъ въ водѣ, который терпѣли и наши войска въ знойное лѣто 1812 года, былъ еще чувствительнѣе для непріятелей, нерѣдко останавливаемыхъ нашимъ арріергардомъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ считали за счастье найти грязную лужу. На каждомъ шагу приходилось починять мосты, разрушенные нашимъ арріергардомъ. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, затруднявшимъ дѣйствія Наполео-

новой арміи, присоединялось незнаніе мѣстности. Войска наши, отступая по большой дорогѣ, срубали верстовые столбы и тѣмъ отнимали у непріятеля послѣднее средство оріентироваться въ неизвѣстной ему странѣ. Все это, задерживая и замедляя французскую армію, способствовало Кутузову возстановить устройство въ нашихъ войскахъ на пути отъ Бородина къ Москвѣ.

До самой Москвы не было ни одной позиціи, на которой наши войска могли бы остановить непріятеля. Поэтому подъ самой Москвою былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ поставленъ былъ вопросъ: защищать ли Москву почти безъ надежды на успѣхъ и рисковать арміею, или отдать Москву и сохранить армію? Голоса на совѣтѣ раздѣлились: одни были за дальнѣйшее отступленіе, другіе за сраженіе. Но Кутузовъ полагалъ, что потеря Москвы не есть еще потеря Россіи, тогда какъ проигранное сраженіе и потеря арміи неизбѣжно повлекутъ за собой гибель Россіи, и приказалъ отступать, оставивъ Москву на жертву врагамъ.

По отъѣздѣ Государя изъ Москвы въ Петербургъ 18-го іюля, всѣ помыслы жителей первопрестольной столицы были обращены на вооруженіе противъ непріятеля. Всякій, могшій владѣть оружіемъ, старался добыть его. Сабли, ружья и пистолеты сдѣлались въ пять разъ дороже цѣны, по которой продавались прежде. Графъ Ростопчинъ желая способствовать общему ополченію, приказалъ продавать дешево старое оружіе, которое было весьма неисправно, но, несмотря на то, арсеналъ былъ съ утра до вечера полонъ покупателями.

Главными предметами заботливости графа Ростопчина, при вторженіи непріятеля въ предѣлы имперіи, было строгое наблюденіе за иностранцами и успокоеніе жителей, взволнованныхъ предстоявшими опасностями.

Положеніе иностранцевъ въ Москвѣ тогда было весьма затруднительно. Народъ, имѣя самое неопредѣленное понятіе о разнородномъ составѣ Наполеоновскихъ войскъ, полагалъ, что вся Европа ополчилась противъ русскихъ, и потому въ каждомъ чужеземцѣ видѣлъ врага, предателя, либо по крайней мѣрѣ злорадствующаго Россіи. Достаточно было произнесть нѣсколько иностранныхъ словъ, или плохо говорить по-русски, чтобы возбудить противъ себя подозрѣніе, и если это случалось съ людьми мало извѣстными въ

городѣ, то они подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ. Правительство всячески старалось оказать покровительство иностранцамъ; однихъ французовъ, въ то время проживавшихъ въ Москвѣ, было болѣе трехъ тысячъ, изъ коихъ лишь немногіе были высланы изъ города.

Что касается до разсѣянія опасеній, волновавшихъ столицу, то въ началѣ войны это не представляло никакихъ затрудненій. Хотя въ народѣ ходили преувеличенные слухи объ огромномъ ополченіи Наполеона, однако же ненарушимость предѣловъ Россіи, казалось, была утверждена временемъ: ужь болѣе ста лѣтъ не переступалъ непріятель священныхъ рубежей нашего отечества! Но, по мѣрѣ успѣховъ непріятельскаго нашествія, безотчетная самонадѣянность уступала мѣсто столь-же безотчетному страху. Наполеоновы полчища, составленныя изъ людей различныхъ націй, казались русскимъ новыми Вандалами, готовыми наводнить Востокъ, подобно тому, какъ нѣкогда варвары наводнили Западъ. Въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, стекались вѣсти объ успѣхахъ непріятельскаго нашествія и, расходясь оттуда нерѣдко въ преувеличенномъ видѣ во всѣ концы имперіи, возмущали общее спокойствіе. Графъ Ростопчинъ противодѣйствовалъ этому злу столь же преувеличенными объявленіями объ успѣхахъ, одержанныхъ нашими войсками.

Всѣ радовались, всѣ торжествовали въ Москвѣ отпоръ, данный непріятелю при Бородинѣ, но вскорѣ явилось въ столицу множество повозокъ съ ранеными. Ихъ страданія возбудили общее участіе. Москвичи спѣшили къ нимъ на встрѣчу и провожали въ Лефортовскій дворецъ, обращенный въ госпиталь, надѣляя страдальцевъ кто чѣмъ могъ. Преосвященный московскій викарій Августинъ, желая доставить высшее утѣшеніе православнымъ воинамъ, отправилъ къ нимъ 31 августа духовенство съ чудотворными иконами Иверской и Смоленской Божіей Матери (Послѣдняя, прежде стоявшая въ Смоленскомъ соборѣ, была перенесена передъ Бородинской битвой въ Москву преосвященнымъ Ириніемъ). Умолкли стоны, исторгаемые мучительною болью. Истерзанные, увѣчные воины, собравъ послѣднія силы, спѣшили приложиться къ священному лику Утѣшительницы несчастныхъ; нѣкоторые изъ нихъ умирали, едва успѣвъ совершить предсмертную молитву. Графъ Ростопчинъ по-прежнему

старался разсѣевать опасеніе московскихъ жителей, приказывая вывозить изъ города казенное имущество не иначе, какъ въ ночное время; но какъ для этого было употреблено болѣе шестидесяти тысячъ подводъ, то распоряженіе главнокомандующаго не могло оставаться въ тайнѣ. Всякій, кто могъ, торопился уѣзжать. Москва замѣтно пустѣла.

Чѣмъ ближе подходилъ непріятель къ первопрестольной столицѣ, тѣмъ усерднѣе православное духовенство, стоя на стражѣ вѣры, утверждало крѣпкихъ и укрѣпляло слабыхъ въ преданности Царю и любви къ Отечеству. Въ челѣ нашихъ духовныхъ пастырей сіялъ тогда высокимъ умомъ и величіемъ духа московскій митрополитъ Платонъ.

Въ самый день Бородинской битвы, когда многіе московскіе жители, устрашенные извѣстіями о приближеніи непріятеля, торопились выѣзжать изъ города, прибылъ въ первопрестольную столицу изъ мирнаго своего убѣжища Виѳаніи 75-лѣтній, изнемогающій отъ болѣзней, митрополитъ Платонъ. Еще за годъ передъ тѣмъ, онъ передалъ управленіе епархіею своему викарію Августину; но вѣсть объ опасности, грозившей обрушиться надъ Москвою, вызвала великодушнаго святителя, который весьма справедливо считалъ присутствіе свое въ столицѣ полезнымъ во дни бѣдствій отечества. Вѣсть о прибытіи митрополита поселила надежду въ унывавшемъ народѣ. Многіе изъ жителей Москвы, возбужденные примѣромъ его, рѣшились принять участіе въ защитѣ столицы, обрекали себя смерти и причащались Св. Таинъ. По призыву Ростопчина, москвичи хотѣли идти съ церковными хоругвями на Трехгорное поле; многіе изъ нихъ, конные и пѣшіе, вооруженные кто чѣмъ успѣлъ, спѣшили туда. Разнесся слухъ, что самъ Платонъ явится на Три-горы, либо на Поклонную гору, благословить русское воинство къ рѣшительному бою. Дѣйствительно, онъ готовъ былъ на всякія жертвы; тѣлесныя силы святителя измѣняли ему, но онъ, несмотря на то, видя Москву наполненною ранеными, оставляемою жителями, не хотѣлъ выѣхать изъ города. Напрасно старались побудить его къ тому викарій его Августинъ и другіе преданные ему люди, напоминая, что непріятели были уже близко. «Что сдѣлаютъ мнѣ они?» твердилъ

безстрашный старецъ; наконецъ, уже 31-го августа (12-го сентября н. ст.) согласился онъ уѣхать въ Виѳанію.

1-го (13) сентября, въ день совѣщанія въ Филяхъ, рѣшившаго участь Москвы, вся столица съ ея окрестностями имѣла видъ необозримаго военнаго стана: войска наши, заслонивъ ее со стороны, обращенной къ непріятелю, сооружали укрѣпленія; жители толпами бѣжали въ арсеналъ, гдѣ въ тотъ день раздавали оружіе даромъ и, потомъ съ восклицаніями: «Да здравствуетъ батюшка нашъ Александръ Павловичъ!» спѣшили на Три-Горы, ожидая тамъ найти военнаго губернатора. Въ сей день преосвященный Августинъ, совершая въ Успенскомъ соборѣ литургію, со слезами молилъ Господа о низложеніи врага, о спасеніи Москвы и Россіи. Соборъ былъ полонъ народа; казалось, всѣ остальные жители Москвы собрались оплакивать предстоявшія имъ бѣдствія.

Наступилъ вечеръ. Одни изъ жителей Москвы отправились съ оружіемъ въ рукахъ за Драгомиловскую заставу, другіе спасали свои семейства и уходили изъ столицы, не зная, удастся-ли имъ найти гдѣ либо убѣжище. Въ городѣ между остальными немногими обитателями водворилось могильное безмолвіе. Надежда и отчаяніе, опасеніе невѣдомыхъ бѣдствій и твердая рѣшимость—всѣ эти чувства, смѣняясь одно другимъ, волновали духъ московскихъ жителей.

По утру 2-го (14) сентября Москва представляла смутное зрѣлище. Немногіе остававшіеся въ ней жители торопливо уходили изъ города, спасая наиболѣе цѣнное свое имущество, либо скрывались въ домахъ и подвалахъ; за наемъ лошадей платили такія деньги, какихъ прежде стоила покупка ихъ. Исчезъ всякій порядокъ. Люди дурнаго поведенія, пользуясь выѣздомъ полиціи, разсѣялись по домамъ и, за отсутствіемъ хозяевъ, распоряжались чужой собственностью; другіе съ такой-же цѣлію отправились въ ряды и уносили оттуда все, что̀ попадало подъ руку; никто не сопротивлялся, никто на мѣшалъ имъ. Купцы, встрѣчая солдатъ на улицахъ, зазывали въ свои лавки, предлагая брать, что приглянется. «Пускай лучше наше добро достанется вамъ, чѣмъ французамъ», говорили нашимъ служивымъ. Въ городѣ царствовало глубокое молчаніе, повременамъ прерываемое только неистовыми криками въ питейныхъ домахъ и рыданіями несчастныхъ, оставлявшихъ кровы, гдѣ надѣя-

лись провести спокойно всю жизнь свою. Главныя улицы, загроможденныя всякаго рода экипажами и повозками, между которыми съ трудомъ пробирались пѣшеходы, представляли картину совершеннаго хаоса. Цѣлыя семейства блуждали по улицамъ, спрашивая у встрѣчныхъ, въ которую сторону идти, чтобы не встрѣтиться съ непріятелемъ? Другіе сомнѣвались въ возможности вступленія непріятелей въ столицу и утверждали, будто бы за нашей арміей слѣдовалъ вспомогательный шведскій корпусъ. Но бо́льшая часть народа торопливо уходила изъ города и на первый случай искала убѣжища въ ближайшихъ селеніяхъ.

Между тѣмъ французскій авангардъ такъ тѣснилъ нашъ арріергардъ, что отступленіе черезъ городъ, по узкимъ улицамъ было бы крайне опаснымъ. Начальникъ арріергарда графъ Милорадовичъ послалъ парламентера къ начальнику французскаго авангарда, королю неаполитанскому Мюрату, сказать, что если французы желаютъ занять Москву цѣлою, то пусть прекратятъ насѣдать на нашъ арріергардъ: въ противномъ случаѣ она достанется врагамъ въ развалинахъ.

Вся Наполеонова армія, отъ генерала до солдата, жаждала вступить въ столицу, достиженіе которой было куплено цѣною столькихъ трудовъ и лишеній. Одни думали раздѣлить славу своего повелителя, который, по мнѣнію ихъ, занявъ Москву, покорялъ своей волѣ Россію, подобно тому, какъ уже была покорена ему бо́льшая часть остальной Европы; другіе, утомленные, разочарованные, надѣялись отдохнуть въ нашей столицѣ и возвратиться въ отечество. Во всякомъ случаѣ, безкровное занятіе Москвы послѣ ужасной Бородинской битвы было столь же неожиданно для нашихъ непріятелей, сколько и для насъ самихъ. И потому весьма естественно, что французы, стремясь овладѣть Москвою, были готовы на всевозможныя уступки для пріобрѣтенія въ цѣлости важнаго залога, обладаніе которымъ, судя по прежнимъ успѣхамъ Наполеона, могло повести его къ успѣшному окончанію трудной борьбы съ Россіей.

Между тѣмъ какъ войска Мюрата подходили къ Драгомиловской заставѣ, Наполеонъ въ 2 часа пополудни въѣхалъ на Поклонную гору и, видя разстилающуюся у ногъ его древнюю столицу Русскаго царства, обратился къ своей свитѣ, сказавъ: «Наконецъ вотъ

онъ, этотъ знаменитый городъ!» И потомъ прибавилъ: «Да и пора уже». Въ этихъ немногихъ словахъ выразились и радость завоевателя, достигшаго цѣли своихъ дѣйствій, и сожалѣніе о потерѣ сотенъ тысячъ воиновъ, принесенныхъ въ жертву несбыточной мечтѣ всемірной монархіи. Затѣмъ, соскочивъ съ коня, Наполеонъ долго разсматривалъ въ зрительную трубу какъ самую столицу, такъ и окрестности ея, приказалъ разостлать на землѣ подробный планъ

Генералъ Тучковъ 4.

Москвы и разспрашивалъ о положеніи важнѣйшихъ пунктовъ ея у одного изъ своихъ секретарей, служившаго ему переводчикомъ съ русскаго языка и хорошо знавшаго столицу. Долго слѣдилъ онъ за расположеніемъ своихъ войскъ, и, наконецъ, пушечнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ всѣмъ колоннамъ продолжать движеніе къ Москвѣ. Такимъ образомъ, дополнительное условіе, предложенное Милорадовичемъ и принятое Мюратомъ, не было исполнено.

Подобно густымъ тучамъ облекли Москву съ запада непріятельскіе корпуса. Мюратъ съ авангардомъ и молодой гвардіей двинул-

ся къ Драгомиловской заставѣ, Понятовскій—къ Калужской, вице-король—къ Тверской. Раздались восклицанія многихъ тысячъ воиновъ: «Да здравствуетъ Наполеонъ!» и непріятельская армія устремилась къ Москвѣ: кавалерія скакала во весь опоръ, артиллерія старалась не отставать, пѣхота пустилась бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ, звукъ оружія, говоръ солдатъ, все смѣшалось въ ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся столбомъ пыли, и въ нѣсколько минутъ Наполеонъ съ ближайшими къ нему полчищами очутился у Драгомиловской заставы. Тамъ, сойдя опять съ коня, влѣво отъ заставы онъ ходилъ взадъ и впередъ, готовясь принять депутацію изъ Москвы. По мѣрѣ того, какъ проходило время въ напрасномъ ожиданіи, походка его дѣлалась быстрѣе и быстрѣе; во всѣхъ его движеніяхъ обнаруживалось нетерпѣніе. Получивъ отъ присланныхъ къ нему изъ авангарда офицеровъ извѣстіе объ оставленіи Москвы, онъ не хотѣлъ вѣрить тому. «Москва опустѣла! Это невѣроятно. Надобно удостовѣриться въ томъ. Ступайте туда и приведите мнѣ бояръ», сказалъ онъ графу Дарю, отправляя его въ городъ для высылки оттуда депутаціи.

Но какъ бояръ не было, а Наполеонъ требовалъ непремѣнно, чтобъ привели къ нему депутацію, то собрали нѣсколько иностранцевъ, которые, вмѣсто обычнаго привѣтствія торжествующему завоевателю, подтвердили вѣсть объ оставленіи Москвы всѣми ея жителями, за исключеніемъ французовъ и нѣмцевъ, занимающихся торговлей, и небольшаго числа русскихъ, принадлежащихъ къ низшимъ народнымъ сословіямъ. Наполеонъ, не удостоивъ ни однимъ словомъ эту жалкую депутацію, сѣлъ на коня, въѣхалъ въ Драгомиловское предмѣстье и расположился со всей свитой въ нѣсколькихъ обывательскихъ домахъ, гдѣ изъ московскихъ жителей не было никого, кромѣ четырехъ дворниковъ.

Въ этотъ день Милорадовичъ оказалъ отечеству незабвенную услугу, способствуя отступленію арміи и выѣзду нѣсколькихъ тысячъ жителей.

Пріобрѣвъ еще въ молодости удѣлъ не многихъ избранныхъ—громкую славу, достигнувъ въ цвѣтѣ лѣтъ чина полнаго генерала, онъ былъ столь же извѣстенъ во французской арміи, сколько въ нашей—Мюратъ. Казалось, сама природа назначила Милорадовича

къ военному званію, одаривъ его всѣми качествами отличнаго воина. Прекрасный собой, одѣтый въ бояхъ и на бивуакахъ какъ на парадѣ, щеголемъ, во всѣхъ орденахъ съ высокимъ перомъ на шляпѣ, иногда обвязанный богатой шалью, онъ, подобно Мюрату, являлся на борзомъ конѣ вездѣ, гдѣ могъ встрѣтить лицомъ къ лицу опасность. Всегда веселый, неутомимый въ военное время, первый въ огнѣ, послѣдній на отдыхѣ, онъ внушалъ подчиненнымъ ему войскамъ свою отвагу. Чѣмъ тягостнѣе становились обстоятельства, тѣмъ болѣе обнаруживалась его обычная живость, тѣмъ лучше высказывалось умѣнье его говорить съ обожавшими его русскими солдатами. Подобно Мюрату, онъ во все продолженіе своего боеваго поприща ни разу не былъ раненъ, несмотря на то, что, по выраженію Ермолова, «кто находился при Милорадовичѣ, тому нужно было имѣть двѣ жизни: одну—свою, а другую—запасную».

Два дня спустя, 9-го (21) сентября, прибылъ въ Петербургъ изъ арміи полковникъ Мишо, посланный къ Государю отъ князя Кутузова, съ донесеніемъ о потерѣ Москвы. Будучи немедленно представленъ Императору на Каменномъ островѣ, Мишо оставилъ въ письмѣ къ бывшему флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому любопытное описаніе разговора, которымъ его удостоилъ Государь при семъ случаѣ. Когда полковникъ Мишо довелъ до свѣдѣнія Его Величества потерю и пожаръ столицы, Императоръ, тронутый до глубины души бѣдствіями своихъ подданныхъ, не скрывая своей горести, сказалъ: «Изъ всего нами испытаннаго заключаю, что само Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня. Покоряюсь его волѣ, но скажите, чтó говорили войска, оставляя безъ выстрѣла мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы упадокъ въ ихъ духѣ?»—Позволите ли мнѣ, какъ солдату, говорить Вашему Величеству откровенно?—«Я всегда требую искренности, но теперь, прошу васъ, не скрывайте отъ меня ничего, скажите мнѣ чистосердечно истину».—Государь, признаюсь, я оставилъ армію отъ Кутузова до послѣдняго солдата въ неописанномъ страхѣ...—«Что вы говорите? Неужели мои русскіе сокрушены несчастіемъ?» — Нѣтъ, Государь, они только боятся, чтобы вы по добротѣ вашего сердца не заключили мира: они горятъ желаніемъ сразиться и доказать вамъ свою преданность!

Государь, потрепавъ Мишо по плечу, сказалъ: «Вы облегчили мое сердце; вы меня успокоили. Возвратитесь въ армію, говорите моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ вы будете проѣзжать, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если судьбою и промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь свою) и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ; будемъ надѣяться, что оно насъ не оставитъ». При этихъ словахъ Императоръ, крѣпко пожавъ руку посланнаго, продолжалъ: «Не забудьте, что̀ я вамъ теперь говорю; можетъ быть, настанетъ время, когда мы вспомнимъ о томъ съ удовольствіемъ: Наполенъ или я, я или онъ,—но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ меня».—Государь, отвѣчалъ Мишо, Ваше Величество подписываете въ сію минуту славу вашего народа и спасеніе Европы. — «Да исполнится предсказаніе ваше!» сказалъ Александръ. «Подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію».

Извѣстіе о занятіи непріятелемъ нашей первопрестольной столицы сдѣлало въ Петербургѣ и во всей имперіи сильное впечатлѣніе, но не оказало вреднаго вліянія на духъ народа. Несмотря на неожиданность такого событія послѣ отраженія непріятельской арміи при Бородинѣ, общее довѣріе къ старому фельдмаршалу нисколько не поколебалось. По вступленіи французовъ въ Москву, Наполеонъ, переночевавъ со 2-го на 3-е сентября въ Драгомиловскомъ предмѣстьи, перенесъ главную квартиру свою въ шесть часовъ утра въ Кремль, гдѣ занялъ помѣщеніе въ покояхъ дворца, обращенныхъ къ рѣкѣ Москвѣ. Еще наканунѣ, съ самаго вступленія непріятелей въ городъ, начались пожары. Сперва загорѣлись москотильныя лавки и гостиный рядъ въ Китай-городѣ, потомъ вспыхнуло пламя на Балчугѣ и запылалъ въ Земляномъ городѣ каретный рядъ, зажженный

хозяевами лавокъ. Французы сперва приписывали эти частные пожары неосторожности и безпорядку, неизбѣжнымъ при занятіи вооруженною рукою обширнаго города, но впослѣдствіи было схвачено нѣсколько человѣкъ съ горючими снадобьями, умышленно поджигавшихъ строенія, которые показали, что имъ это было приказано отъ полиціи передъ вступленіемъ французовъ въ городъ. Всѣ усилія прекратить пожары остались тщетными. Огонь, гасимый въ одномъ мѣстѣ,

Генералъ Бороздинъ.

появлялся во многихъ другихъ, и въ ночь съ 3-го на 4-е обхватилъ бо́льшую часть столицы. Внезапно поднялся сильный вѣтеръ, подобно бурному потоку, пламя стремилось изъ одной улицы въ другую и поднималось клубомъ въ видѣ огненнаго вихря надъ городскими строеніями. Въ числѣ зданій, разрушенныхъ пожаромъ, было нѣсколько госпиталей, наполненныхъ ранеными.

Наполеонъ разослалъ приказанія тушить огонь; но когда ему донесли, что поймано было нѣсколько русскихъ зажигателей, онъ

отложилъ заботу о сохраненіи города. «Москва погибла! Я потерялъ средство наградить мою армію», сказалъ онъ своимъ приближеннымъ. И дѣйствительно, въ эти страшные дни не было Москвы, колыбели нашихъ царей, Москвы священной. Оставалась Москва, объятая пламенемъ, поруганная, отданная на произволъ всѣмъ гнуснымъ страстямъ, унижающимъ человѣчество. Не Москву жгли русскіе.... Они жгли городъ, гдѣ гнѣздились враги ихъ.

4-го, въ полдень, огонь достигъ Кремля; загорѣлись конюшни близъ дворца и запылала арсенальная башня. Нѣсколько головней, унесенныхъ вихремъ, упали на дворъ, гдѣ тогда стояли всѣ зарядные ящики французской гвардейской артиллеріи. Самъ Наполеонъ подвергался большой опасности; судьба его, а вмѣстѣ съ нимъ и судьба двадцати-племенной арміи, увлеченной имъ въ далекую невѣдомую страну, зависѣла отъ одной искры... Нѣсколько разъ приближенные умоляли его удалиться; онъ оставался, какъ будто-бы не вѣря, чтобы ему могла угрожать опасность. Наконецъ, когда ему сказали, что, въ случаѣ нападенія русскихъ на корпуса, стоявшіе внѣ города, не было возможности прибыть къ нимъ, Наполеонъ рѣшился выѣхать изъ Кремля.

Выйдя пѣшкомъ изъ Кремля къ рѣкѣ Москвѣ, онъ приказалъ подвести верховыхъ лошадей для себя и своей свиты и поѣхалъ черезъ городъ. За нимъ слѣдовала гвардія, кромѣ одного батальона, оставленнаго для охраненія Кремля. На каждомъ шагу останавливали его груды развалинъ и раскаленнаго пепла. Солдатъ московской полиціи, служившій проводникомъ Наполеону, не узнавая среди общаго разрушенія ни улицъ, ни зданій, то двигался окольными путями для обхода пожаровъ, то сбивался съ надлежащаго направленія, и, наконецъ, уже въ шесть часовъ вечера вывелъ французовъ къ Петровскому дворцу, гдѣ Наполеонъ нашелъ убѣжище среди биваковъ своихъ войскъ.

Въ продолженіе двухъ сутокъ огонь по-прежнему свирѣпствовалъ въ городѣ, а грабежъ довершилъ бѣдственное положеніе жителей. Иностранцы, приведенные въ нищету, приходили въ Петровскій дворецъ, умоляя непріятелей о помощи; русскіе уходили изъ Москвы. Наконецъ, когда большая часть города сдѣлалась добычей пламени, огонь сталъ утихать, частью отъ про-

ливнаго дождя, частью отъ недостатка пищи для разрушительной стихіи. Наполеонъ, узнавъ о томъ и получивъ донесеніе, что Кремль остался въ цѣлости, отправился въ Москву 6-го сентября въ полдень. На пути, между рядами биваковъ, онъ видѣлъ странную смѣсь роскоши съ нуждою. У костровъ, сложенныхъ изъ дорогой мебели, разбитыхъ зеркалъ, разорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы образовъ святыхъ, кипѣли котлы, въ которыхъ, за недостаткомъ говядины или другаго мяса, обычно служащаго въ пищу, варилась конина; подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго присмотра валялись головы сахара, мѣшки съ кофе и другими тропическими произведеніями, а хлѣба почти ни у кого не было. На каждомъ шагу являлись слѣды грабежа непріятельскихъ мародеровъ. Наполеонъ, желая сохранить средства, оставшіяся въ городѣ отъ быстраго уничтоженія, приказалъ не впускать въ Москву никого изъ солдатъ, кромѣ командъ, посылаемыхъ за добычею, снабженныхъ свидѣтельствами отъ начальниковъ частей войскъ. Эта мѣра нѣсколько уменьшила бродяжничество и насилія мародеровъ, но не принесла большой пользы войскамъ, потому что для сбора запасовъ не было указано опредѣленнаго раіона каждой части: команды различныхъ частей бродили по всему городу, истребляя многое, что впослѣдствіи могло бы принести пользу арміи. Отъ этого встрѣчалось изобиліе и даже излишество нѣкоторыхъ запасовъ при совершенномъ недостаткѣ въ другихъ: въ иномъ полку было много рису и крупъ, но нечѣмъ было приправить ихъ; въ другомъ, фуражирамъ котораго посчастливилось найти погребъ съ наилучшими винами, не было ни хлѣба, ни мяса, и такимъ образомъ отъ нерадѣнія и безпорядка военно-хозяйственной части, несмотря на множество припасовъ, найденныхъ въ городѣ, войска терпѣли крайнюю нужду. Въ особенности же былъ чувствителенъ недостатокъ въ фуражѣ, отъ котораго кавалерія и артиллерія Наполеоновой арміи, въ продолженіе пятинедѣльной стоянки въ окрестностяхъ Москвы, пришли въ совершенное изнуреніе.

Въ продолженіе трехъ сутокъ сгорѣло въ Москвѣ три четверти всего числа домовъ; бо́льшая часть церквей была разрушена, либо разграблена.

Несмотря на множество различнаго рода одежды, найденной въ

городѣ, почти всѣ русскіе, имѣвшіе несчастіе остаться въ Москвѣ, были обобраны до рубашки и лишены послѣдней обуви. Многіе изъ этихъ несчастныхъ питались кореньями съ огородовъ, либо мокрой пшеницей, добытой изъ сѣвшихъ на дно рѣки барокъ.

Послѣдствія пожара Москвы были ужасны: обширный, за нѣсколько времени передъ тѣмъ цвѣтущій городъ обратился въ пустыню, усѣянную грудами развалинъ, среди коихъ возвышались трубы обгорѣлыхъ и сгорѣвшихъ домовъ и немногія уцѣлѣвшія церкви. Изъ числа монастырей, казенныхъ и частныхъ зданій сгорѣло болѣе двухъ третей (изъ 9,257 строеній, считавшихся въ Москвѣ до непріятельскаго нашествія, сгорѣло 6,496); почти всѣ прочія были разграблены.

Грабежъ происходилъ не только въ пустыхъ домахъ, но и въ тѣхъ, гдѣ оставались жители. Сопротивленіе неистовымъ грабителямъ весьма часто имѣло послѣдствіями жестокіе побои, истязанія и убійства. Невозможно представить ужасной картины страданій, начертанной слезами и кровью жителей на московскомъ пожарищѣ. Непріятели, движимые звѣрскими побужденіями, забыли и чувство жалости къ людямъ, и страхъ Божій. Не было уваженія ни къ святынѣ алтарей, ни къ званію священнослужителей. Многія церкви были обращены въ казармы, магазины и конюшни. Солдаты христіанскихъ націй, гордящихся своимъ просвѣщеніемъ, обдирали оклады съ святыхъ иконъ, рубили, жгли ихъ, стрѣляли въ мишени, сложенныя изъ образовъ, и ругались надъ всѣми предметами богослуженія. Казалось, снова настало на Руси время нашествія татаръ невѣрныхъ. Москва, знаменитая числомъ и богатствомъ храмовъ Божіихъ, лишена была цѣлыя двѣ недѣли послѣдней отрады православныхъ страдальцевъ—возноситься молитвою въ церкви отъ всѣхъ земныхъ бѣдствій къ Вышнему Утѣшителю. Наконецъ, 15-го сентября раздался благовѣстъ въ опустѣвшей, опозоренной присутствіемъ непріятеля столицѣ. Въ сей день, ознаменованной годовщиной вѣнчанія на царство Благословеннаго Монарха, служилъ священную литургію въ церкви архидіакона Евпла священникъ кавалергардскаго полка Граціанскій. Будучи захваченъ въ плѣнъ при выступленіи нашихъ войскъ изъ Москвы, онъ первый просилъ черезъ Лессепса о дозволеніи совершать божественную службу, но

съ условіемъ, чтобы не было запрещено молиться о Государѣ и поминать на ектеніяхъ Императорскій Домъ. Неустрашимый духовный пастырь, окруженный непріятелями, на развалинахъ Москвы, возглашалъ къ небу мольбы о покореніи подъ ноги православнаго царя всѣхъ враговъ его и просилъ о дарованіи ему побѣды. Во всѣхъ областяхъ обширной Россіи милліоны русскихъ молились о своемъ Монархѣ, но могъ-ли кто вознестись душою къ Богу усерднѣе несчастныхъ московскихъ жителей?

Что же касается до вліянія московскаго пожара на духъ русскихъ войскъ и вообще на духъ нашего народа, то очевидцы этого событія увѣряютъ, что оно, разсѣявъ уныніе и безнадежность, бывшія непосредственными послѣдствіями потери Москвы, возбудило въ Россіи общую жажду мести.

При вступленіи непріятеля въ Москву многіе думали, что для освобожденія первопрестольной столицы наше правительство готово было на всякую жертву и даже на заключеніе невыгоднаго мира. Но когда Москва запылала, тогда уже дѣло шло не о спасеніи Москвы: всѣ русскіе, какъ одинъ человѣкъ, одушевились желаніемъ отмстить за нее. Исчезло неблагопріятное впечатлѣніе прежнихъ неудачъ. Не трудно было намъ сообразить, какою дорогою цѣною непріятель пріобрѣлъ одержанные имъ успѣхи; всѣ знали, какъ сильна была Наполеонова армія при вступленіи въ Россію и какія потери понесла она; мало-по-малу возникло и утвердилось убѣжденіе, что Наполеонъ не могъ ни зимовать въ Москвѣ, ни идти далѣе внутрь нашей страны, оставалось выждать его отступленія. Чѣмъ долѣе оставался онъ на развалинахъ древней столицы, тѣмъ бóльшія затрудненія ожидали его на обратномъ пути: наступала осень, за нею суровая зима, губительная для непривыкшихъ къ перенесенію стужи уроженцевъ западной Европы.

ГЛАВА VI.

Наполеонъ теряетъ изъ виду русскую армію.—Кутузовъ переходитъ съ Смоленской дороги на Калужскую.—Положеніе французовъ въ Москвѣ и русскихъ въ Тарутинскомъ лагерѣ.—Партизанскіе налеты и ихъ подвиги.—Народные подвиги.—Пораженіе французовъ при Тарутинѣ 6-го октября.

Въ то время, какъ Наполеонъ оставался еще въ Москвѣ, Императоръ Александръ уже подготовлялъ гибель арміи Наполеона, составивъ планъ, по которому усиленные войсками Витгенштейнъ, Тормасовъ, Чичаговъ и Эртель должны были сосредоточить свои войска въ тылу арміи Наполеона на рѣкѣ Березинѣ.

Между тѣмъ Кутузовъ совершенно обманулъ Наполеона, и въ то время, какъ тотъ думалъ, что русская армія въ полномъ составѣ отступаетъ по Рязанской дорогѣ, Кутузовъ пустилъ по этой дорогѣ только небольшую часть, а всю армію скрытно перевелъ съ этой дороги на Калужскую, чтобы прикрыть этимъ Тулу, гдѣ оружейный заводъ и хлѣбородныя губерніи Россіи, откуда наша армія получала всѣ запасы. Въ случаѣ же отступленія французской арміи, она должна была идти по той опустошенной ею же дорогѣ, по которой шла къ Москвѣ.

Въ это же время начались налеты нашихъ партизановъ. Первый изъ нихъ былъ гусарскій подполковникъ Денисъ Давыдовъ, который съ 50 гусарами и 80 казаками пробрался въ тылъ французской арміи, напалъ на французскій обозъ, состоявшій изъ 35 повозокъ съ прикрытіемъ въ 215 человѣкъ, захватилъ изъ нихъ въ плѣнъ около ста человѣкъ, истребилъ остальныхъ, а вслѣдъ затѣмъ захватилъ еще другой обозъ.

Другой партизанскій набѣгъ совершилъ генералъ Дороховъ, ко-

торый пробрался на Смоленскую дорогу и истребилъ обозъ, взорвалъ 56 зарядныхъ ящиковъ и захватилъ въ плѣнъ болѣе 30 человѣкъ.

Въ своемъ отступленіи наша армія дошла до Тарутина и здѣсь 20-го сентября остановилась лагеремъ. Узнавъ о движеніи нашей арміи, Наполеонъ двинулъ вслѣдъ за нею свои войска. У Тарутина обѣ арміи пробыли двѣ недѣли до 6-го октября. Наша армія въ это

Полковникъ Фигнеръ (партизанъ).

время получала въ изобиліи все продовольствіе и усиливалась прибывавшими изнутри Россіи резервами, а французская—испытывала только одни неудобства. Тылъ тревожили ежеминутно наши смѣлые партизаны. Находясь въ сосѣдствѣ непріятельскихъ сообщеній, мы имѣли возможность дать главнымъ силамъ нашей арміи совершенный отдыхъ и ограничиться дѣятельностью легкихъ отрядовъ, которые, ускользая отъ встрѣчи съ превосходными силами непріятеля, нападали въ-расплохъ на небольшія части его войскъ, истребляли подвозы, перехватывали курьеровъ его и не упускали ни ма-

лѣйшаго случая вредить ему. На всякомъ мѣстѣ находили они усердныхъ сподвижниковъ въ жителяхъ края, которые, будучи ими руководимы и снабжаемы оружіемъ, приносили имъ большую пользу, служа проводниками, извѣщая о появленіи непріятелей и передавая въ главную квартиру арміи какъ извѣстія отъ партизановъ, такъ и плѣнныхъ, ими захваченныхъ.

Между тѣмъ еще во время занятія Москвы французами начались партизанскія дѣйствія. Имена лихихъ партизановъ: Давыдова, Кудашева, Фигнера и другихъ стали страшны французамъ.

Наполеонова армія была обложена въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ нашими партизанскими отрядами, которые, весьма часто находясь въ тылу непріятеля, не имѣли сообщенія не только съ главными силами арміи, но и съ другими отрядами. Предоставленные самостоятельному дѣйствію, русскіе партизаны должны были прибѣгать къ особеннымъ мѣрамъ предосторожности: двигаться большей частью ночью, по проселочнымъ дорогамъ, либо даже по тропинкамъ, безъ шуму; переходить быстро съ одного мѣста на другое; располагаться на отдыхъ въ лѣсахъ и оврагахъ безъ передовыхъ постовъ. Никто, кромѣ начальника отряда, не зналъ, куда идетъ онъ и съ какою цѣлью дѣйствуетъ. Получивъ свѣдѣніе отъ крестьянъ или отъ разъѣздовъ о приближеніи непріятеля, либо о расположеніи его въ сосѣдствѣ отряда, партизанскій начальникъ отправлялся съ нѣсколькими офицерами и казаками на рекогносцировку, старался высмотрѣть окрестную мѣстность и силу противника и, возвратясь къ своимъ, принималъ мѣры для нападенія, либо, если непріятель былъ не по силамъ, давалъ знать о томъ ближайшимъ изъ нашихъ отрядовъ, а иногда и въ главную квартиру. Извѣстія доставлялись черезъ офицеровъ или крестьянъ, которые являлись изъ лѣсовъ и другихъ убѣжищъ къ партизанамъ, служили имъ проводниками, передавали свѣдѣнія отъ нихъ къ арміи и вооружались для содѣйствія имъ, получивъ отбитое у непріятеля оружіе. Нападенія на непріятеля производились неожиданно, быстро, съ различныхъ сторонъ. Если партизаны имѣли возможность доставить захваченныхъ ими плѣнныхъ въ главную квартиру, то отсылали ихъ подъ конвоемъ изъ казаковъ и поселянъ; если-же по значительному отдаленію или

по малочисленности отряда препровожденіе плѣнныхъ къ арміи оказывалось невозможнымъ, то иногда ихъ истребляли.

Партизаны дѣйствовали гдѣ силой, а гдѣ нужно и хитростью. Такъ однажды Давыдовъ, узнавъ, что вблизи расположены французы съ 300 русскихъ плѣнныхъ и артиллерійскій паркъ, отправился въ путь, не зная, что плѣнные уже переведены въ другое мѣсто. Хотя онъ наткнулся на сильный отрядъ, тѣмъ не менѣе атаковалъ его, дрался два часа, уничтожилъ часть прикрытія, истребилъ паркъ и взялъ въ плѣнъ до 140 человѣкъ. Болѣе ста человѣкъ, засѣвшихъ въ деревнѣ и не хотѣвшихъ сдаться, были сожжены вмѣстѣ съ сараями, въ которыхъ укрывались. Другой партизанъ, Фигнеръ, употреблялъ всевозможныя хитрости, тайно пробирался за непріятельскую цѣпь, бесѣдовалъ, переодѣвшись во французскую форму, съ солдатами и офицерами, входилъ не одинъ разъ переодѣтымъ то во фракъ, то въ крестьянскій кафтанъ въ самую Москву, чтобы только все вывѣдать о непріятелѣ, а затѣмъ, все высмотрѣвъ и все узнавъ, съ своимъ отрядомъ нападалъ на врага неожиданно, какъ снѣгъ на голову, и уничтожалъ его.

Одинъ изъ крупныхъ подвиговъ партизановъ было взятіе генераломъ Дороховымъ укрѣпленнаго города Верей.

Вмѣстѣ съ партизанами вооружился противъ французовъ и весь народъ. Участіе народа въ войнѣ началось съ перваго шага наполеоновыхъ полчищъ въ древнюю область Россіи—Смоленскую губернію. Еще не воспослѣдовало воззванія Государя о всеобщемъ вооруженіи, когда жители Порѣчьскаго уѣзда возстали на защиту отечества; мирные поселяне обратились въ смѣлыхъ воиновъ; земледѣльческія орудія въ рукахъ ихъ сдѣлались грознымъ оружіемъ. Кто былъ не въ силахъ сражаться, тотъ уходилъ въ мѣста, свободныя отъ вражескаго нашествія, либо въ густые лѣса, какъ будто гнушаясь дышать однимъ воздухомъ съ непріятелемъ, дерзнувшимъ нарушить спокойствіе обожаемой матери—Россіи. Едва лишь французы успѣли вторгнуться въ Смоленскую губернію, какъ наши крестьяне стали перехватывать фуражировъ, шпіоновъ и мародеровъ, бродившихъ во множествѣ въ тылу наполеоновой большой арміи; изъ числа порѣчьскихъ воиновъ-поселянъ особенно отличился

мѣщанинъ Маннаковъ, который захватилъ курьера съ важными депешами и былъ награжденъ знакомъ Военнаго ордена.

По занятіи непріятелемъ Смоленска и по отступленіи нашей арміи къ Москвѣ, бо̀льшая часть Смоленской губерніи обратилась въ пустыню, усѣянную развалинами. Жители, скрывъ въ недоступныхъ убѣжищахъ свои семейства, стада и все, что не успѣвали увезти съ собою, нерѣдко сами поджигали дома свои и даже предавали пламени хлѣбъ въ поляхъ, чтобы онъ не достался въ руки французамъ. Города, незанятые непріятельскими войсками: Бѣлый, Сычевка, Юхновъ и Рославль, сдѣлались главными пунктами народнаго возстанія. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, независимо отъ общаго губернскаго ополченія, вооружались поселяне и городскіе жители подъ начальствомъ, дворянскаго предводителя—Колѣнова и городничаго Адамовича. Отставной подполковникъ Дибичъ, собравъ небольшой отрядъ смолянъ, усилилъ его дезертирами изъ непріятельской арміи и дѣйствовалъ съ успѣхомъ во время занятія французами губерніи. Жители Бѣлаго нападали на появившіяся въ ихъ уѣздѣ непріятельскія партіи, истребляли или захватывали въ плѣнъ французовъ и обезпечили себя отъ грабежа и разоренія. Сычевскій уѣздъ прославился гибелью множества непріятелей. Жители ополчались подъ начальствомъ дворянскаго предводителя Нахимова и исправника Богуславскаго. Въ особенности сдѣлался страшенъ врагамъ воинъ временъ Суворовскихъ — отставной маіоръ Емельяновъ. Возбудивъ первый къ ополченію сычевскихъ дворянъ и поселянъ, онъ былъ взбранъ ими начальникомъ. Его дружина, сперва вооруженная пиками, косами, вилами и топорами, впослѣдствіи замѣнила ихъ ружьями, отнятыми у непріятеля, и отличалась не только неустрашимостію, но и введеннымъ въ ней порядкомъ. Опытный Емельяновъ учредилъ маяки, которыхъ сигналы и колокольный звонъ подавали воинамъ-поселянамъ знакъ, уходить ли изъ домовъ или собираться, куда идти на бой и проч. Находясь постоянно впереди, онъ въ жаркой перестрѣлкѣ съ непріятелемъ былъ пораженъ смертельно пулею, къ прискорбію своихъ подчиненныхъ, любившихъ Емельянова, не смотря на строгость его по службѣ. Сычевскаго же уѣзда, села Тесова, крестьяне подъ начальствомъ исправника Богуславскаго напали 30-го августа на появившуюся въ сосѣдствѣ ихъ партію, поло-

жили на мѣстѣ сто тридцать человѣкъ и захватили въ плѣнъ шестьдесятъ. Между сычевскими воинами-поселянами былъ извѣстенъ смѣлостью и необыкновенной тѣлесной силой бурмистръ села Левшина (въ 15 верстахъ отъ Сычевокъ, по Вяземской дорогѣ). Однажды непріятельская партія, въ числѣ тридцати человѣкъ, вошла въ это сельцо и заняла избу для отдыха. Узнавъ о томъ, бурмистръ послалъ созвать народъ, а самъ, пригласивъ къ себѣ на помощь одного изъ крестьянъ, подошелъ тихо къ избѣ, занятой французами, и приперъ двери. Испуганные враги начали стрѣлять сквозь двери и смертельно ранили бурмистра; но между тѣмъ крестьяне успѣли сбѣжаться, окружили избу и, угрожая зажечь ее, заставили французовъ сдаться. Чувствуя близко свою кончину, бурмистръ завѣщалъ своимъ товарищамъ—не мстить за его смерть и пощадить плѣнныхъ французовъ. Многіе изъ сычевскихъ жителей были награждены знаками Военнаго ордена, а мѣщане, участвовавшіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, по Высочайшему повелѣнію, получили всѣ по пяти рублей.

Въ Юхновскомъ уѣздѣ предводитель дворянства Храповицкій, воинъ екатерининскаго вѣка, собравъ ополченіе въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, назначилъ часть его въ разъѣзды, а съ остальными ратниками расположился на Угрѣ и остановилъ непріятеля, покушавшагося пройти къ Калугѣ. Когда прибылъ въ Юхновъ партизанскій отрядъ Давыдова, Храповицкій снабжалъ его продовольствіемъ, содержалъ извѣщательные пикеты и учредилъ на свой счетъ госпиталь для призрѣнія больныхъ и раненыхъ воиновъ. Жители города Рославля составили конное ополченіе въ числѣ ста человѣкъ, снабженныхъ пиками, саблями и ружьями и, дѣйствуя подъ руководствомъ городскаго головы Полозова, не только охраняли себя отъ непріятельскаго вторженія, но и нападали на непріятельскихъ мародеровъ, опустошавшихъ смежный съ ними Ельнинскій уѣздъ. Рославльскій исправникъ Семичевъ, преградивъ французамъ доступъ по дорогѣ къ Брянску, былъ убитъ. Князь Тенишевъ, будучи избранъ дворянами въ должность кордоннаго начальника, переловилъ до четырехсотъ мародеровъ и пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ на учрежденіе госпиталя для раненыхъ.

Въ Гжатскомъ уѣздѣ, уже во время отступленія непріятельско

арміи, явился однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ партизановъ. Послѣ сраженія при Смоленскѣ, Елисаветградскаго полка гусаръ Самусь, будучи раненъ въ одномъ изъ аррiергардныхъ дѣлъ, остался на полѣ сраженія, нашелъ убѣжище въ сторонѣ отъ большой дороги и, получа облегченіе отъ ранъ, рѣшился принять дѣятельное участіе въ войнѣ. Поселяне окрестныхъ деревень, возбужденные имъ къ ополченію, составили отрядъ, впослѣдствіи усилившійся до двухъ тысячъ человѣкъ и имѣвшій при себѣ отбитую у непріятеля пушку. Храбрый Самусь, дѣйствуя съ необыкновеннымъ успѣхомъ, истребилъ до трехъ тысячъ человѣкъ и сдѣлался извѣстенъ Милорадовичу, который произвелъ его въ унтеръ-офицеры и ходатайствовалъ о его вознагражденіи.

Такимъ образомъ, Смоленская губернія въ тяжелое время непріятельскаго нашествія, представляла величественное зрѣлище соревнованія всѣхъ сословій на пользу общую. Начальники дружинъ, не ограничиваясь нанесеніемъ всевозможнаго вреда непріятелю, поддерживали благоустройство между своими и сосѣдними крестьянами. Въ числѣ Смолянъ, возстававшихъ на защиту отечества, были одними изъ первыхъ—Энгельгардтъ и Шубинъ. Подполковникъ Энгельгардтъ, во время нашествія французовъ оставшись въ своей Порѣченской деревнѣ, способствовалъ казакамъ истреблять непріятелей, появлявшихся въ сосѣдствѣ его, и старался содержать въ порядкѣ и повиновеніи своихъ крестьянъ, а коллежскій асессоръ Шубинъ, проживавшій также въ своемъ имѣніи, узнавъ о прибытіи въ Духовщину команды Казанскаго драгунскаго полка, напалъ съ драгунами на непріятельскихъ мародеровъ, грабившихъ сосѣднюю деревню, и захватилъ въ плѣнъ двадцать-одного человѣка. Только двумъ солдатамъ изъ этой команды удалось уйти въ Смоленскъ и донести о поступкѣ Шубина. Тогда же сдѣланъ былъ доносъ на Энгельгардта въ убійствѣ многихъ французскихъ солдатъ. Будучи привезенъ въ Смоленскъ, посаженъ въ тюрьму и отданъ подъ военный судъ, Энгельгардтъ былъ приговоренъ къ смертной казни и разстрѣлянъ 15-го октября. Когда его вывели за Малаховскія ворота, гдѣ назначено было исполнить приговоръ суда, непріятели стали уговаривать его, чтобы онъ вступилъ во французскую службу, предлагая въ награду измѣны чинъ полковника. Русскій дворянинъ съ пре-

зрѣніемъ отвергнулъ недостойное предложеніе. «Стрѣляйте въ меня!» сказалъ онъ, сорвавъ платокъ, которымъ хотѣли завязать ему глаза, и безстрашно смотря на прицѣлившуюся въ него команду. Непріятели, чтобъ поколебать его мужество, сперва нанесли ему рану въ ногу, обѣщая пощадить его, если онъ согласится служить Наполеону: ни боль, терпимая страдальцемъ, ни льстивыя обѣщанія мучителей не могли поколебать твердости духа великодушнаго Эн-

Генералъ Дороховъ.

гельгардта. Тогда французы выстрѣлили по немъ залпомъ. Изъ восемнадцати пущенныхъ въ него пуль двѣ попали въ грудь и одна въ животъ; но какъ онъ продолжалъ еще дышать, то одинъ изъ солдатъ, зарядивъ наскоро ружье, выстрѣлилъ ему въ високъ и прекратилъ его страданія. Коллежскому асессору Шубину также было предложено служить во французскихъ войскахъ, но онъ остался вѣренъ своему долгу, отвѣчалъ непріятелямъ рѣзко, изъявляя ненависть свою къ французамъ, и былъ разстрѣлянъ 24-го октября.

Императоръ Александръ I, узнавъ о всѣхъ обстоятельствахъ

геройской кончины Энгельгардта и Шубина, пожаловалъ пенсіи ближайшимъ роднымъ ихъ.

Вторженіе французовъ въ Московскую губернію было встрѣчене ея жителями такъ же непріязненно, какъ и Смолянами. И мѣщане, и поселяне, оставляя дома свои, уничтожали все, что могло сдѣлаться добычею непрятеля, зажигали строенія и скрывались въ лѣсахъ, гдѣ устраивали засады, либо выходили оттуда на пагубу оплошному непріятелю. Нерѣдко жители цѣлаго селенія, или даже нѣсколькихъ селеній обязывались взаимною присягою истреблять французовъ и стоять крѣпко другъ за друга. Малѣйшая угодливость непріятелю считалась измѣною. Случилось однажды, крестьяне какой-то деревни, устрашенные прибывшимъ къ нимъ французскимъ отрядомъ, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. Вскорѣ послѣ того непріятель былъ прогнанъ, и крестьяне, принявшіе его съ честью, явились въ ближайшую церковь къ божественной службѣ. Когда они вмѣстѣ съ прочими прихожанами стали подходить къ кресту, священникъ встрѣтилъ ихъ строгимъ выговоромъ: «Зачѣмъ вы пришли сюда? Вы не наши. Вы, предавъ православныхъ, приняли, какъ желанныхъ гостей, враговъ нашихъ». Иногда безотчетная ненависть къ чужеземцамъ, нахлынувшимъ на Русскую Землю, дѣлала нашихъ поселянъ подозрительными до чрезвычайности. Въ каждомъ селеніи, еще не оставленномъ жителями, ворота были завалены бревнами и охраняемы толпами людей съ вилами, кольями, косами, топорами, а иногда и съ ружьями. Въ то время небезопасно было показаться въ незнакомыхъ мѣстахъ въ одеждѣ, сколько нибудь похожей на иностранный мундиръ; нерѣдко вмѣсто отвѣта на вопросъ проѣзжающаго офицера, встрѣчали его пущеннымъ съ розмаха топоромъ или выстрѣломъ. Давыдовъ пишетъ, что крестьяне одной волости близъ села Егорьевскаго (въ Медынскомъ уѣздѣ) истребили шестьдесятъ казаковъ Тептярскаго полка, принявъ ихъ за непріятеля, потому что они не чисто говорили по-русски.

На пунктахъ возвышенныхъ, господствовавшихъ надъ окрестною мѣстностью, выставляемы были отъ крестьянъ посты, зорко сторожившіе появленіе непріятеля. Если подходившая команда была малочисленна, то воины-поселяне старались окружить и захватить ее скрытно, чтобы не обнаружить своего притона; въ случаѣ же

наступленія значительныхъ силъ, сторожевые подавали о томъ вѣсть въ ближайшія селенія; раздавался набатъ, и на условномъ заблаговременно пунктѣ сходились изъ всѣхъ сосѣднихъ селеній люди, вооруженные кто чѣмъ, подъ командою мѣстныхъ начальниковъ, отставныхъ офицеровъ, дворянъ, либо старшихъ, избранныхъ крестьянами изъ среды своей. Иногда эти предводители передъ боемъ возбуждали духъ своихъ подчиненныхъ краткою рѣчью. Распоряженія къ бою были очень просты: люди, имѣвшіе ружья, занимали строенія, сады, рощи и встрѣчали противника пальбою, либо старались, пользуясь совершеннымъ знаніемъ мѣстности, служившей полемъ дѣйствій, обойти непріятеля скрытно и окружить его со всѣхъ сторонъ. Одержавъ успѣхъ, воины-поселяне истребляли враговъ или, перевязавъ ихъ, отправляли подъ конвоемъ въ ближайшій городъ. При этомъ наши крестьяне, не имѣвшіе понятія о народномъ правѣ и общепринятыхъ въ войнѣ обыкновеніяхъ, иногда поступали съ плѣнными весьма жестоко. Отбитая добыча дѣлилась поровну, или каждый пользовался ею по собственному произволу; но господствующею страстью, одушевлявшею наши народныя дружины, была жажда мщенія врагамъ, а отнюдь не корыстолюбіе. Давыдовъ говоритъ, что однажды крестьяне напали на отставшую телѣгу съ его чемоданомъ, на которой лежалъ больной гусаръ. Поселяне, принявъ его за непріятеля, избили и оставили его замертво на дорогѣ, изрубили телѣгу, а вещи изорвали и разбросали по полю, не взявъ изъ нихъ ничего. Такихъ случаевъ было очень много.

По занятіи непріятелемъ Звенигородскаго уѣзда, жители Воскресенска учредили денную и ночную стражу, которая въ открытыхъ мѣстахъ была разставлена на возвышеніяхъ, а въ лѣсахъ наблюдала за непріятелемъ, взлѣзая на вершины деревьевъ. Воины-поселяне неоднократно прогоняли французскіе отряды, отстояли Воскресенскъ и нанесли непріятелю уронъ, простиравшійся болѣе двухъ тысячъ человѣкъ; въ числѣ этихъ героевъ особенно отличались голова Вельяминовской волости Иванъ Андреевъ и сотенный села Лучинскаго—Павелъ Ивановъ, сражавшійся вмѣстѣ со всѣми своими сыновьями. Въ Верейскомъ уѣздѣ священникъ села Дубровы, Іоаннъ Скабѣевъ возбуждалъ крестьянъ стоять твердо за вѣру и родную землю. Въ Тверской губерніи, независимо отъ общаго опол-

ченія, вооружались жители Зубцова, Осташкова и Кашина. Начальство надъ ополченіемъ Зубцовскаго уѣзда, состоявшимъ изъ 2,500 пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, принялъ, по выбору дворянъ, помѣщикъ Цызыревъ, который, на случай вторженія непріятелей, приготовилъ шесть небольшихъ пушекъ.

Чтобы дать понятіе о способѣ дѣйствій воиновъ-поселянъ, изложимъ вкратцѣ описаніе стычекъ одной изъ дружинъ, составленное бывшимъ ея начальникомъ.

Въ концѣ сентября войска Нея заняли городъ Богородскъ. Крестьяне Вохненской волости села Павлова, узнавъ о томъ, отправили всѣхъ стариковъ и дѣтей въ лѣса и другія убѣжища, а сами рѣшились «сразиться съ непріятелемъ, чтобы умереть или отмстить злодѣю за оскверненіе святыхъ церквей и прочихъ святынь». Начальникомъ дружины назначили одного изъ Вохненскихъ поселянъ, Герасима Курина, потому что онъ во всѣхъ дѣлахъ между крестьянами имѣлъ особенную расторопность и смѣлость. Вступивъ неожиданно въ должность предводителя земской силы, Куринъ показалъ себя достойнымъ довѣренности своихъ товарищей. Первымъ предметомъ его заботливости было вооруженіе дружины; собравъ своихъ воиновъ, онъ приказалъ имъ купить себѣ ружья или сдѣлать пики. 25-го сентября, на противолежащей сторонѣ Клязьмы, у селенія Большой Дворъ, въ разстояніи около четырехъ верстъ отъ села Павлова, появилась небольшая непріятельская партія. Куринъ, узнавъ о томъ, переправилъ воиновъ-поселянъ черезъ рѣку и повелъ ихъ противъ непріятеля; но замѣтя, что они, завидѣвъ французовъ, начали робѣть, потому что было для нихъ необыкновенно сіе дѣло, сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: «Любезные друзья! Вы—народъ вѣры русской; вы—христіане православные! Постарайтесь умереть за вѣру и царя. Для чего же мы христіане, ежели не пострадаемъ за вѣру? Для чего же мы православные, ежели не услужимъ царю? Государь нашихъ сердецъ, что родной онъ намъ отецъ; если онъ про насъ спознаетъ, безъ награды не оставитъ». Ободренные сими словами и примѣромъ своего начальника, ратники напали на непріятеля и заставили его скрыться въ лѣсу. Десять ружей и двѣ повозки съ четырьмя лошадьми достались въ добычу побѣдителямъ.

На слѣующій день 26-го сентября Куринъ, получивъ свѣдѣніе

о намѣреніи французовъ сжечь деревню Грибову, въ трехъ верстахъ отъ Павлова, напалъ на непріятеля, обратилъ его въ бѣгство и возвратился домой безъ урона.

27-го сентября прибыли три непріятельскихъ эскадрона въ деревню Субботину (въ шести верстахъ отъ села Павлова). Начальникъ этого отряда послалъ въ Павлово записку, предлагая Вохненской дружинѣ оставаться въ покоѣ и мирѣ съ французами, но воины-

Генералъ Давыдовъ (партизанъ).

поселяне, вмѣсто отвѣта на сіе посланіе, устремились бѣгомъ къ Субботиной. Дѣло, начавшееся около 11 часовъ утра, окончилось въ 2 часа пополудни пораженіемъ непріятельскаго отряда, который потерялъ убитыми 18 и плѣнными 3 человѣка; отбито крестьянами 20 лошадей; съ нашей стороны уронъ ограничился нѣсколькими ранеными.

28-го, въ 9 часовъ утра, непріятель, прибывъ къ деревнѣ Назаровой (въ восьми верстахъ отъ Павлова, вверхъ по Клязьмѣ), вы-

слалъ разъѣзды къ селу и въ ближайшія деревни для отысканія потерянныхъ наканунѣ гусаръ и лошадей. Начальникъ Вохненскихъ воиновъ былъ въ отсутствіи, именно въ городѣ Покровѣ, куда онъ отправился къ начальнику Владимірскаго ополченія, князю Голицыну, съ просьбою о поддержаніи его дружины небольшимъ числомъ солдатъ или казаковъ. Получивъ въ помощь двадцать человѣкъ конницы, Куринъ прибылъ съ ними въ Павлово къ своей дружинѣ и напалъ на французовъ подъ Назаровою. Непріятель, изумленный быстрымъ появленіемъ нашихъ воиновъ, обратился въ бѣгство, и былъ преслѣдованъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, оставя побѣдителямъ въ добычу десять лошадей и двѣ повозки. На слѣдующій день, около полудня, прибыла другая французская партія къ деревнѣ Трубицыной, близъ села Павлова; французамъ удалось захватить два стада рогатаго скота и овецъ; но воины-поселяне, собравшись въ значительныхъ силахъ, отбили свои стада и, опрокинувъ непріятеля, гнали его нѣсколько верстъ и захватили восемь повозокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, съ шестнадцатью лошадьми. Со стороны французовъ убито пятнадцать человѣкъ, а съ нашей стороны ранено четыре.

Непріятели, не отваживаясь фуражировать небольшими партіями, послали довольно сильный отрядъ къ селу Павлову. Куринъ, узнавъ о томъ, собралъ 1-го октября крестьянъ изъ всей окрестности и сказалъ имъ рѣчь, въ которой убѣждалъ «постоять за отечество и за Домъ Пресвятыя Богородицы, противъ непріятеля, угрожавшаго сжечь всѣ селенія и содрать кожу со всѣхъ жителей». Число ополченія въ сей день простиралось до пяти тысячъ восьмисотъ человѣкъ, изъ коихъ пятьсотъ были на коняхъ, а прочіе — пѣшіе. Всѣ они въ восемь часовъ утра собрались къ церкви села Павлова, гдѣ, по отслуженіи литургіи и молебствія, простились со слезами другъ съ другомъ и поклялись предъ алтаремъ не выдавать товарищей до послѣдней капли крови. Затѣмъ Куринъ предложилъ, раздѣливъ ополчившихся людей на три части, назначить, кромѣ него, еще двухъ начальниковъ, и выбралъ въ эту должность Вохненскаго старосту Стулова и еще одного крестьянина; первому была поручена вся конница съ небольшимъ числомъ пѣхоты, а второму — тысяча пѣшихъ. Команду-же надъ остальными людьми,

размѣщеніе къ бою всѣхъ частей принялъ на себя самъ Куринъ. Расположивъ отряды своихъ товарищей въ засадахъ у селенія Меленковъ и Юдинскаго овражка и приказавъ имъ оставаться тамъ и не вступать въ дѣло безъ его распоряженія, Куринъ размѣстилъ прочихъ воиновъ-поселянъ скрытно въ селѣ Павловѣ. Между тѣмъ, во второмъ часу пополудни, непріятель, дойдя до деревни Грибовой, расположился тамъ и выслалъ къ селу Павлову два эскадрона:

Генералъ Багговутъ.

одинъ остановился не доходя села, а другой вступилъ въ село и остановился на площади. Командиръ этого эскадрона потребовалъ черезъ переводчика, чтобы старшины доставили, сколько потребуется, муки, крупъ и овса, обѣщая за все заплатить крестьянамъ по такой цѣнѣ, какую они сами назначатъ. Куринъ отвѣчалъ, что онъ сейчасъ прикажетъ приготовить нужные припасы и, полагая, что у непріятеля не было вблизи села никакихъ другихъ войскъ, далъ знать Стулову, чтобъ онъ атаковалъ тотъ эскадронъ, который сто-

ялъ внѣ села, а самъ, заманивъ непріятелей, стоявшихъ на площади, на одинъ изъ крестьянскихъ дворовъ, приказалъ завалить ворота, окружилъ французовъ со всѣхъ сторонъ и истребилъ эскадронъ почти до послѣдняго человѣка. Между тѣмъ, воины-поселяне, высланные изъ Павлова, напали на другой эскадронъ, обойденный съ тыла дружиною Стулова, разсѣяли его и преслѣдовали французовъ до Грибовой; но тамъ, встрѣтясь съ большимъ непріятельскимъ отрядомъ, были опрокинуты и преслѣдованы до самаго села, куда вслѣдъ за ними ворвались французы и окружили со всѣхъ сторонъ нашихъ воиновъ. Въ это самое время появился въ тылу непріятеля отрядъ, стоявшій въ Юдинскомъ овражкѣ. Французы, не ожидавшіе нападенія съ этой стороны, были обращены въ бѣгство и преслѣдованы на протяженіи восьми верстъ. Только темнота ночи спасла ихъ отъ совершеннаго истребленія. Самъ Куринъ убилъ въ этотъ день одного офицера и двухъ рядовыхъ, вообще отъ его руки пало восемь человѣкъ. Побѣдителямъ досталось въ добычу двадцать пароконныхъ повозокъ съ лошадьми, 25 ружей, 120 пистолетовъ и 400 сумъ съ патронами.

Ободренные этими успѣхами, воины-поселяне на слѣдующій день двинулись къ Богородску для очищенія отъ непріятельскихъ войскъ этого города, но уже не нашли тамъ французовъ, потому что Наполеонъ, предполагая вскорѣ выступить изъ Москвы, приказалъ прибыть туда войскамъ, находившимся у Богородска и Дмитрова. Такимъ образомъ не только эти города, но и уѣзды ихъ были освобождены отъ нашествія. Жители села Павлова, обрадованные избавленіемъ отъ угрожавшей имъ опасности, положили навѣки торжествовать годовщину своей побѣды въ день Покрова Богородицы и пожертвовали для украшенія образа Святой Заступницы своей богатую ризу съ надписью, напоминающею подвиги Вохненскихъ воиновъ.

Казалось, Всемогущій Промыслъ опредѣлилъ, чтобы русскій народъ, слѣдуя внушенію совѣсти и долга, еще до вызова правительства выказалъ въ полномъ блескѣ всѣ превосходныя свои качества. Не нужно было большихъ усилій, чтобъ подвигнуть къ поголовному вооруженію жителей губерній, объятыхъ пламенемъ войны. Все мужское народонаселеніе, даже дряхлые старики и слабые

отроки вооружались на защиту Россіи. Земледѣльческія работы, перевозка военныхъ тяжестей, доставка курьеровъ съ депешами, все это исполнялось женщинами. Нѣкоторыя изъ нихъ принимали участіе въ бранныхъ подвигахъ своихъ мужей и братьевъ, и въ числѣ ихъ была старостиха Василиса, знаменитая въ народныхъ преданіяхъ взятіемъ въ плѣнъ и доставкой въ Сычевку цѣлой непріятельской партіи.

Пожаръ Москвы былъ одною изъ главныхъ причинъ развитія народной войны. Народъ жаждалъ отмстить нечестивымъ врагамъ, не пощадившимъ московскихъ святынь. Вся Россія подобилась огромному военному стану: никто не заботился о своемъ имуществѣ, никто не предавался своимъ обычнымъ занятіямъ; всѣ стремились принять какое бы то ни было участіе въ священномъ дѣлѣ освобожденія родины; женщины смотрѣли съ презрѣніемъ на тѣхъ, которые колебались жертвовать удобствами жизни на пользу общую. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ формировались резервы и ополченія, господствовала усиленная дѣятельность: не нужно было понужденія, подчиненные не уступали въ усердіи начальникамъ. Общая опасность и общія надежды сдѣлали русскихъ членами одной семьи: люди, совершенно незнакомые между собою, при полученіи изъ арміи благопріятныхъ извѣстій, обнимались взаимно какъ братья и поздравляли другъ друга, или плакали вмѣстѣ о бѣдствіяхъ отечества. Семейныя несчастія были незамѣтны и, казалось, всѣ чувства поглощались общей скорбью и жаждой мести. Многіе жертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ, нисколько тѣмъ не тщеславясь, и въ Петербургѣ часто встрѣчались люди, потерявшіе въ Москвѣ сотни тысячъ и пришедшіе оттуда пѣшкомъ въ сермягахъ и лаптяхъ, которые радовались, что ихъ имущество погибло въ огнѣ, а не досталось ненавистному непріятелю.

Ни одинъ изъ извѣстныхъ людей не посрамилъ себя угодливостью непріятелю; никто изъ московскихъ духовныхъ пастырей не молился за Наполеона; нѣсколько деревенскихъ старостъ было разстрѣляно за то что, они не хотѣли повиноваться французамъ; крестьяне, принужденные служить непріятелю проводниками, сбивали ихъ съ надлежащаго пути и гибли жертвою священнаго долга. Россійское духовенство, подвизаясь по стопамъ великаго святителя,

митрополита Платона, утверждая православныхъ въ чувствахъ самоотверженія, освящало благословеніемъ свыше общія усилія. Наполеоновы полчища, вмѣсто борьбы съ нашими арміями, были принуждены сражаться съ цѣлымъ народомъ, встрѣчая на каждомъ мѣстѣ обширной Россіи бездну, готовую поглотить ихъ.

Между тѣмъ, главныя арміи обѣихъ сторонъ стояли одна противъ другой у Тарутина до 6-го октября; главныя силы съ Наполеономъ были въ Москвѣ, а авангардъ, подъ начальствомъ короля итальянскаго Мюрата, противъ Тарутина. На правомъ флангѣ французскаго авангарда былъ лѣсъ, за которымъ французы совсѣмъ не наблюдали; казаки не разъ проходили чрезъ этотъ лѣсъ, и никого тамъ не встрѣчали. Узнавъ объ этомъ, Кутузовъ рѣшилъ внезапно атаковать французовъ. Поэтому утромъ 6-го октября и сдѣлалъ нападеніе на Мюрата, разбилъ его, взявъ у непріятеля штандартъ, 38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ и множество повозокъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ бою былъ убитъ командиръ 1-го пѣхотнаго корпуса генералъ Багговутъ, шедшій въ атаку впереди своихъ егерскихъ полковъ.

ГЛАВА VII.

Рѣшеніе Наполеона выступить изъ Москвы.—Опустошительные слѣды пребыванія непріятеля.—Подвигъ Сеславина и Ермолова.—Бой подъ Малоярославцемъ.—Состояніе французской арміи послѣ боя. — Бой при Вязьмѣ. — Наполеонъ въ Смоленскѣ.—Плѣнъ французской бригады.—Дѣло у Дорогобужа и у Духовщины.—Выступленіе изъ Смоленска.

Узнавъ о наступленіи Кутузова при Тарутинѣ, Наполеонъ рѣшилъ выступить изъ Москвы. Хотя армія его и усилилась до 100,000 человѣкъ прибывшими подкрѣпленіями, но уже порядка въ ней прежняго не было. Наполеонъ распускалъ слухъ, что онъ еще вернется въ Москву; но этому слуху уже никто не вѣрилъ: отъ генерала до солдата, никто не считалъ возможнымъ возвратиться въ Москву; никто не оставлялъ за собой ни собственнаго достоянія, ни пріобрѣтенной добычи. Это имѣло весьма невыгодныя послѣдствія для французскихъ войскъ. Наполеонъ могъ бы предупредить

нашу армію на пути, ведущемъ отъ Калуги къ Смоленску, только лишь посредствомъ быстраго движенія; а огромные обозы, слѣдовавшіе за войсками его на изморенныхъ лошадяхъ, замедляли походъ на каждомъ шагу; множество экипажей, нагруженныхъ предметами роскоши, безполезными въ походѣ, слѣдовало за арміею; вмѣсто жизненныхъ припасовъ, маркитантки везли добычу, награбленную въ Москвѣ, которою также были наполнены артиллерійскія повозки и госпитальныя фуры.

Движеніе французской арміи изъ Москвы представляло необыкновенное зрѣлище, подобное переселенію народовъ со всѣми ихъ имуществами. На протяженіи цѣлыхъ переходовъ тянулись въ три и четыре ряда артиллерійскія орудія, зарядныя фуры, госпитальныя и провіантскія повозки, экипажи всѣхъ возможныхъ родовъ и даже дрожки, нагруженныя различными вещами и преимущественно съѣстными запасами и одеждою, между тѣмъ какъ не было принято никакихъ мѣръ для правильнаго снабженія ими войскъ. Нѣкоторыя части арміи, при торопливомъ выступленіи изъ Москвы, не успѣли получить изъ магазиновъ ни сухарей, ни муки; другія не имѣли средствъ увезти запасы съ собой, и потому 7-го (19) октября поутру были сожжены въ Москвѣ значительные хлѣбные магазины. Большія стада рогатаго стада увеличивали длину колонны. Вокругъ повозокъ толпилась армія, какъ будто бы составляя конвой огромнаго обоза. Множество иностранцевъ, оставившихъ нашу столицу при выступленіи французовъ, ихъ семейства, женщины и дѣти пробирались между артиллеріею и войсками, увеличивая тѣсноту и безпорядокъ. Раненые и больные, добровольно выйдя изъ госпиталей, усиливались тащиться вслѣдъ за своими полками, и при всемъ томъ до двухъ тысячъ увѣчныхъ страдальцевъ было брошено безъ всякаго призрѣнія на московскомъ пожарищѣ.

На всякомъ мосту, у всякой тѣснины, обозы и войска, столпившись между собою, останавливали движеніе слѣдовавшихъ за ними частей колонны; арріергардъ подходилъ прежде, нежели успѣвали миновать дефиле всѣ остальныя повозки; на всякомъ шагу непріятели были принуждены оставлять ихъ въ жертву нашимъ партизанамъ. Не смотря на воинственный духъ, закаленный въ бояхъ Наполеоновой арміи, безпорядочное и медленное движеніе войскъ

наводило уныніе на солдатъ, утомляло ихъ столько же, сколько самые усиленные марши, и предвѣщало мрачную будущность. Наполеонъ ясно видѣлъ послѣдствія такого порядка вещей, но терпѣлъ его по необходимости, не имѣя возможности обезпечить существованіе своей арміи на обратномъ движеніи къ Днѣпру.

Самъ Наполеонъ, выѣхавъ изъ Москвы по утру 7-го (19) октября, перенесъ въ четыре часа пополудни свою главную квартиру въ село Троицкое, а 8-го октября онъ сдѣлалъ распоряженіе къ очищенію Москвы. Мортье получилъ приказаніе немедленно отправить въ Можайскъ всѣхъ слабосильныхъ, остававшихся въ городѣ, а 10-го (21) или 11-го (23) въ два часа утра—зажечь Кремлевскій дворецъ, казармы и всѣ общественныя зданія, кромѣ Воспитательнаго дома, и взорвать кремлевскія стѣны. Вмѣстѣ съ этимъ маршалу Мортье было предписано изрубить лафеты и колеса зарядныхъ ящиковъ, изломать ружья, которыхъ невозможно было увезти съ собою и, заложивъ мины подъ кремлевскими башнями, вывести войска на Можайскъ, но самому оставаться въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока увидитъ взрывъ Кремля.

Немногіе жители, остававшіеся въ Москвѣ, ожидали съ нетерпѣніемъ и страхомъ окончательнаго выступленія французовъ, которое могло подать поводъ къ новымъ грабежамъ и насиліямъ. Слухи о минахъ, устроенныхъ подъ стѣнами Кремля, болѣе и болѣе распространялись; послѣ золъ, понесенныхъ Москвою, всякое бѣдствіе казалось возможнымъ. Никто не отваживался оставлять своего убѣжища; многія ворота и двери были завалены. 12-го октября въ полдень чиновники полиціи, учрежденной непріятелемъ, и почти всѣ французы, поселившіеся въ Москвѣ, кинулись къ кремлевскимъ воротамъ, чтобы уйти вмѣстѣ съ войсками при ихъ отступленіи; другіе иностранцы, большею частью нѣмцы, уходили по смоленской дорогѣ. Обозъ, состоявшій при войскахъ, столь же разнообразный, какъ и тотъ, который двигался съ Наполеоновой арміею, былъ нагруженъ добычею, награбленною въ Москвѣ, и при всемъ томъ въ Кремлѣ оставалось множество тюковъ съ колоніальными товарами, шалями, чаемъ и проч. Въ шесть часовъ пополудни выступилъ Мортье со всѣми войсками кремлевскаго гарнизона. Сводный корпусъ Мортье, составленный изъ солдатъ почти всѣхъ европейскихъ

націй, представлялъ на походѣ зрѣлище безпорядочной толпы, совершенно потерявшей понятіе о дисциплинѣ.

Въ самую полночь, когда непріятельскія войска уже отошли на значительное разстояніе отъ Москвы, во мракѣ необыкновенно темной ночи запылалъ кремлевскій арсеналъ и другія зданія, обреченныя разрушенію безразсудною злобою. Раздался страшный взрывъ, за которымъ послѣдовало еще шесть, одинъ вскорѣ послѣ другого.

Графъ Ростопчинъ.

Эти взрывы подобились землетрясенію; дома поколебались на основаніяхъ своихъ; многія стѣны треснули во всю вышину строеній; огромные камни были брошены силою взрыва на разстояніе нѣсколькихъ сотъ шаговъ; во всѣхъ ближайшихъ домахъ разломаны двери, выбиты окна, раздроблена мебель. Нѣкоторыя изъ башенъ и часть стѣнъ Кремля были взорваны и загорѣлся дворецъ. Свершилось послѣднее бѣдствіе, нанесенное Москвѣ нашествіемъ непрія-

тельскимъ! Разореніе Кремля, совершенно безполезное для Наполеона, послужило бы къ вѣковому ожесточенію русскихъ противъ французовъ, еслибъ взаимная вражда обоихъ народовъ не была укрощена благодушіемъ того, кто отмстилъ за зло, нанесенное Москвѣ, спасеніемъ Парижа.

Немногіе жители, тогда остававшіеся въ Москвѣ, пораженные страхомъ и оцѣпенѣніемъ, вышли изъ потрясенныхъ домовъ своихъ и кинулись на площади; нѣкоторые изъ нихъ успѣли одѣться и унести скудные остатки своего имущества; всѣ прочіе, почти нагіе, безъ обуви, израненые кусками стекла или обвалившимися бревнами, кидались безсознательно то въ одну, то въ другую сторону, вопія къ Небу о мщеніи. Эта ужасная ночь была послѣднею для многихъ москвитянъ, сохранившихъ до этого времени жизнь свою среди всевозможныхъ золъ и лишеній. Къ довершенію отчаянія несчастныхъ, наступила стужа, никогда не бывавшая въ эту пору года. Страдальцы, лишенные крова, покрытые рубищами, изнемогавшіе отъ голода и холода, скитались и гибли на развалинахъ Москвы.

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ, преисполнившимъ мѣру злополучія, постигшаго москвитянъ, присоединились ужасы безначалія. Непріятельскіе мародеры и нѣкоторые изъ русскихъ, пользуясь безпорядкомъ, предавались грабежу и насиліямъ. Безпрестанно на улицахъ раздавались выстрѣлы, пожары вспыхивали—и некому было тушить ихъ.

Москва представляла печальное зрѣлище пустыни, усѣянной развалинами, между которыми сіяли позолоченные куполы уцѣлѣвшихъ церквей, возвышались колокольни и изрѣдка видны были зданія, пощаженныя пожаромъ; все же прочее—отъ одной заставы до другой, сквозь весь городъ—представляло взору картину неописаннаго разрушенія, подобіе хаоса, въ которомъ трудно было распознавать улицы и площади. На всякомъ шагу, какъ на мѣстѣ лютаго побоища, попадались трупы людей и лошадей, обломки предметовъ, потерявшихъ обычный видъ свой, цѣлыя груды всякаго хлама и сора. Кое-гдѣ, среди развалинъ, блуждали полунагія, босыя люди потухшими взорами, готовыя на все, чтобы продлить свое жалкое существованіе.

Велико было разореніе, произведенное въ Кремлѣ пожаромъ и взрывами; разрушены: дворецъ, Грановитая палата, пристройка къ колокольнѣ Ивана Великаго, арсеналъ, Алексѣевская башня; повреждены: Никольская башня и кремлевскія стѣны во многихъ мѣстахъ. Но соборы въ Кремлѣ уцѣлѣли истинно чудеснымъ образомъ Огонь не коснулся храмовъ божіихъ, хотя древняя церковь Спаса на Бору была заметана головнями горѣвшихъ кругомъ зданій и хотя внѣшнія двери Благовѣщенскаго собора совершенно обуглились. Все, посвященное Богу, исключая похищеннаго святотатцами, осталось въ цѣлости. Въ Успенскомъ соборѣ, ограбленномъ до-чиста, обитая серебромъ рака, въ которой покоились мощи св. митрополита Іоны, была пощажена; святыя мощи, выброшенныя на помостъ, остались невредимы, и только шея святителя изрублена нечестивой рукой. Возлѣ мощей лежала французская сабля. Гробница надъ бывшими тогда еще подъ спудомъ мощами митрополита Филиппа разломана и могила раскопана. Изъ надгробій, находившихся надъ могилами московскихъ архипастырей, изрублено только одно—патріарха Гермогена: злоба, преслѣдовавшая достойнаго святителя до послѣдняго дня жизни его, посрамилась двѣсти лѣтъ спустя мщеніемъ надъ доскою, покрывавшею его останки. На всякомъ шагу, къ ужасу православныхъ, встрѣчались знаки безумнаго презрѣнія въ святынѣ: въ алтарѣ Казанскаго собора на мѣстѣ выброшеннаго престола лежала палая лошадь. Въ Архангельскомъ соборѣ было розлито вино изъ разбитыхъ бочекъ и разбросана всякая добыча, награбленная во дворцахъ и въ Оружейной палатѣ. Въ Успенскомъ и другихъ соборахъ валялись на полу ободранныя иконы. Вездѣ пребываніе враговъ оставило слѣды ихъ нечестія.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ утѣшеніе вѣрнымъ святому имени Христову, остались знаменія Божіи уцѣлевшія отъ огня и меча непріятельскаго. На Спасскихъ воротахъ, посреди пламени, объявшаго Кремль, по прежнему стоялъ образъ въ золотой ризѣ, и даже желѣзный навѣсъ надъ иконою и шнуръ, державшій передъ нею фонарь, сохранились въ совершенной цѣлости. Не менѣе чудесно было сохраненіе на Никольскихъ воротахъ образа, стекла на кіотѣ его и висѣвшей передъ иконою на тонкой цѣпочкѣ лампады, оставшихся

неприкосновенными, несмотря на разрушеніе взлетѣвшей отъ взрыва арсенала верхней части почти вплоть до образа.

По вступленіи русскихъ войскъ въ Москву, немедленно были прекращены грабежи и пожары. Очищеніе города отъ мертвыхъ тѣлъ, падали и всякаго сора, валявшагося на площадяхъ и улицахъ и наполнявшаго уцѣлѣвшія строенія, потребовало болѣе времени, потому что было очень мало людей, да и для тѣхъ не доставало скудныхъ запасовъ, найденныхъ въ Москвѣ. Этому пособила подмосковная промышленность: со всѣхъ сторонъ съѣхалось на площадь противъ дома главнокомандующаго множество телѣгъ съ съѣстными припасами, мукой, печеными хлѣбами, овсомъ и сѣномъ; предложены были къ услугамъ желающихъ даже самовары со сбитнемъ и разная обувь. Вмѣстѣ съ досужими торговцами явились-было промышленники другаго рода, надѣясь воспользоваться суматохою при вступленіи нашихъ войскъ и нагрузить возы свои легко пріобрѣтеннымъ имуществомъ. Но они обманулись въ своемъ разсчетѣ: полковникъ Бенкендорфъ приказалъ взвалить на ихъ повозки трупы и падаль, валявшіеся на московскихъ улицахъ, и отправилъ ихъ вонъ изъ города съ этимъ грузомъ.

Такимъ образомъ, на развалинахъ опустошенной Москвы мало-по-малу водворялся порядокъ. Но многочисленные храмы, украшавшіе первопрестольную столицу до плѣненія ея французами, оставались пусты. Не прежде какъ на третій день по вступленіи въ городъ нашихъ войскъ можно было приготовить къ божественной литургіи и благодарственному молебствію большую церковь въ Страстномъ монастырѣ. Французы, по просьбѣ оставшихся тамъ престарѣлыхъ монахинь, не осквернили этого храма Божія. Нашлось нѣсколько священниковъ; какъ серебряныхъ сосудовъ не было, то на мѣсто ихъ найдены стеклянные. Положено было начать благовѣстъ одновременно на всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольняхъ города. За недостаткомъ звонарей, явились церковники, мѣщане, посадскіе мальчики. Въ девятомъ часу ударили въ большой колоколъ Страстнаго монастыря—и раздался благовѣстъ на всемъ пространствѣ пожарища московскаго. Вся Москва какъ бы ожила послѣ продолжительнаго омертвѣнія. Не только церковь, но паперть и дворъ монастыря наполнились народомъ. Никогда, можетъ быть, жители

Москвы не молились съ такимъ усердіемъ, какъ въ торжественную минуту, когда, по окончаніи литургіи, совершилось благодарственное молебствіе Богу силъ и когда пали на колѣни всѣ, не только русскіе, но иностранцы и даже башкиры и калмыки. Общее рыданіе, вызванное необыкновеннымъ торжествомъ изъ глубины сердецъ, слилось съ звуками священнаго пѣнія, повсемѣстнымъ трезвономъ колоколовъ и пушечною пальбою. Казалось, въ эту минуту моленія всѣхъ присутствовавшихъ соединились въ помыслъ о безпредѣльной любви къ Богу, царю и отечеству.

Велики были жертвы, принесенныя нашей древней столицей въ тотъ часъ, когда благословенный Монархъ, явясь среди москвитянъ, объявилъ имъ объ опасностяхъ, угрожавшихъ Россіи; но еще огромнѣе были потери Москвы во время пребыванія въ ней непріятельской арміи. Полагаютъ, что разореніе Московской губерніи, вообще, стоило частнымъ лицамъ отъ 270 до 280 милліоновъ рублей; убытки же, понесенные казенными и общественными вѣдомствами, не могутъ быть оцѣнены даже съ приблизительною точностью. Прошло нѣсколько десятилѣтій — Москва возстала изъ развалинъ въ большей красѣ, нежели прежде; исчезла память минувшихъ бѣдствій, но твердость духа, выказанная Императоромъ Александромъ, и самоотверженіе русскаго народа остались навѣки въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ.

Чтобы не возвращаться назадъ по дорогѣ, которая уже была опустошена при наступленіи къ Москвѣ, Наполеонъ разсчитывалъ обойти нашу армію съ лѣваго фланга и выйти на Калугу. Движеніе это на Боровскъ произведено было имъ скрытно, и Кутузовъ не подозрѣвалъ объ этомъ движеніи, такъ что мы легко могли быть отрѣзаны отъ Калуги. Но тутъ была оказана величайшая услуга нашимъ партизаномъ Сеславинымъ, который своевременно предохранилъ нашу армію отъ большаго бѣдствія. Онъ укрылся съ своею партіею въ лѣсу, недалеко отъ той дороги, по которой шли главныя силы французовъ, и видѣлъ самого Наполеона, который шелъ съ своей старой гвардіей. Пропустивъ ихъ мимо своего отряда, Сеславинъ нагрянулъ на хвостъ, выхватилъ нѣсколькихъ гвардейцевъ и привезъ ихъ съ собою, какъ доказательство того, по какой дорогѣ и куда идутъ главныя силы. Захваченный унтеръ-офицеръ прямо

*

сказалъ, что ночуетъ императоръ въ Боровскѣ, а идутъ на Малоярославецъ. Надо знать, что еслибы Наполеонъ успѣлъ насъ предупредить въ Малоярославцѣ, то вся наша армія была бы отрѣзана отъ Калуги и хлѣбородныхъ губерній, а непріятель, кромѣ того, разорилъ бы нашъ главный ружейный заводъ въ Тулѣ, и армія лишилась бы огромныхъ продовольственныхъ и военныхъ средствъ. И если этого не случилось, то благодаря уму, находчивости и рѣшимости бородинскаго героя, знаменитаго генерала Ермолова. Случилось же это такимъ образомъ: генералъ Дороховъ, стоявшій со своимъ отрядомъ у Катова, донесъ о движеніи противъ него французовъ. Фельдмаршалъ, получивъ эти свѣдѣнія, двинулъ ему на помощь весь 6-й корпусъ Дохтурова и первый кавалерійскій корпусъ. Съ этимъ отрядомъ онъ отправилъ и Ермолова. Когда войска уже далеко отошли отъ Тарутина, получено было Дохтуровымъ извѣстіе отъ Сеславина о томъ, что Наполеонъ идетъ къ Малоярославцу. Тогда Ермоловъ, не ожидая изъ Тарутина разрѣшенія перемѣнить направленіе, посовѣтовалъ Дохтурову не идти къ Дорохову, противъ котораго очевидно были направлены не главныя силы Наполеона, а вернуться назадъ и спѣшить занять Малоярославецъ прежде французовъ. Ибо еслибы Наполеонъ успѣлъ прежде насъ занять этотъ городъ, то его армія очутилась бы позади нашей и имѣла бы передъ собою открытый путь на Калугу. Дохтуровъ согласился, и вотъ по дурной дорогѣ, утромъ 11-го октября подошелъ онъ къ рѣкѣ Протвѣ, переправился по двумъ мостамъ и двинулся къ Малоярославцу. Въ этотъ же день часть французскихъ войскъ подходила также къ Малоярославцу и безъ сопротивленія, потому что тамъ не было войскъ, заняла городъ. Въ 6 часовъ утра 12-го числа Дохтуровъ двинулъ свои войска въ атаку. Теперь начался отчаянный бой; обѣ стороны постепенно усиливали свои войска; обѣ стороны дрались съ отчаянной храбростью; городъ началъ переходить изъ рукъ въ руки и, поочередно, то русскіе вытѣсняли французовъ, то французы заставляли нашихъ отступать. Семь разъ Малоярославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки, восемнадцать часовъ дрались обѣ стороны и городъ сдѣлался жертвой пламени. Уже подъ вечеръ прибылъ изъ Тарутина съ остальными войсками Кутузовъ и смѣнилъ свѣжими силами полки 6-го корпуса. Съ наступленіемъ темноты вой-

ска обѣихъ сторонъ, прекративъ отчаянную борьбу, оставались на занятыхъ ими позиціяхъ: французы въ Малоярославцѣ, а русскіе— въ разстояніи менѣе версты отъ города; но канонада и ружейная перестрѣлка продолжались почти до полуночи. Дохтуровъ, подъѣхавъ къ 7-й батарейной ротѣ, вызвалъ двухъ охотниковъ, снабдилъ ихъ порохомъ и фитилями и отправилъ въ городъ съ приказаніемъ поджечь крайнія уцѣлѣвшія строенія, что и было испол

Графъ Милорадовичъ.

нено. Пожаръ, ярко освѣщая мѣстность, способствовалъ намъ слѣдить за всѣми движеніями французовъ при выходѣ изъ города. Наша артиллерія направляла свои выстрѣлы туда, гдѣ собирался непріятель для тушенія пожара. Городъ, бывшій мѣстомъ побоища, представлялъ зрѣлище совершеннаго разрушенія. Направленіе улицъ обозначалось только грудами труповъ, которыми онѣ были усѣяны; вездѣ валялись истерзанныя тѣла, раздавленныя проѣхавшими по нимъ орудіями. Всѣ дома обратились въ дымящіяся развалины, подъ

которыми тлѣли полусожженныя кости; множество раненыхъ, укрывшихся въ городскихъ строеніяхъ, вмѣсто спасенія погибли въ огнѣ, или совершенно изуродованные и обожженные вопили о помощи. Убитыхъ и раненыхъ съ каждой стороны было не менѣе, какъ по 6-ти тысячъ человѣкъ.

Послѣ сраженія при Малоярославцѣ, Наполеонъ, возвратясь уже ночью въ деревню Городню, гдѣ для него былъ очищенъ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ, тотчасъ призвалъ къ себѣ на совѣщаніе Бертье, Мюрата и Бессьера. Объяснивъ имъ, что прибытіе русской арміи на калужскую дорогу измѣнило положеніе дѣлъ, Наполеонъ вдругъ схватился за голову обѣими руками и, облокотясь на столъ, на которомъ лежала карта, устремилъ на нее взоръ въ совершенномъ безмолвіи. Съ удивленіемъ смотрѣли маршалы на своего повелителя; никогда еще ни въ одной кампаніи не высказывалъ онъ такъ явно смущенія. Наконецъ, когда прошло уже болѣе часа, Наполеонъ отпустилъ своихъ сподвижниковъ, не сказавъ имъ ни слова на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

На слѣдующій день казаки Платова налетѣли на тылъ французской арміи, захватили паркъ гвардейской артиллеріи въ числѣ 40 орудій и отбили знамя. Самъ Наполеонъ при этомъ налетѣ едва не попался въ плѣнъ. Теперь взаимное положеніе армій измѣнилось: въ рядахъ нашей арміи считалось 90 тысячъ человѣкъ, а у французовъ 70 тысячъ.

Что касается до состоянія французской арміи въ отношеніи къ духу и дисциплинѣ войскъ, то уже было сказано, какое вредное вліяніе оказали на нихъ сперва продолжительный, тяжелый походъ, а потомъ стоянка въ Москвѣ. Изъ перехваченныхъ писемъ многихъ лицъ непріятельской арміи явственно видны безнадежность и уныніе, тогда господствовавшія во французскихъ войскахъ. Единственнымъ помысломъ всѣхъ и каждаго, отъ генерала до солдата, было возвращеніе на родину. Подобныя письма убѣдительно доказываютъ, что духъ французскихъ войскъ при самомъ выступленіи ихъ изъ Москвы уже былъ ослабленъ, и потому Наполеонъ, которому это обстоятельство не могло остаться неизвѣстнымъ, не надѣясь нанести рѣшительнаго удара нашей арміи, находился въ необходимости уклоняться отъ генеральнаго сраженія.

Отступленіе по можайской дорогѣ къ Вязьмѣ и Смоленску по разоренной въ конецъ странѣ также представляло необычайныя затрудненія. Наполеонъ колебался въ нерѣшимости и, казалось, все еще не оставлялъ намѣренія открыть силою себѣ путь къ Калугѣ. 14 (26) октября онъ снова направился къ Малоярославцу съ гвардіею и двумя кавалерійскими корпусами (2-мъ и 4-мъ), но остановился у бивуачнаго огня, не рѣшился атаковать Кутузова и двинулся на Можайскъ.

Такимъ образомъ, главная цѣль Кутузова—заставить Наполеона отступать къ Смоленску по имъ же разоренной дорогѣ — была вполнѣ достигнута.

Авангарды обѣихъ армій простояли подъ Малоярославцемъ два дня, одинъ противъ другаго, обмѣниваясь отъ времени до времени выстрѣлами, а затѣмъ разошлись въ разныя стороны: французы двинулись къ Боровску и Можайску, а русскіе нѣсколькими колоннами—частью вслѣдъ за французами, а частью, боковыми дорогами, по обѣ стороны французовъ, чтобы въ любомъ пунктѣ пересѣкать имъ дорогу и гнать ихъ, не давая нигдѣ останавливаться.

Въ ночь на 15-е число отъ захваченнаго въ плѣнъ русскаго офицера Наполеонъ узналъ, что наша армія идетъ къ Смоленску. Опасаясь, чтобы Кутузовъ не преградилъ ему путь, онъ велѣлъ ускорить движеніе.

Въ это время было до четырехъ градусовъ ниже точки замерзанія. Погода стояла ясная, что̀ весьма благопріятствовало отступленію французовъ; но на бивуакахъ по ночамъ они уже страдали отъ стужи.

17-го на разсвѣтѣ Наполеонъ съ гвардіей и съ частью резервной кавалеріи Мюрата прошелъ черезъ поле Бородинскаго сраженія. Уже миновало тогда пятьдесятъ-два дня со времени битвы, но поприще ея все еще представляло ужасную картину смерти во всѣхъ возможныхъ видахъ. На каждомъ шагу встрѣчались трупы; поля были усѣяны обломками оружія, изорванною одеждою, упряжью и снарядами. Затѣмъ, проходя мимо Колоцкаго монастыря, гдѣ со времени сраженія при Бородинѣ былъ учрежденъ обширный госпиталь, Наполеонъ приказалъ употребить всѣ имѣвшіяся при войскахъ повозки и даже собственные его экипажи подъ раненыхъ, которыхъ то-

гда еще оставалось въ монастырѣ до пятисотъ. Но эти несчастные, большею частью, сдѣлались жертвами безчеловѣчія служителей, находившихся въ обозѣ, либо солдатъ, разбогатѣвшихъ награбленною добычею, которые при первой возможности выбрасывали раненыхъ на дорогу, гдѣ они гибли отъ голода и стужи въ жесточайшихъ страданіяхъ.

Во время движенія французовъ къ Можайску и Вязьмѣ, температура постоянно понижалась по ночамъ до четырехъ и пяти градусовъ мороза. Уныніе и упадокъ духа войскъ постепенно увеличивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножалось и число больныхъ; физическія силы солдатъ ослабѣли до того, что многіе изъ людей считали оружіе бременемъ и бросали его; на каждомъ шагу можно было видѣть толпы безоружныхъ пѣхотинцевъ и безлошадныхъ кавалеристовъ, оставившихъ свои знамена, бродившихъ по сторонамъ большой дороги для отысканія средствъ къ спасенію отъ голодной смерти и нерѣдко за то платившихъ жизнью. Упадокъ дисциплины, развившейся впродолженіе стоянки въ Москвѣ, еще болѣе увеличился; голодъ подавлялъ и чувство чести, и подчиненность; солдаты не слушали своихъ офицеровъ и оказывали явное неуваженіе къ нимъ. Хотя при войскахъ еще имѣлись кое-какіе запасы и стужа была умѣренная, однако же всѣ сознавали наступленіе неслыханныхъ бѣдствій. Вестфальскій корпусъ на первыхъ двухъ переходахъ отъ Можайска къ Гжатску, совершенныхъ въ головѣ арміи, въ отдаленности отъ русскихъ войскъ, потерялъ изъ 5,690 человѣкъ отсталыми до четырехсотъ. Обозы вестфальской дивизіи и молодой гвардіи, смѣшавшись одни съ другими, представляли зрѣлище суматохи и безпорядка; повозки съ продовольствіемъ и стада рогатаго скота, принадлежавшія вестфальцамъ, были разграблены гвардейскими солдатами; между французами и союзниками ихъ неоднократно случались кровавыя схватки. Наполеонъ приказалъ, чтобы армія не оставляла за собою никакого обоза, но, на первыхъ же переходахъ по большой Смоленской дорогѣ, войска, видя явную невозможность увезти всѣ находившіяся при нихъ тяжести, стали жечь повозки и взрывать зарядныя фуры. По мѣрѣ уменьшенія обоза, уничтожались средства къ продовольствію войскъ. Въ особенности-же было бѣдственно положеніе нашихъ плѣнныхъ, прину-

жденныхъ слѣдовать за французами при быстромъ ихъ отступленіи. Когда же эти несчастные, не получая никакой пищи для поддержанія своихъ силъ, падали отъ усталости, непріятели добивали ихъ прикладами.

Наши войска, идя по обѣ стороны пути отступленія непріятеля, тревожили его безпрестанно. Такъ 19-го октября Платовъ съ казаками, выйдя съ боковой дороги на Смоленскую, по которой отсту-

Генералъ Ермоловъ.

палъ непріятель, напалъ на него у Колоцкаго монастыря, отбилъ 25 орудій, истребилъ 2 батальона и захватилъ два знамени. Разстройство непріятеля, принужденнаго неотступнымъ преслѣдованіемъ казаковъ ускорить отступленіе, увеличивалось все болѣе и болѣе: на каждомъ шагу взрывалъ онъ зарядные ящики и оставлялъ множество людей, не могшихъ слѣдовать съ войсками.

20-го октября непріятельская армія была растянута между Вязьмою и Дорогобужемъ; наши войска преслѣдовали отступавшихъ

со всѣхъ сторонъ, а партизаны Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ дѣлали страшные набѣги на фланги и тылъ отступавшихъ.

22-го октября, не смотря на быстрое отступленіе французовъ, нашъ авангардъ и боковые отряды настигли его у Вязьмы. Число французскихъ войскъ въ окрестностяхъ Вязьмы было въ это время 37 тысячъ, а число войскъ Милорадовича и Платова, подошедшихъ къ Вязьмѣ, было 25,000. Французы думали обороняться впереди Вязьмы, но смѣлыя атаки и рѣшительность нашихъ войскъ три раза заставили ихъ отступать все ближе къ городу. Въ это время полковникъ Эмануэль съ Ахтырскими гусарами и Кіевскими драгунами бросился на одну изъ непріятельскихъ бригадъ, разсѣялъ ее, а частью захватилъ въ плѣнъ. Пока не успѣла подойти наша пѣхота, французы бросились въ атаку, при чемъ нашъ Харьковскій драгунскій полкъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ нашей кавалеріи. Но полкъ этотъ подъ начальствомъ своего полковаго командира, полковника Юзефовича, проскакалъ въ карьеръ мимо изумленнаго его смѣлостью непріятеля и присоединился къ нашимъ войскамъ почти безъ всякой потери. Когда подошла наша пѣхота, то положеніе французовъ сдѣлалось очень опаснымъ, ибо ихъ преслѣдовали со всѣхъ сторонъ. Хотя на помощь Даву и двинулись вице-король и часть войскъ Нея, тѣмъ не менѣе, обойденные со всѣхъ сторонъ, они при появленіи у нихъ въ тылу нашихъ партизановъ Сеславина и Фигнера, отступили за городъ, оставивъ арріергардъ въ городѣ, чтобы дать возможность остальнымъ своимъ войскамъ выбраться изъ тѣсныхъ улицъ.

Уже день склонялся къ вечеру и можно было надѣяться, что непріятель ночью очиститъ городъ, но Милорадовичъ приказалъ штурмовать городъ, уже объятый пламенемъ. Войска наши вошли въ Вязьму торжественно съ распущенными знаменами, оглашая окрестность барабаннымъ боемъ и музыкою.

Сраженіе, начавшееся съ ранняго утра, кончилось въ 6 часовъ пополудни. Французы потеряли до 4-хъ тысячъ убитыми и ранеными. Но потери въ людяхъ, понесенныя въ этомъ сраженіи Наполеоновою арміею, были для ней гибельны несравненно менѣе, нежели разстройство и упадокъ духа, овладѣвшіе французскими войсками послѣ понесеннаго ими пораженія. Одинъ французскій писатель, въ

то же время командиръ одного изъ полковъ въ корпусѣ Нея, описывая отступленіе французовъ послѣ сраженія подъ Вязьмою, говоритъ: «4-й и 1-й корпуса проходили черезъ наши ряды въ величайшемъ безпорядкѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы они пострадали и разстроились до такой степени. Только итальянская гвардія еще находилась въ хорошемъ состояніи; остальныя войска казались унылыми и изнемогавшими отъ усталости. Несмѣтное число отсталыхъ тянулось въ разбродъ и большей частью безъ оружія; многіе изъ нихъ ночевали вмѣстѣ съ нами въ лѣсу подъ Вязьмою. Я старался убѣдить ихъ къ выступленію до прибытія арріергарда; имъ надлежало уйти какъ можно далѣе и къ тому-же мы не могли допустить, чтобы они кидались въ наши ряды и поселяли въ нихъ разстройство. Такимъ образомъ, ихъ собственное сохраненіе согласовалось съ пользою службы; но утомленіе и лѣность содѣлывали ихъ равнодушными къ предстоявшей опасности. Едва лишь стало разсвѣтать, какъ третій корпусъ выступилъ съ ночлега; въ это самое время всѣ отсталые, оставя свои бивакп, присоединились къ войскамъ. Только больные и раненые, тѣснясь вокругъ огней, заклинали насъ не покидать ихъ на жертву непріятеля, но мы не имѣли никакихъ средствъ увезти ихъ вслѣдъ за арміею и потому притворились, будто не слышимъ ихъ жалобъ. Негодяевъ, бывшихъ въ состояніи сражаться, не смотря на то оставившихъ свои знамена, я приказалъ отгонять прикладами и предупредить, что, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, велю стрѣлять по нимъ, если они будутъ мѣшать дѣйствію моихъ солдатъ».

Войска Наполеона пробивались во мракѣ по дорогѣ, загроможденной орудіями и обозами; люди и лошади едва передвигали ноги, и какъ только лошадь падала, то ближайшіе солдаты кидались къ ней, дѣлили между собою конину, служившую уже нѣсколько дней единственною ихъ пищею, и на-скоро жарили ее; другіе, плохо одѣтые и обутые, страдая отъ стужи и сырости почти столько же, сколько и отъ голода, разводили огни, ложились у нихъ и оставались на мѣстѣ въ ожиданіи смерти или плѣна, которые казались имъ сноснѣе трудовъ и лишеній похода.

Таково было состояніе Наполеоновой арміи непосредственно послѣ сраженія при Вязьмѣ.

23-го октября выпалъ снѣгъ, который продолжался и въ слѣдующіе дни; морозъ постепенно увеличивался до 12-ти градусовъ; дорога покрылась гололедицею, по которой скользили и падали лошади. Французы, не умѣвшіе ковать ихъ на острые шипы, потеряли бо́льшую часть остальной кавалеріи и принуждены были бросить множество повозокъ и нѣсколько орудій. Не имѣя ни пищи, ни одежды и обуви, непріятели черезвычайно страдали отъ стужи, окутывались во что попало и едва могли двигаться. Физическія страданія повлекли за собою упадокъ духа: исчезла дисциплина; всѣ связи дружбы и преданности уступили мѣсто чувству самосохраненія, всякій заботился только о себѣ, не обращая вниманія на бѣдствія самыхъ близкихъ людей. Нѣкоторые изъ солдатъ обирали своихъ товарищей, истомленныхъ болѣзнью или раненыхъ; каждый вечеръ на бивакахъ эти несчастные, блуждавшіе, какъ тѣни, за войсками, подходили къ огнямъ, умоляя о позволеніи отогрѣть окоченѣвшіе члены, но ихъ нерѣдко отгоняли прикладами, требуя, чтобы они принесли свое полѣно. По утру-же, при выступленіи съ ночлеговъ, мѣста расположенія арміи обозначались трупами, подобно полю сраженія. По свидѣтельству Рооса, въ ночь съ 8-го на 9-е ноября на одномъ изъ биваковъ замерзло до трехсотъ человѣкъ. Несмотря на запрещеніе убивать плѣнныхъ, многіе изъ нихъ, не могшіе слѣдовать за непріятельскою арміею, были разстрѣливаемы, и это повторялось на каждомъ переходѣ. Причиною такихъ безчеловѣчныхъ поступковъ было опасеніе, чтобы плѣнные не обнаружили бѣдственнаго состоянія остатковъ «великой арміи». Но оно тогда уже не могло оставаться въ-тайнѣ: русскіе биваки были постоянно окружены толпами безоружныхъ непріятелей, которыхъ наши солдаты нерѣдко угощали сухарями и кашицею. О захватѣ въ плѣнъ этихъ несчастныхъ мало заботились, не обращая на нихъ вниманія и оставляя ихъ бродить свободно, что́ для многихъ непріятелей, попадавшихся въ руки озлобленныхъ крестьянъ, имѣло гибельныя послѣдствія.

Смоленскъ, гдѣ, по распоряженію Наполеона, надлежало собрать большіе запасы для арміи, казался несчастнымъ французскимъ войскамъ обѣтованнымъ мѣстомъ: тамъ они надѣялись найти все нужное, остановиться на зиму и отдохнуть послѣ тяжкихъ трудовъ

и лишеній. Наполеонъ самъ раздѣлялъ это убѣжденіе или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ увѣрить въ томъ другихъ, и продолжалъ двигаться прямо къ Смоленску, не покушаясь проложить себѣ путь въ сторонѣ отъ большой Смоленской дороги, въ мѣстахъ еще не опустошенныхъ.

28-го октября главная квартира Наполеона былавъ Смоленскѣ, прочія же его войска были растянуты отъ Вязьмы до Смоленска.

Генералъ Иловайскій.

Морозъ въ 12 градусовъ, при сильномъ вѣтрѣ на послѣднемъ переходѣ къ Смоленску, заставилъ Наполеона и всю его свиту слѣзть съ лошадей и идти пѣшкомъ нѣсколько верстъ. Войскамъ было приказано остановиться, не доходя города, или обойти и ожидать доставки къ нимъ провіанта изъ смоленскихъ магазиновъ; но какъ никакія усилія не могли удержать нестройныя толпы безоружныхъ и отсталыхъ, то вскорѣ городъ наполнился голодными, оборванными мародерами. Эти несчастные, едва сохранившіе чело-

вѣческій образъ, кидались на все, что могло утолить терзавшій ихъ голодъ. Впродолженіе одной ночи, съ 28-го на 29-е октября, солдаты зарѣзали и съѣли двѣсти пятнадцать фурштадтскихъ лошадей. Раздача провіанта была весьма неправильна: Наполеонъ приказалъ, чтобы гвардіи было выдано продовольствіе на двѣ недѣли, а прочимъ войскамъ на шесть дней, и какъ въ гвардейскіе полки оно отпускалось сполна прежде всѣхъ прочихъ, то корпуса Даву и вице-короля принуждены были оставаться безъ хлѣба цѣлыхъ двое сутокъ. Между тѣмъ нахлынули отсталые, и хотя имъ не велѣно было давать ничего, однако же эти страдальцы, отгоняемые прикладами и безжалостно избитые, осаждали магазины, кидались съ ужасными воплями на всякаго, у кого былъ кусокъ хлѣба или другая пища, и отнимали добычу, убивая тѣхъ, которые сопротивлялись ихъ неистовымъ усиліямъ. Чиновники интендантской части ежечасно подвергались опасности погибнуть отъ руки голодныхъ, приведенныхъ въ отчаяніе. Въ Смоленскѣ были получены ручныя мельницы, присланныя изъ Парижа. Наполеонъ приказалъ испытать ихъ дѣйствіе при себѣ, и онѣ оказались весьма удобными, но не принесли никакой пользы, потому что уже нигдѣ нельзя было достать зерноваго хлѣба.

Впродолженіе четырехдневнаго пребыванія главной квартиры Наполеона въ Смоленскѣ, было приступлено къ приготовленію минъ для взрыва городскихъ укрѣпленій. Недостатокъ въ упряжныхъ лошадяхъ заставилъ бросить часть артиллеріи, сжечь лафеты, зарядныя фуры, экипажи и множество предметовъ роскоши; всякій заботился лишь о добываніи съѣстныхъ припасовъ. Легко-раненыхъ снабдили продовольствіемъ и вывезли изъ города; всѣ же прочіе раненые и больные, въ числѣ до пяти тысячъ, были брошены безъ всякаго присмотра, потому что медики и чиновники, состоявшіе при госпиталяхъ, уходили вслѣдъ за войсками. Нѣсколько кулей муки, съ трудомъ выпрошенные для этихъ страдальцевъ, не могли обезпечить ихъ отъ голода. Раздача войскамъ вина подала новый поводъ къ безпорядкамъ, грабежу и растратѣ запасовъ, составлявшихъ единственное средство снабженія арміи.

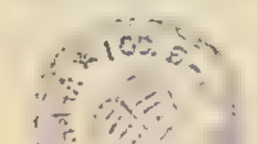
Посмотримъ теперь, что произошло въ войскахъ Наполеона, которыя, какъ мы уже сказали, были растянуты по дорогѣ между

Вязьмою и Смоленскомъ: у Вязьмы, ближе всѣхъ къ нашимъ войскамъ, стоялъ корпусъ Даву, за нимъ—корпусъ вице-короля, а затѣмъ, въ самой Вязьмѣ—корпусъ Нея.

Послѣ сраженія подъ Вязьмою ни Платовъ, ни Милорадовичъ не теряли даромъ времени; оба они пустились вслѣдъ за непріятелемъ къ Дорогобужу: Милорадовичъ по большой дорогѣ, а Платовъ — правѣе. Изъ Дорогобужа французы были выгнаны 26-го октября. Уходя изъ города, они зажгли его, но густой снѣгъ не позволилъ пожару распространиться.

Изъ Дорогобужа вице-король двинулся къ Смоленску чрезъ Духовщину. На пути къ Духовщинѣ онъ долженъ былъ переправиться черезъ рѣку Вопь. 26-го октября войска вице-короля перешли у Дорогобужа на правую сторону Днѣпра, по мосту на плотахъ, но подъемъ на крутой берегъ, сдѣлавшійся отъ гололедицы весьма скользкимъ, представлялъ такія затрудненія, что пришлось запрягать подъ орудія по двѣнадцати и даже по шестнадцати лошадей. Множество фуръ было брошено, а вещи разграблены солдатами. Пространство, по которому двигался корпусъ, было усѣяно чемоданами, одеждою, различною добычею, вывезенными изъ Москвы. Въ слѣдующую ночь продолжался грабежъ; люди и лошади гибли отъ голода и стужи. Платовъ, удостовѣрясь въ отступленіи вице-короля по духовщинской дорогѣ, пустился за нимъ вслѣдъ. 27-го октября, казаки, постоянно рыская на флангахъ французскихъ колоннъ, забирали непріятельскихъ фуражировъ. Вице-король послалъ въ Смоленскъ двухъ офицеровъ, донося о встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ; но оба его курьера были перехвачены казаками Иловайскаго.

Утромъ 28-го октября войска прибыли къ рѣкѣ Вопь, но не могли переправиться, потому что внезапно поднявшаяся вода разорвала мостъ и не было никакихъ средствъ исправить его. Донцы, замѣтивъ скопленіе на берегу непріятельскихъ войскъ и обозовъ, открыли по нимъ канонаду и стали тѣснить французовъ съ тыла, между тѣмъ какъ сильныя казачьи партіи, перейдя черезъ Вопь, показались на противолежащей сторонѣ рѣки. Вице-король, опасаясь быть окруженнымъ войсками, немедленно приступилъ къ переправѣ, а одной дивизіи, оставленной въ арріергардѣ, поручилъ удерживать казаковъ, напиравшихъ съ тыла. Въ головѣ корпуса кинулся

въ бродъ черезъ рѣку, по поясъ въ водѣ, адъютантъ вице-короля; за нимъ слѣдовала королевская гвардія; потомъ вице-король со всѣмъ своимъ штабомъ, перейдя чрезъ рѣку, приказалъ переправлять обозы. Первыя повозки и орудія были перевезены благополучно, но вскорѣ образовались на днѣ рѣки глубокія выбоины, въ которыхъ засѣла артиллерія, загромоздивъ единственный доступный бродъ, потому что въ другихъ мѣстахъ крутые и скользкіе берега требовали предварительнаго устройства спусковъ.

Между тѣмъ казаки болѣе и болѣе тѣснили арріергардъ. Непріятели, пораженные ужасомъ, отчаясь въ спасеніи, рѣшили бросить артиллерію и обозы, не успѣвшіе переправиться. Всякій оставлялъ свои экипажи и повозки, спѣша навьючить на лошадей наиболѣе цѣнныя вещи и перебраться черезъ рѣку; тѣ же, которые не имѣли лошадей, принуждены были переходить на другой берегъ почти по шею въ водѣ, застывавшей отъ стужи. Въ то же время оставляемый непріятелемъ берегъ представлялъ зрѣлище неописаннаго безпорядка: мародеры грабили своихъ, отыскивая въ обозѣ премущественно муку и водку; артиллеристы старались заклепать орудія; солдаты въ безпорядкѣ кидались въ рѣку, запруженную повозками и трупами. Войска вице-короля, за исключеніемъ дивизіи, оставленной въ арріергардѣ, успѣли къ вечеру переправиться на правую сторону Вопи и расположились на отдыхъ вблизи отъ берега. Впродолженіе всей ночи слышны были отчаянные вопли перебиравшихся черезъ рѣку. Французы провели эту ночь на голомъ снѣгу, подъ открытомъ небомъ; солдаты безъ обуви, почти нагіе, изнуренные отъ голода и усталости, тревожимые ежечасно казаками, дремали сидя или, доставъ бревно изъ разобранныхъ домовъ, находившихся въ сосѣдствѣ селенія, старались осушить одежду и жарили конину.

Съ разсвѣтомъ 29-го октября переправилась послѣдняя дивизія, оставя на лѣвомъ берегу Вопи шестьдесятъ-четыре орудія и почти всѣ обозы корпуса. Многіе солдаты по переходѣ черезъ рѣку, истощивъ послѣднія силы, побросали свое оружіе. Трудно сказать, какъ велика была потеря 4-го корпуса въ людяхъ, но объ огромности ея можно заключить изъ того, что послѣ переправы чрезъ Вопь у вице-короля осталось подъ ружьемъ не болѣе 6,000 человѣкъ.

Какъ только Платовъ замѣтилъ отступленіе непріятельскаго аріергарда, то переправился вслѣдъ за нимъ черезъ Вопь, настигъ его и отбилъ еще 23 орудія. Вице-король, съ оставшимися при корпусѣ двѣнадцатью орудіями, старался собрать разсѣянныхъ солдатъ; но голодъ былъ сильнѣе, нежели чувство воинскаго долга, и всѣ усилія начальниковъ возстановить порядокъ ввѣренныхъ имъ частей остались напрасны. Въ тотъ же самый день жестоко поплатилась другая часть французской арміи: отрядъ генерала Ожаровскаго съ летучими отрядами Давыдова, Фигнера и Сеславина взяли въ плѣнъ цѣлую бригаду.

Потерпѣвъ жестокое пораженіе, вице-король въ ночь съ 30-го на 31-е октября рѣшилъ выступить какъ можно быстрѣе къ Смоленску; но уже въ 10 часовъ вечера, когда изнуренные боемъ французы отдыхали, появились передъ Духовщиною казаки. Въ два часа пополудни французы оставили городъ, предавъ пламени какъ его, такъ и всѣ окрестныя селенія. Ночное движеніе непріятельскихъ колоннъ освѣщалось зловѣщимъ отблескомъ пожаровъ. Только тѣ селенія были пощажены, которыя находились въ значительномъ разстояніи отъ дороги. Впродолженіе всего перехода, казаки постоянно сопровождали непріятеля, захватывали фуражировъ, отдѣлявшихся отъ колоннъ для добыванія пищи. На слѣдующій день французы, полагая, что Смоленскъ будетъ предѣломъ ихъ бѣдствій и желая скорѣе придти туда, выступили съ ночлега задолго до разсвѣта; но подходя къ Стабнѣ, встрѣтили большія затрудненія при подъемѣ на крутую оледенѣлую гору: на каждомъ шагу люди и лошади падали и скатывались одни на другихъ. Миновавъ эту преграду, французы находились только въ 4-хъ верстахъ отъ Смоленска; уже была видна высокая колокольня; каждый напрягалъ послѣднія силы, стараясь какъ можно скорѣе достигнуть города. Но едва лишь передовыя войска вступили въ предмѣстье, какъ узнали, что 9-й корпусъ ушелъ въ помощь войскамъ, дѣйствовавшимъ на Двинѣ, что придется безостановочно двигаться далѣе и что уже всѣ запасы были издержаны. Эти извѣстія навели на французовъ остолбенѣніе; никто не хотѣлъ тому вѣрить, но вскорѣ всѣ убѣдились въ горькой истинѣ, видя солдатъ смоленскаго гарнизона кидающихся на палыхъ лошадей и жадно пожираю-

щихъ копину. Вице-король ввелъ въ городъ остатки своего корпуса, кромѣ дивизіи Брусьé, оставленной съ нѣсколькими орудіями на высотахъ праваго берега Днѣпра. Отрядъ Платова, во всемъ пути отъ Духовщины до Смоленска настойчиво преслѣдовавшій непріятеля, захватилъ множество плѣнныхъ, отбилъ еще два орудія и подошелъ къ Смоленску 31-го октября, въ тотъ самый день, когда собрались туда всѣ Наполеоновы корпуса.

Фельдмаршалъ, въ приказѣ по арміи отъ 29-го октября, извѣщая войска о побѣдахъ Платова, писалъ:

«Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать и тогда, можетъ быть, Земля Русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. И такъ, мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаетъ зима, вьюги и морозы: вамъ ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погоды, ни злобы враговъ; она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушается. Вы будете умѣть переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: онъ научалъ сносить и голодъ и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ; передъ нами—разбитый непріятель; да будетъ за нами тишина и спокойствіе!»

1-го ноября морозъ усилился до 17° (по другимъ свѣдѣніямъ до 22-хъ); непріятельскія войска, собранныя въ Смоленскѣ, не могли найти убѣжища отъ стужи въ немногихъ уцѣлѣвшихъ строеніяхъ, и къ тому же голодъ заставлялъ ихъ толпиться по цѣлымъ суткамъ кругомъ магазиновъ; нѣкоторые возвращались, не успѣвъ ничего получить; другіе добывали запасы силою, врываясь въ кладовыя, унося съ собою мѣшки съ мукою, сухари и бочонки съ водкою, и прокладывая себѣ обратный путь штыкомъ или саблею.

Видя невозможность удержаться въ Смоленскѣ, Наполеонъ выѣхалъ оттуда 2-го ноября. Въ аррієргардѣ шли войска корпуса маршала Нея, которому было приказано держаться во что бы то ни стало и отступать шагъ за шагомъ. 28-го октября нашъ авангардъ напалъ на французовъ у Соловьевой переправы, заставилъ Нея отступить,

а на слѣдующій день войска перебрались черезъ Днѣпръ по весьма тонкому льду, захватили около тысячи плѣнныхъ и нашли на другой сторонѣ рѣки 18 орудій, 60 зарядныхъ ящиковъ и множество обозовъ.

Бѣдствія французской арміи усиливались все болѣе, но главное предстояло еще впереди.

ГЛАВА VIII.

Сосредоточеніе французскихъ войскъ въ Смоленскѣ.—Отъѣздъ изъ Смоленска Наполеона.—Отступленіе французской арміи отъ Смоленска до Краснаго.—Четырехдневный бой подъ Краснымъ.—Бѣгство къ рѣкѣ Березинѣ.—Окончательная гибель французской арміи послѣ березинской переправы.—Очищеніе Русской Земли отъ непріятеля.

Когда разбитыя Платовымъ на рѣкѣ Вопи войска вице-короля прибыли въ Смоленскъ, то здѣсь сосредоточилась вся такъ-называемая «великая армія» Наполеона, кромѣ корпуса Нея, бывшаго въ аррьергардѣ и оставленнаго въ Смоленскѣ съ цѣлью удерживать русскихъ во что бы то ни стало и отступать шагъ за шагомъ. Оставаться-же въ Смоленскѣ онъ не смѣлъ, потому что въ это время Кутузовъ уже угрожалъ его тылу. Это было тѣмъ опаснѣе, что въ самомъ тылу у него начались наступательныя движенія армій князя Витгенштейна и Чичагова, двигавшихся къ рѣкѣ Березинѣ, черезъ которую предстояла французамъ зимняя переправа. Выше уже было сказано, до какой степени разстроилась французская армія по достиженіи Смоленска. Число состоявшихъ въ ней войскъ, вообще, не превышало пятидесяти тысячъ, изъ коихъ пять тысячъ кавалеріи находились въ самомъ плохомъ состояніи. Артиллерія ослабилась триста пятидесятью орудіями, считая въ томъ числѣ и брошенныя въ Смоленскѣ. Остальныя могли сопровождать войска только по ровной мѣстности; если-же приходилось батареямъ переходить черезъ овраги для расположенія на позиціи, то прислуга, взявшись за колеса, надвигала ихъ въ помощь лошадямъ, едва тащившимъ ноги.

Уходя изъ Смоленска, Наполеонъ оставилъ впереди города, въ 15-ти верстахъ отъ себя, Нея, въ городѣ—Даву и вице-короля, при-

казавъ взорвать стѣны и башни, уничтожить запасы и зарядныя фуры и переломать тѣ ружья, которыхъ нельзя было увезти съ собою. Дальнѣйшее отступленіе французскихъ войскъ было на городъ Красный.

2-го ноября летучій отрядъ генерала Ожаровскаго налетѣлъ на городъ, вытѣснилъ оттуда французскій баталіонъ, но, по несоразмѣрности силъ, долженъ былъ отступить. За то графъ Остерманъ захватилъ въ плѣнъ 5 офицеровъ и 600 рядовыхъ. Стужа въ этотъ день доходила до 19 градусовъ.

3-го ноября Милорадовичъ, не доходя до Краснаго, атаковалъ шедшую къ Красному гвардію Наполеона у деревни Ржавка. Хотя бо̀льшая часть нашихъ войскъ была еще назади, однако Милорадовичъ атаковалъ французовъ, разстроилъ ихъ и захватилъ въ этотъ день 12 орудій и 2,000 плѣнныхъ. Французы отступили въ Красный.

Между тѣмъ вице-король, услышавъ въ Смоленскѣ выстрѣлы, выступилъ по дорогѣ къ Красному; у него было не болѣе 5,000 человѣкъ. 4-го ноября онъ подходилъ къ городу.

Войска вице-короля впродолженіе марша отъ Смоленска къ Красному встрѣчали на каждомъ шагу зрѣлище разрушенія большой арміи; у города было брошено несмѣтное число орудій, далѣе вся дорога была загромождена обозами; вездѣ валялись ружья, каски, кивера, кирасы и чемоданы, разбросанные по пути слѣдованія войскъ. Множество труповъ окружало погасшіе огни; овраги и рвы были также наполнены трупами, наваленными для удобнѣйшаго перехода по нимъ обозовъ.

Не доходя до Краснаго, Милорадовичъ опять вышелъ на путь отступленія французовъ и атаковалъ ихъ съ фронта и съ фланговъ. Французы, не видя спасенія, дрались отчаянно и, будучи разбиты на всѣхъ пунктахъ, кинулись съ дороги въ сторону. Пользуясь наступившею темнотою, они обратились къ городу, потерявъ 17 орудій и болѣе 2,000 плѣнныхъ. Съ нашей стороны уронъ не превышалъ 800 человѣкъ.

Теперь была очередь Даву. Выступивъ изъ Смоленска 5-го числа и узнавъ, что войска вице-короля совершенно уничтожены русскими и на пути стоитъ Милорадовичъ, Даву увѣдомилъ Нея о своемъ

выступленія, самъ-же усиленнымъ маршемъ двинулся къ Красному. На разсвѣтѣ Даву прошелъ мимо того мѣста, гдѣ наканунѣ сражался вице-король, и не встрѣтилъ здѣсь никакихъ войскъ, кромѣ казаковъ. Это произошло потому, что Милорадовичъ еще ночью отошелъ въ сторону отъ большой дороги и расположился по близости отъ нея. Едва только въ 9 часовъ утра показались головныя части французовъ, какъ Милорадовичъ атаковалъ ихъ съ фланга пѣхотою

Атаманъ Платовъ.

а выдвинутыми впередъ 50 орудіями. Завязался бой, продолжавшійся до вечера; французы были совершенно разбиты и разсѣяны, потерявъ до 70 орудій и 7,000 плѣнныхъ. Наполеонъ поспѣшно отступилъ отъ Краснаго.

Оставалась очередь за Неемъ, послѣднимъ оставившимъ Смоленскъ.

5-го ноября, въ 2 часа пополуночи, выступилъ изъ Смоленска Ней съ остатками своего корпуса, въ числѣ до восьми тысячъ чело-

вѣкъ пѣхоты съ двѣнадцатью орудіями; войска эти получили въ Смоленскѣ шинели, обувь, патроны и трехдневную дачу провіанта. До семи тысячъ безоружныхъ и отсталыхъ, сопровождавшихъ войска, весьма затрудняли ихъ движеніе. Едва лишь арріергардъ отошелъ версты двѣ, какъ въ городѣ раздался взрывъ, за нимъ послѣдовали другіе. Многіе изъ госпиталей были разрушены, находившіеся въ нихъ больные и раненые французской арміи погибли жертвами безумной мстительности завоевателя, озлобленнаго неудачею. Но его мщеніе оказалось безсильнымъ. Хотя непріятели подвели мины подъ всѣ башни, однакоже взорвали только восемь башенъ и королевскую крѣпость. Множество мародеровъ, оставшихся на смоленскомъ пожарищѣ въ надеждѣ грабежа, вмѣсто добычи, нашли смерть отъ руки Смолянъ, скрывавшихся въ подвалахъ и другихъ убѣжищахъ и жестоко мстившихъ своимъ притѣснителямъ. Нѣкоторые изъ непріятелей были брошены въ пламя горѣвшихъ зданій, другіе— утоплены въ прорубяхъ Днѣпра. Но какъ только вошелъ въ городъ маіоръ Горихвостовъ съ 20-мъ егерскимъ полкомъ, то были прекращены эти убійства и оказана посильная помощь больнымъ и раненымъ французамъ.

Въ Смоленскѣ найдено 17 русскихъ и сто сорокъ непріятельскихъ орудій, до шестисотъ различнаго рода фуръ и повозокъ и болѣе четырехъ тысячъ больныхъ и отсталыхъ непріятелей.

Послѣ нѣсколькихъ атакъ, французы были приведены въ полное разстройство. Замѣтя это, Милорадовичъ послалъ Смоленскаго полка маіора Ренненкампфа парламентеромъ къ Нею, требуя, чтобы онъ положилъ оружіе; посланный нашъ увѣрялъ маршала, что уваженіе, внушаемое ему его храбростью и способностями, не позволитъ намъ предложить какія либо условія, несовмѣстныя съ его достоинствомъ, что передъ нимъ стоитъ восьмидесяти-тысячная армія, и что онъ можетъ удостовѣриться въ истинѣ сказаннаго, поручивъ развѣдать о томъ кому либо изъ своихъ офицеровъ. Въ то время, когда Нею было сдѣлано это предложеніе, у него было подъ ружьемъ не болѣе шести тысячъ человѣкъ; вся его артиллерія состояла изъ 12 орудій, а кавалерія—изъ одного взвода, находившагося при немъ въ конвоѣ. Маршалъ, тѣмъ не менѣе, вмѣсто отвѣта, приказалъ задержать маіора Ренненкампфа подъ предлогомъ нѣсколькихъ пушеч-

ныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ нами вродолженіе переговоровъ; дѣйствительною же причиною тому было опасеніе, чтобы нашъ офицеръ не далъ свѣдѣній о жалкомъ состояніи французскихъ войскъ.

Туманъ помѣшалъ полному истребленію французовъ. Изъ Краснаго они были къ вечеру выбиты окончательно.

Къ разсвѣту слѣдующаго дня прибыла въ Красный, гдѣ тогда находился Милорадовичъ, депутація отъ непріятелей, собравшихся въ сосѣднихъ лѣсахъ, которые предложили сдаться военно-плѣнными. Число этихъ большей частью безоружныхъ людей простиралось до шести тысячъ; въ это время у насъ ужь никто не заботился о захватѣ плѣнныхъ, считая измореныхъ французовъ обреченными вѣрной гибели. За исключеніемъ небольшаго числа непріятельскихъ солдатъ, остававшихся подъ ружьемъ, которые сохранили отчасти воинскій духъ и чувство народной гордости, прочіе бродили, какъ тѣни, кругомъ нашихъ биваковъ, и готовы были охотно пожертвовать свободою за кусокъ хлѣба. Раевскій пишетъ, что, когда, по отраженіи Неевыхъ войскъ, онъ отправился на пріисканную для него квартиру въ ближайшее селеніе и легъ отдохнуть, его разбудилъ ординарецъ, говоря, что прибыли два офицера отъ пяти тысячъ французовъ, не хотѣвшихъ сдаться никому, кромѣ генерала Раевскаго. Оказалось, что одинъ изъ этихъ офицеровъ, служившій прежде камердинеромъ у брата Раевскаго, узнавъ отъ захваченнаго непріятелями лейбъ-гусара, что въ сосѣдствѣ французской колонны находился корпусъ извѣстнаго ему нашего генерала, убѣдилъ своихъ сослуживцевъ сдаться ему и отправился съ лѣкаремъ-французомъ, взявъ плѣннаго лейбъ-гусара въ проводники, отыскивать Раевскаго. «Такимъ образомъ, говоритъ Раевскій, я взялъ въ плѣнъ пять тысячъ человѣкъ, не вставая съ постели».

Сраженія подъ Краснымъ съ 3-го по 6-е ноября довершили ослабленіе и безъ того уже весьма разстроенной непріятельской арміи: болѣе двадцати-шести тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ 7 генераловъ и 300 офицеровъ, нѣсколько орловъ, т. е. знаменъ, 116 орудій (не считая 112, брошенныхъ непріятелемъ по большой дорогѣ на протяженіи 17 верстъ отъ Смоленска и найденныхъ сотникомъ Низкинымъ) и жезлъ маршала Даву, захваченный въ его

обозѣ,—были трофеями дѣйствій подъ Краснымъ; уронъ непріятеля убитыми и ранеными не можетъ быть опредѣленъ въ точности, но судя приблизительно по собраннымъ свѣдѣніямъ, простирался по, крайней мѣрѣ до 6,000 человѣкъ. Съ нашей стороны убито и ранено до двухъ тысячъ.

За дѣла подъ Краснымъ Кутузовъ получилъ именованіе «Смоленскаго», Милорадовичъ—Георгія 2-го класса, а Платовъ—графскій титулъ.

Послѣ пораженія французовъ подъ Краснымъ, Наполеонъ отступилъ къ Оршѣ, а оттуда продолжалъ отступленіе къ Борисову.

Селенія въ Могилевской губерніи не были оставлены жителями и представляли нѣкоторыя средства для снабженія запасами войскъ. Но уже ничто не могло возстановить порядокъ и устройство въ бывшей «великой арміи», число которой, вмѣстѣ съ безлошадными кавалеристами и другими неспособными къ бою частями войскъ послѣ дѣлъ при Красномъ, не превосходило 25,000 человѣкъ. При этихъ войскахъ не было почти вовсе кавалеріи и артиллеріи, потому что, за исключеніемъ немногихъ орудій, остававшихся при войскахъ, всѣ прочія были потеряны въ дѣлахъ при Красномъ, брошены на дорогѣ, либо зарыты въ погребахъ при очищеніи города. Къ довершенію затруднительныхъ обстоятельствъ Наполеона, въ Дубровну пришли извѣстія о взятіи русскими Витебска, о неудачномъ для Виктора сраженіи при Чашникахъ (Смолянцахъ) 2-го ноября и о занятіи Минска 4-го—нашею Дунайскою арміею.

Положеніе непріятельскихъ войскъ послѣ урона, понесеннаго ими подъ Краснымъ, было отчаянно. Не только почти всѣ орудія, но и необходимѣйшіе обозы были потеряны. Число одиночныхъ людей, бросавшихъ оружіе и тащившихся въ безпорядкѣ вслѣдъ за войсками, безпрестанно увеличивалось. Многіе изъ солдатъ, остававшихся подъ ружьемъ, исхудалые, обросшіе бородою, почти совершенно утратившіе зрѣніе отъ бивачнаго дыма, съ отмороженными руками и ногами, не узнавали другъ друга и совершенно потеряли бодрость духа. 7-го ноября Наполеонъ прибылъ въ Оршу, откуда французы направились къ Борисову. Положеніе ихъ нѣсколько улучшилось тѣмъ, что, по случаю оттепели, наступившей 7-го ноября, ночлеги на бивакахъ были сноснѣе прежнихъ; но когда 8-го пошелъ дождь, про-

должавшийся съ перемежками нѣсколько дней сряду, то движенія войскъ по глубокому размякшему снѣгу и по грязи сдѣлались весьма тягостны, тѣмъ болѣе что солдаты, совершенно износивъ обувь, обвертывали ноги всякимъ трппьемъ, нисколько не предохранявшимъ отъ мокроты и сырости.

Не доходя до Борисова, Наполеонъ узналъ, что русскіе овладѣли переправою у этого города. И такъ теперь французская армія

Графъ Строгановъ.

была со всѣхъ сторонъ окружена, ибо къ арміи Кутузова присоединились войска Витгенштейна и Чичагова.

Графъ Витгенштейнъ, послѣ двухдневнаго боя подъ Полоцкомъ, какъ уже было сказано *), оставался въ бездѣйствіи до начала октября, когда къ нему присоединились войска Штейнгеля. Получивъ подкрѣпленіе, онъ двинулся противъ Сенъ-Сира, и послѣ двухдневнаго сраженія 6-го и 7-го октября овладѣлъ Полоцкомъ.

Между тѣмъ, какъ у графа Витгенштейна собралось теперь до

*) Смотри главу III.

30,000 человѣкъ, и къ французамъ прибыли подкрѣпленія съ маршалами Викторомъ и Удино́, командирами 2-го и 9-го корпусовъ, что́ составило силу въ 36,000 человѣкъ. Войска эти сосредоточились у Чашниковъ, гдѣ 19-го октября произошелъ бой, въ которомъ французы были разбиты.

Вслѣдъ затѣмъ, 25-го октября, Витгенштейнъ взялъ Витебскъ, а 2-го ноября разбилъ Викто́ра при Смолянцахъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда Наполеона преслѣдовала главная наша армія по пути отъ Вязьмы къ Красному, въ тылу у нихъ сосредоточились войска Витгенштейна, который ожидалъ прибытія къ нему арміи Чичагова, чтобы обоимъ имъ отрѣзать Викто́ра и Удино́ отъ Наполеона, а самимъ стать у него въ тылу и окончательно загородить ему дорогу изъ Россіи.

Наполеонъ очень опасался, чтобы Витгенштейнъ не отбросилъ маршала Викто́ра и не сталъ бы самъ въ тылу французскихъ войскъ. Но опасенія его не оправдались, ибо въ это время армія Чичагова еще не успѣла прибыть. Поэтому Витгенштейнъ, послѣ разбитія французовъ при Чашникахъ и Смолянцахъ, ограничился только наблюденіемъ.

Необходимо напомнить, что армія Тормасова, послѣ сраженія при Городечнѣ *), будучи слабѣе непріятеля, не могла дѣйствовать наступательно; но и французы оставались также въ бездѣйствіи. Такъ простояли обѣ стороны до сентября, когда сюда прибыли войска адмирала Чичагова.

Адмиралъ Чичаговъ командовалъ Дунайскою арміею, которая, по окончаніи войны съ Турціею, должна была идти на соединеніе съ арміею Тормасова, бывшею на Волыни. Придя на Волынь, войска Чичагова узнали здѣсь впервые, что Москва занята французами. Это извѣстіе не только не привело въ уныніе наши войска, но, напротивъ того, поселило въ нихъ такую жажду къ мести, что всякое уклоненіе отъ боя встрѣчаемо было изъявленіемъ общей готовности умереть за освобожденіо отечества.

29-го сентября Чичаговъ выгналъ австрійцевъ и саксонцевъ изъ Брестъ-Литовска и здѣсь, въ ожиданіи подвоза продовольствія, оставался двѣ недѣли. Затѣмъ онъ двинулся черезъ Слонимъ къ

*) См. главу III.

Минску, куда прибылъ 4-го ноября, разбивъ на пути непріятеля и отбивъ въ Несвижѣ болѣе нежели на милліонъ бриллiантовъ и жемчугу, награбленныхъ въ Москвѣ.

Въ авангардѣ Чичагова шелъ графъ Ламбертъ, дѣлая усиленные переходы, чтобы поскорѣе выйти къ Березинѣ, въ тылъ главной арміи Наполеона. Войскамъ по дурнымъ дорогамъ приходилось дѣлать переходы по 35 верстъ, двигаться ночью въ темнотѣ и стужѣ.

Двигаясь такимъ образомъ, Ламбертъ подошелъ къ Борисову, и, послѣ жаркаго боя, 8-го ноября завладѣлъ укрѣпленіемъ у Борисовскаго моста и выгналъ изъ города французовъ.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находились войска обѣихъ сторонъ передъ переправою французовъ черезъ Березину.

Войска Чичагова, какъ сейчасъ сказано, стояли въ Борисовѣ и его окрестностяхъ; Удино́ и Викто́ръ приближались къ войскамъ Наполеона, а наша главная армія шла по обѣ стороны французской.

Безпрестанные переходы почти безъ отдыха ослабляли войска на каждомъ шагу; полки исчезали съ чрезвычайною быстротою; въ оборванныхъ, покрытыхъ лохмотьями, на-половину безоружныхъ людяхъ трудно были узнать воиновъ; ко всѣмъ бѣдствіямъ, постигшимъ Наполеонову армію, присоединилось неминуемое ихъ послѣдствіе—упадокъ духа и даже безуміе.

Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ подъ Борисовымъ былъ тяжело раненъ начальникъ авангарда, графъ Ламбертъ. Вслѣдствіе этого, недостатокъ въ единствѣ распоряженій былъ причиною, что Удино́ подошелъ къ Борисову и вытѣснилъ оттуда наши войска. Это обстоятельство должно было пріостановить движеніе Чичагова, который и перешелъ на правый берегъ Березины, а затѣмъ двинулся на югъ къ Шабашевичамъ.

Еще 11-го ноября, по прибытіи въ мѣстечко Бобръ *), Наполеонъ приказалъ принести къ себѣ знамена всѣхъ полковъ и сжегъ ихъ. Спѣшенные гвардейскіе кавалеристы въ числѣ тысячи восьмисотъ человѣкъ, изъ коихъ около трети не имѣли огнестрѣльнаго оружія, были переформированы въ два батальона. Резервная кава-

*) На пути изъ Орши въ Борисовъ.

лерія «великой арміи», подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, въ которой оставалось всего полтараста человѣкъ, была усилена конницею, составленною изъ пятисотъ кавалерійскихъ офицеровъ, еще имѣвшихъ верховыхъ лошадей. Начальство надъ этимъ отрядомъ, получившимъ отъ Наполеона названіе «священнаго эскадрона», было ввѣрено генераламъ Груши и Себастіани; бригадные генералы командовали въ немъ взводами. Имѣя въ виду сохранить артиллерію, по крайней мѣрѣ до переправы черезъ Березину, Наполеонъ повторилъ повелѣніе сжечь всѣ излишніе обозы и снабдить артиллерію лошадьми.

Удино́, оттѣснивъ наши войска отъ Борисова и занявъ городъ, получилъ приказаніе Наполеона какъ можное быстрѣе построить мосты черезъ Березину. Чтобы ввести наши войска въ заблужденіе на счетъ мѣста переправы, французы дѣлали фальшивыя приготовленія выше и ниже Борисова. Въ то же время Удино́ собиралъ черезъ жидовъ свѣдѣнія о путяхъ на Игуменъ и Минскъ, при чемъ велѣлъ имъ держать это въ секретѣ. Онъ это дѣлалъ съ умысломъ, потому что былъ увѣренъ, что жиды передадутъ это русскимъ. Дѣйствительно же, Удино́ дѣлалъ настоящія приготовленія у деревни Студянки.

Къ нашему несчастью, Чичаговъ былъ введенъ этими слухами въ заблужденіе и обратилъ все свое вниманіе на рѣку ниже Борисова, а Витгенштейнъ преслѣдовалъ Викто́ра, удаляясь отъ Чичагова. Такимъ образомъ, когда французы двигались къ переправѣ, Витгенштейнъ шелъ въ одну сторону, а Чичаговъ—въ другую, противоположную, очищая путь непріятелю.

Въ то время, какъ Чичаговъ пошелъ внизъ по Березинѣ, Удино̀ въ ночь на 14-е ноября двинулся вверхъ къ Студянкѣ и началъ здѣсь устраивать мосты. Противъ Студянки, на другомъ берегу у деревни Брили, былъ съ нашей стороны небольшой наблюдательный отрядъ подъ начальствомъ генерала Чаплица.

14-го ноября, еще до разсвѣта, Наполеонъ отправился верхомъ къ мѣсту, избранному для переправы у Студянки. Отъ наступившей тогда стужи застыли обширныя болота, лежащія вдоль Березины; но рѣка еще не успѣла замерзнуть, а была покрыта пловучими льдинами, весьма затруднявшими постройку мостовъ. Какъ только

рабочіе успѣли приготовить всѣ необходимые матеріалы, Наполеонъ въ 8 часовъ утра приказалъ начать переправу.

Наши войска покушались опрокинуть въ рѣку первыя переправившіяся войска, но французская батарея засыпала ядрами нашъ малочисленный отрядъ и заставила его отступить къ лѣсу. Тѣмъ не менѣе однако же, французы при построеніи мостовъ на Березинѣ встрѣтили чрезвычайныя затрудненія. Ширина рѣки противъ Студянки отъ случившихся передъ тѣмъ дождей и оттепелей увеличилась до 50-ти сажень, а глубина во многихъ мѣстахъ до 6 футовъ, но ничто не могло остановить мужественныхъ понтонеровъ и саперъ. Истощенные, наравнѣ съ прочими своими сослуживцами, тяжкимъ походомъ и всевозможными лишеніями, но возбуждаемые присутствіемъ Наполеона, они бросались между льдинъ въ воду по грудь, работали день и ночь и умирали для спасенія арміи.

Въ часъ пополудни уже былъ готовъ первый мостъ, и Наполеонъ, постоянно находившійся при рабочихъ, приказалъ перейти черезъ рѣку войскамъ Удино́.

Впродолженіе времени этихъ дѣйствій другой мостъ, назначенный для переправы обозовъ, былъ готовъ въ 4 часа пополудни; по немъ была переведена артиллерія.

14-го ноября, въ то время, какъ войска Наполеона начали переправу, одинъ изъ разъѣздовъ нашихъ, высланный на лѣвый берегъ Березины, захватилъ въ плѣнъ эскадроннаго командира, который сообщилъ, что онъ принадлежитъ къ корпусу Викто́ра, который двигается къ Студянкѣ, гдѣ уже готовы мосты. Тогда Чичаговъ двинулся отъ Шебашевичей обратно къ Борисову, куда прибылъ только вечеромъ 15-го числа, такъ что противъ французовъ дѣйствовалъ только одинъ Чаплицъ, сражавшійся весь день 14-го числа. Будучи слабѣе непріятеля, онъ не могъ препятствовать переправѣ, ибо 15-го числа на правомъ берегу Березины переправилось и построилось къ бою болѣе 15 тысячъ французовъ.

Впродолженіе ночи съ 14-го на 15-е мостъ, назначенный для переправы артиллеріи и обозовъ, ломался два раза: въ 8 часовъ вечера и въ 2 часа пополуночи; починка его потребовала первый разъ три, а во второй четыре часа. Отъ этого произошло чрезвычайное столпленіе на лѣвомъ берегу у Студянки. Чтобы сохранить

по возможности порядокъ въ войскахъ и ускорить переправы, самъ Наполеонъ провелъ ночь близъ мостовъ въ одной изъ уцѣлѣвшихъ хижинъ этой деревни, наблюдая за исполненіемъ отданныхъ имъ приказаній. Въ ночь переправились войска Нея и молодая гвардія. Для переправы безоружныхъ и отсталыхъ были сдѣланы чрезвычайныя усилія, но ничто не могло побудить къ дальнѣйшему походу этихъ несчастныхъ, которые предпочитали бродить въ окрестностяхъ Борисова, надѣясь найти гдѣ-либо кусокъ хлѣба.

15-го числа подошли къ переправѣ войска Витгенштейна и разбили французовъ, взявъ въ плѣнъ 240 штабъ и оберъ-офицеровъ и 7,800 нижнихъ чиновъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ начальникъ дивизіи Портуно и четыре генерала.

Въ этотъ же день подошелъ къ Борисову съ другой стороны рѣки Чичаговъ и вошелъ въ связь съ войсками Витгенштейна, Платова и Ермолова.

Впродолженіе ночи съ 15-го на 16-е ноября французы продолжали переправу, но весьма медленно по причинѣ безпорядка и тѣсноты у мостовъ. 16-го ноября наши войска атаковали французовъ на обоихъ берегахъ Березины. Съ лѣваго берега атаковали войска Витгенштейна, дравшіяся цѣлый день противъ отчаянно защищавшихся французовъ, предводимыхъ маршалами Удино и Неемъ. Потеря французовъ въ этотъ день была огромная: одними плѣнными непріятель потерялъ до тринадцати тысячъ.

На правомъ берегу Березины цѣлый день дрались войска Чичагова, потерявъ до двухъ тысячъ человѣкъ. Непріятель потерялъ болѣе 5,000 человѣкъ; въ числѣ раненыхъ былъ маршалъ Удино и 5 генераловъ.

Сраженіе 16-го ноября было весьма кровопролитно; въ особенности же понесла несмѣтныя потери непріятельская армія, принужденная оставить всѣхъ раненыхъ и бо́льшую часть обозовъ. На берегахъ Березины насталъ предѣлъ существованію «великой арміи». Послѣдующее отступленіе ея остатковъ было нечто иное, какъ бѣгство. Впродолженіе трехъ сутокъ съ 14-го по 17-е, старая гвардія, вовсе не участвовавшая въ бою, потеряла изъ трехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ—полторы тысячи, а молодая гвардія изъ полуторы тысячъ человѣкъ—семьсотъ. Остальные гвардейцы (2,800 человѣкъ)

были, большей частью, больны и не могли перенести лишеній дальнѣйшаго похода.

Впродолженіе дѣла 16-го числа, вице-король, Даву и многіе изъ офицеровъ и солдатъ ушли къ Зембину. Самъ Наполеонъ провелъ слѣдующую ночь въ избѣ, которая, кромѣ кровли, разобранной на бивачные огни, оставалась въ цѣлости. Всѣ же прочія строенія деревушки, вмѣщавшей въ себѣ главную квартиру французской арміи, были разрушены до основанія, и даже не пощажены убогія хижины, въ коихъ укрывались раненые. На лѣвой сторонѣ рѣки, у Студянки, осталось несмѣтное число больныхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ, чиновниковъ, служителей, маркитантовъ; встрѣчались и женщины съ дѣтьми, слѣдовавшія за арміею отъ Москвы. Нѣкоторые изъ отсталыхъ могли бы переправиться въ ночи съ 16-го на 17-е, бросивъ свои повозки и лошадей, но оставались на мѣстѣ въ надеждѣ сохранить ихъ; другіе раненые или больные лежали въ изнеможеніи; наконецъ были и такіе, кои, успѣвъ развести огонь, отогрѣвались, погруженные въ совершенное безчувствіе. Напрасно Викторъ и другіе французскіе генералы старались убѣдить одиночныхъ людей, чтобы они позаботились о своемъ спасеніи. Въ 5 часовъ утра зажжены были повозки, что заставило многихъ переправиться на правый берегъ; въ $6^1/_2$ часовъ Викторъ перевелъ аррьергардъ и снялъ свои передовые посты. Тогда всѣ отсталые кинулись толпою къ мостамъ и снова загромоздили подходъ къ нимъ. Генералу Эбле было приказано зажечь мосты въ 8 часовъ; но какъ русскіе еще не показывались, то онъ медлилъ исполнить данное ему порученіе, желая дать время спастись людямъ, остававшимся на лѣвой сторонѣ рѣки. Въ $8^1/_2$ часовъ на высотахъ Студянки появились грозные для отступавшихъ непріятелей донцы; чтобы удержать ихъ, мосты были зажжены. Тысячи больныхъ и раненыхъ, женщины, дѣти—были брошены. Тѣ изъ нихъ, которые сохранили сколько нибудь силъ, блуждали по берегу въ отчаяніи, умоляя небо и людей о помощи, либо кидались толпами въ пылающимъ мостамъ, которые обрушивались подъ ихъ тяжестью; другіе покушались перебраться на другой берегъ по льду, ставшему между мостами, либо вплавь, ниже мостовъ, и тонули, либо гибли, раздавленные между льдинами.

Войскамъ Витгенштейна, при появленіи ихъ у Студянки, открылось необычайное зрѣлище: пространство почти на квадратную версту было уставлено экипажами, фурами, повозками, между которыми среди награбленной добычи лежали кучи тѣлъ, ползали раненые и умирающіе, бродили голодные, полузамерзшіе непріятели. При стужѣ въ 20 градусовъ положеніе этихъ несчастныхъ, и въ особенности скитавшихся съ ними женщинъ и дѣтей, было ужасно. Среди множества предметовъ роскоши, вывезенныхъ непріятелями изъ Москвы, мужчины и женщины, едва покрытые грязными рубищами, просили у нашихъ солдатъ, какъ милости, куска хлѣба; но многіе изъ нашихъ солдатъ, побуждаемые чувствомъ состраданія, свойственнымъ русскому человѣку, не помышляли о наживѣ, а дѣлились съ непріятелями, и въ особенности съ женщинами и дѣтьми, своими послѣдними крохами. Число плѣнныхъ, захваченныхъ у Студянки войсками графа Витгенштейна, вообще простиралось до 5,000 человѣкъ; сверхъ того, достались намъ 12 орудій, множество зарядныхъ и патронныхъ фуръ и обозъ съ огромною добычею, которая была отдана солдатамъ и ратникамъ, за исключеніемъ церковныхъ вещей, отправленныхъ, по распоряженію графа Витгенштейна, къ главнокомандующему въ Москву.

Здѣсь отличились ополченцы, бывшіе подъ начальствомъ генерала Бибикова.

Самъ Наполеонъ съ остатками своей гвардіи оставилъ берега Березины въ 6 часовъ утра и поѣхалъ въ каретѣ на Зембинъ; за нимъ слѣдовали войска Виктора, а въ арріергардѣ — Нея.

Французскіе писатели старались скрыть уронъ, понесенный «великою арміею», который, по всей вѣроятности, простирался до половины всего числа непріятелей, прибывшихъ на Березину; въ этомъ можно убѣдиться, сравнивъ силы Наполеона при движеніи къ Березинѣ съ оставшимися у него по совершеніи переправы. Потери Наполеоновой арміи на Березинѣ, изъ войскъ бывшихъ подъ ружьемъ, были не менѣе 20 или 25 тысячъ человѣкъ, а какъ уронъ отсталыми и безоружными по крайней мѣрѣ равнялся потерямъ людей, состоявшихъ въ строю, то Наполеонъ, вообще, потерялъ отъ 45 до 50-ти тысячъ человѣкъ. Захвачено и найдено русскими войсками только 24 орудія, изъ числа которыхъ 7 брошено непріятелемъ

послѣ переправы въ селеніи Брили. Но, кромѣ того, много орудій потоплено въ рѣкѣ, которая была совершенно запружена тѣлами погибшихъ непріятелей, конскими трупами и обозами.

Переправа черезъ Березину нанесла окончательный ударъ Наполеоновой арміи, которая не только утратила здѣсь остальную боевую силу, но сдѣлалась неспособною къ отступленію въ порядкѣ. Малочисленные остатки этой арміи, уже будучи не въ силахъ ни охра-

Генералъ Штейнгель.

пять множества одиночныхъ людей, за ними слѣдовавшихъ, ни защищаться сами, могли только спасаться бѣгствомъ, сопровождаемымъ всѣми бѣдствіями голода и чрезвычайной стужи. Наполеонъ однакоже успѣлъ не только уйти самъ, но и увести съ собой остатки своихъ корпусовъ: всѣ его маршалы, многіе генералы и значительное число офицеровъ и старыхъ, надежныхъ унтеръ-офицеровъ избѣгли гибели, казавшейся неминуемою.

По отступленіи Наполеоновыхъ войскъ отъ Березины, наши

арміи продолжали его преслѣдовать до Вильны, не давая нигдѣ долго оставаться.

Черезъ нѣсколько дней послѣ переправы черезъ Березину, стужа, достигавшая 27 и болѣе градусовъ, довершила бѣдственное положеніе нашихъ непріятелей. Почти никто не оставался въ рядахъ, никто не отдавалъ приказаній, да и некому было отдавать ихъ; всѣ части войскъ, всѣ роды оружія смѣшались въ безпорядочную толпу; на всякомъ шагу, люди, тащившіеся пѣшкомъ, подвергались опасности погибнуть подъ колесами артиллеріи, либо обозовъ. Ѣздовые и фурлейты, заботясь, какъ и всѣ, лишь о томъ, чтобы уйти поскорѣе, не обращали ни малѣйшаго вниманія на раненыхъ и слабосильныхъ, давили всѣхъ попадавшихся имъ на пути ихъ слѣдованія и двигались далѣе. Множество людей и повозокъ, столпившихся на узкихъ мостахъ, были сброшены во рвы и болота и потонули въ грязи, еще не совершенно застывшей. Безпрестанно останавливались и падали люди и лошади, увязали въ грязи пушки и повозки; самое оружіе сдѣлалось бременемъ для солдатъ; многіе изъ нихъ кидали ружья и патроны. И серебро, и золото потеряли цѣну: каждый готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, чтобы сколько нибудь облегчить невыносимыя страданія свои.

Войска совершенно потеряли прежній свой видъ; нельзя было узнать въ нихъ ни солдатъ, ни офицеровъ. Тысячи нищихъ, окутанныхъ грязными рубищами, едва тащили ноги, обернутыя шерстяными одѣялами, либо мѣхомъ, обвязанныя шнурками, лыками, чѣмъ попало. У каждаго изъ этихъ несчастныхъ были отморожены уши, руки или ноги. Единственнымъ средствомъ къ спасенію служило натираніе ознобленныхъ частей спиртомъ или снѣгомъ. Тѣ же, которые неосторожно отогрѣвались у бивачныхъ костровъ, гибли въ жесточайшихъ мученіяхъ. Другіе, пораженные безчувствіемъ, засыпали на вѣкъ. Для тысячей больныхъ недоставало докторовъ, да и не было никакихъ медицинскихъ средствъ. Всякій былъ предоставленъ самому себѣ. Многіе, уже обреченные смерти, сохраняли еще столько самосознанія, чтобы чувствовать, какъ товарищи ихъ, еще не дождавшись конца ихъ предсмертнаго томленія, раздѣвали ихъ донага и дѣлили между собою жалкія отрепья, покрывающія страдальцевъ. Люди извѣданной храбрости, подавленные неслыханными бѣд-

ствіями, сдѣлались малодушными; почти никто не помышлялъ о сопротивленіи непріятелю; всѣ искали спасенія въ бѣгствѣ, и никто не былъ въ состояніи бѣжать отъ совершеннаго истощенія силъ. Какъ только вблизи появлялись казаки, либо даже крестьяне съ дубинами безотчетный страхъ поражалъ голодныхъ, полузамерзшихъ воиновъ. Въ этомъ множествѣ людей, обреченныхъ мученіямъ и гибели, казалось, исчезли всѣ истинно человѣческія понятія. Почти каждый изъ нихъ готовъ былъ ограбить, убить кого бы то ни было изъ-за куска хлѣба; многіе зажигали дома для того только, чтобы погрѣться.

Въ такомъ положеніи дѣлъ главное затрудненіе съ нашей стороны состояло въ томъ, чтобы преслѣдовать непріятеля, не давая ему отдыха; войска наши были принуждены совершать усиленные переходы, подвергаясь почти наравнѣ съ непріятелемъ и голоду, и холоду. Впродолженіе двѣнадцатидневнаго марша отъ Березины къ Вильнѣ, русскія арміи, и въ особенности передовые отряды, терпѣли большую нужду въ продовольствіи и теряли множество людей отсталыми и больными, но находились въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели французы, какъ потому, что были лучше обуты и одѣты, такъ и по большему расширенію войскъ въ стороны отъ дороги, что̀ позволило нѣкоторой части людей располагаться по квартирамъ; между тѣмъ какъ непріятели были принуждены постоянно оставаться на маршѣ, либо на бивакахъ. И потому, несмотря на большой уронъ русскихъ войскъ, они двигались быстро и настигали враговъ на каждомъ переходѣ.

23-го ноября, въ 11 часовъ ночи, Наполеонъ отправился изъ Сморгони по Виленской дорогѣ. Морозъ въ эту ночь доходилъ до 20°.

24-го ноября Наполеонъ прибылъ въ Вильну, объѣхавъ городъ предмѣстьями, и остановился на ковенскомъ выѣздѣ, въ пустомъ домѣ, кругомъ котораго всѣ строенія были истреблены недавнимъ пожаромъ.

26-го ноября, въ день великомученика св. Георгія Побѣдоносца, Наполеонъ переѣхалъ русскую границу, а 7-го декабря уже былъ въ Парижѣ.

Появленіе въ Вильнѣ Наполеоновыхъ войскъ изумило жителей, которые еще наканунѣ не сомнѣвались въ существованіи «великой

арміи». Самое оставленіе непріятелемъ Москвы, благодаря слухамъ, распускаемымъ французскими агентами, долго считалось маневромъ, имѣвшимъ цѣлью отойти къ Смоленску, чтобы сблизиться съ Петербургомъ и открыть слѣдующую кампанію покореніемъ нашей сѣверной столицы. Послѣ всего этого, легко вообразить, какъ удивило всѣхъ прибытіе оборванныхъ страшилищъ, едва сохранившихъ человѣческій образъ. Движеніе ихъ черезъ городъ, продолжавшееся нѣсколько дней, можно было бы сравнить съ маскарадомъ, еслибы эти страдальцы не представляли собою поразительной картины всевозможныхъ бѣдствій. Многіе изъ нихъ, проходя по улицамъ, падали и умирали въ нѣсколько минутъ отъ истощенія и стужи; другіе врывались въ дома и засыпали сномъ непробуднымъ. Нѣкоторые изъ виленскихъ жителей, подвергавшіеся притѣсненіямъ впродолженіе французскаго владычества, встрѣчали ихъ насмѣшками; иные, весьма основательно опасаясь грабежа, скрывались въ домахъ и закрывали свои лавки. Въ такихъ обстоятельствахъ многіе изъ непріятелей торопились уйти какъ можно скорѣе изъ города, чтобы не попасть въ руки казакамъ, и не успѣвали запастись пищею; другіе, напротивъ того, вовсе отказывались идти дальше. Несмотря на изобиліе провіанта въ магазинахъ, не всякому посчастливилось получить его отъ безпорядка въ раздачѣ, неизбѣжнаго при общей суматохѣ. А между тѣмъ уже съ нѣсколькихъ сторонъ подходили русскіе.

28-го ноября, въ 4 часа утра, Мюратъ, назначенный главнымъ начальникомъ арміи, отправился по Ковенской дорогѣ въ каретѣ.

Подойдя къ Понарской горѣ, непріятели были принуждены взбираться на крутую, покрытую гололедицею высоту. Для защиты отступавшихъ людей и обозовъ, Ней расположилъ у подошвы высоты аррієргардъ въ колоннахъ, изъ коихъ въ каждой было по нѣскольку сотъ человѣкъ, между тѣмъ какъ Мюратъ съ находившеюся при немъ свитою и гвардіею, прибывъ туда около пяти часовъ утра, торопился уходить далѣе. Но изморенныя лошади, будучи не въ силахъ взобраться на гору, скользили и падали, множество людей и повозокъ столпилось и загромоздило дорогу, не позволяя двигаться поодиночкѣ. Самъ Мюратъ и всѣ маршалы принуждены были оставить свои экипажи и лошадей и пробираться въ сторонѣ отъ дороги, черезъ лѣсъ, пѣшкомъ, приказавъ жечь повозки и навью-

чивать на лошадей казну, собственное серебро Наполеоново и другія наиболѣе цѣнныя вещи. Но немногое лишь удалось увезти непріятелямъ; раздались выстрѣлы казачьихъ орудій. Мюратъ и прочіе французскіе начальники ускакали по Ковенской дорогѣ, за ними ушелъ арріергардъ Нея. Отсталые мародеры и фурлейты, видя ясную невозможность спасти казну, бросились къ боченкамъ съ золотомъ и серебромъ, разбивали ихъ и уносили огромныя суммы денегъ; другіе раскрывали чемоданы и вытаскивали оттуда придворные, вышитые золотомъ, мундиры, либо богатые мѣха; но всякій жадно искалъ съѣстныхъ припасовъ и, если находилъ ихъ въ брошенныхъ экипажахъ, кидался къ нимъ, оставляя сокровища. Да и вообще деньги потеряли свою обычную цѣну: случалось нѣкоторымъ давать по десяти пятифранковыхъ монетъ за рюмку водки, либо промѣнивать цѣлыя кучи серебра за нѣсколько наполеондоровъ. Многіе изъ солдатъ Неева арріергада побросали свои ружья и замѣнили ихъ мѣшками съ золотомъ. Среди этой суматохи нагрянули донцы и довершили остальное. Изъ всей казны, простиравшейся до одиннадцати милліоновъ франковъ, было спасено съ небольшимъ четыре милліона, а разграблено шесть милліоновъ восемьсотъ тысячъ франковъ. Кромѣ того, непріятели были принуждены бросить остальную свою артиллерію, въ числѣ двадцати-восьми орудій, такъ называемые трофеи, почти всѣ обозы, множество повозокъ съ ранеными и больными офицерами и собственные экипажи Наполеона.

Въ тотъ же день 28-го ноября русскія войска заняли Вильну, и Кутузовъ перевелъ туда свою главную квартиру. По занятіи Вильны, войска наши, по повелѣнію Императора Александра, продолжали гнать непріятеля съ быстротою едва вѣроятною. До Ковны французы дошли въ три перехода. Защищавшій городъ маршалъ Ней пробовалъ-было задержать русскихъ, но Платовъ и Чаплицъ разсѣяли французовъ.

Между тѣмъ Ней, у котораго оставалось не болѣе двухсотъ вооруженныхъ людей, кинулся-было по кратчайшей дорогѣ къ Вильковишкамъ, но какъ его солдаты почти всѣ разсѣялись въ разныя стороны, то онъ обратился вправо внизъ по Нѣману, а потомъ черезъ лѣса пробрался на большую дорогу, ведущую въ Гумбиненъ. Генералъ Дюма пишетъ: «Вырвавшись изъ окаянной Россіи, я отдыхалъ

на своей квартирѣ въ Вильковишкахъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ съ длинною бородою, красными, сверкающими глазами. — «Вы не узнали меня?» спросилъ онъ. — Нѣтъ! Кто вы? — «Я арріергардъ великой арміи» — маршалъ Ней».—Дѣйствительно, при немъ тогда не было никого, кромѣ одного генерала Жерара».

Графъ Платовъ, вступивъ съ отрядомъ своимъ въ очищенный имъ отъ непріятеля городъ Ковну, 3-го декабря приказалъ, въ присутствіи собранныхъ на площади войскъ, принести благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. При возглашеніи многолѣтія Монарху и царствующему Дому былъ произведенъ сто одинъ выстрѣлъ. Торжественные крики «ура» нашихъ войскъ повторились отъ души жителями, потерпѣвшими разореніе отъ мнимыхъ своихъ избавителей и встрѣчавшими русскихъ съ непритворнымъ восторгомъ. Католическій священникъ испросилъ у Платова позволеніе также отслужить молебенъ, и даже евреи вышли на площадь, гдѣ происходило торжество, неся свою святыню—кіотъ съ десятью заповѣдями.

По занятіи нашими войсками Ковны и утушеніи пожаровъ въ городѣ, было найдено нѣсколько пушекъ (вообще съ захваченными при преслѣдованіи отъ Вильны взято 21 орудіе), 779 ящиковъ съ зарядами и до 3-хъ тысячъ четвертей провіанта и овса. Захвачено казаками на маршѣ отъ Вильны и въ городѣ Ковнѣ плѣнныхъ до 5-ти тысячъ человѣкъ.

Число вооруженныхъ людей «великой арміи», перешедшихъ обратно за предѣлы Россіи, не превосходило 400 человѣкъ пѣхоты старой гвардіи (молодая гвардія тогда уже вся разсѣялась) и 600 гвардейской кавалеріи. Во всѣхъ-же прочихъ корпусахъ оставались только знамена, сопровождаемыя нѣсколькими офицерами и унтеръ-офицерами. Артиллерія всей арміи состояла изъ девяти орудій, увезенныхъ Мюратомъ изъ Ковны. 7-го декабря главная квартира его достигла Кенигсберга въ Пруссіи.

Послѣ пораженія арміи Наполеона, и союзники его—австрійцы и пруссаки—отдѣлились отъ него и перешли на сторону русскихъ, съ которыми вмѣстѣ и вели войну за освобожденіе Германіи изъ подъ власти Наполеона.

Теперь оставался только въ Россіи корпусъ Макдональда, дѣйствовавшій противъ Риги; но и тамъ въ скоромъ времени прусскія войска отложились отъ французовъ и отступили въ Пруссію.

Между тѣмъ какъ остатки непріятельской арміи отступали отъ Нѣмана къ Вислѣ, Императоръ Александръ I-й, принявъ мѣры для продолженія борьбы съ пораженнымъ, но еще опаснымъ противникомъ, отправился изъ Петербурга, ночью съ 6-го на 7-е декабря, въ главную квартиру князя Кутузова въ Вильну. Главною цѣлью путешествія Государя было приданіе большей настойчивости дѣйствіямъ нашихъ армій. И въ самомъ дѣлѣ, присутствіе обожаемаго Монарха среди войскъ, совершившихъ подвигъ освобожденія отечества, возбудило дѣятельность всѣхъ и каждаго. 11-го, въ пятомъ часу пополудни, раздались на улицахъ и площадяхъ Вильны громкія восклицанія народа. Государь, въ открытыхъ дорожныхъ саняхъ, на тройкѣ, прискакавъ на дворъ замка, былъ встрѣченъ у подъѣзда фельдмаршаломъ, ожидавшимъ его въ полной парадной формѣ. Императоръ обнялъ своего полководца, принялъ отъ него строевой рапортъ, поздоровался съ стоявшими въ караулѣ Семеновцами, и, взявъ за руку фельдмаршала, повелъ его въ свой кабинетъ. По выходѣ фельдмаршала изъ Государева кабинета, графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгія 1-й степени. На слѣдующее утро, въ день рожденія Императора Александра, 12-го декабря, Государь, обратясь къ собравшимся во дворцѣ генераламъ, сказалъ имъ, какъ представителямъ всей арміи: «Вы спасли не одну Россію; вы спасли Европу».

Такъ выразились дальнѣйшіе виды Императора Александра. Государь въ этотъ день обѣдалъ у фельдмаршала. Когда пили за здоровье Императора и раздались выстрѣлы, Кутузовъ сказалъ Государю, что наши артиллеристы палятъ изъ отбитыхъ непріятельскихъ пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ Императоръ былъ на балу у фельдмаршала, который, получивъ незадолго отъ Платова отбитыя имъ непріятельскія знамена, повергъ ихъ къ стопамъ Государя у входа въ бальную залу.

Такимъ образомъ окончилась знаменитая «Отечественная война» 1812 года.

Война 1812 года имѣла весьма важныя послѣдствія. Шестисоттысячная армія, предводимая величайшимъ военнымъ геніемъ нашего вѣка и знаменитыми сподвижниками его, уже не существовала.

Принявъ во вниманіе, что число Наполеоновыхъ войскъ, вступившихъ въ Россію, вообще, простиралось до шестисотъ тысячъ человѣкъ и возвратилось за Вислу около восьмидесяти тысячъ, оказывается, что потери «великой арміи» вообще были не менѣе пятисотъ тысячъ человѣкъ. Почти вся полевая артиллерія, именно болѣе тысячи двухсотъ орудій, и всѣ обозы были потеряны. Такой огромный уронъ и нравственное вліяніе внезапной неудачи, испытанной вслѣдъ за грознымъ вторженіемъ «великой арміи» въ Россію, нанесли смертельный ударъ могуществу Наполеона и приготовили его паденіе.

Война 1812 года оставила надолго слѣды опустошенія въ областяхъ, пройденныхъ непріятелемъ: богатые города были выжжены, жители ихъ обѣднѣли, либо лишились всего имущества; на мѣстѣ цвѣтущихъ селеній оставались кучи развалинъ и пепла; народонаселеніе замѣтно уменьшилось. Но за то Отечественная война поселила въ русскихъ надолго чувство самоувѣренности, приличное великому народу. Не крѣпости охраняютъ наши предѣлы отъ вторженія вражескаго: вѣрнѣйшая защита ихъ — воспоминаніе борьбы, нами выдержанной противъ огромной арміи, предводимой военнымъ геніемъ, которому цѣлыя столѣтія не представляютъ подобнаго.

Императоръ Александръ I-й, желая увѣковѣчить воспоминаніе Отечественной войны, постановилъ соорудить храмъ Христу Спасителю и выбить серебряныя медали съ изображеніемъ Всевидящаго Ока, кои были розданы всѣмъ участвовавшимъ въ войнѣ, отъ генерала до солдата. Такія-же медали изъ бронзы розданы дворянамъ, въ ознаменованіе заслугъ и пожертвованій, ими сдѣланныхъ. Слова, начертанныя на медаляхъ: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему», свидѣтельствуютъ, что главный виновникъ успѣха, отлагая кичливые помыслы, обращался съ мольбою признательности къ Источнику силъ, охранявшему Россію Своимъ покровомъ Кромѣ того, предполагалось воздвигнуть памятникъ изъ отбитыхъ у непріятеля орудій. Православная церковь празднуетъ ежегодно, въ день Рождества Христова, избавленіе нашего отечества отъ нашествія французовъ и съ

ними двадцати народовъ. По совершенномъ окончаніи войны благодарная Россія, въ лицѣ высшихъ сановниковъ имперіи, предложила Императору Александру I-му придать къ имени его титулъ «Благословеннаго», какъ сказано было въ прошеніи о томъ—«тѣмъ болѣе приличный скромности и благочестивому смиренію Государя Императора, что великіе подвиги его, очевидно, ознаменованы покровительствомъ Всевыш-

Генералъ Бибиковъ.

няго Промысла». Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагалось выбить медаль и воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ съ надписью: «Александру Благословенному, Императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю, отъ признательныя Россіи», собравъ нужную къ тому сумму изъ добровольныхъ пожертвованій.

По этому поводу послѣдовалъ указъ, въ которомъ выразились вполнѣ высокія душевныя качества Императора Александра I:

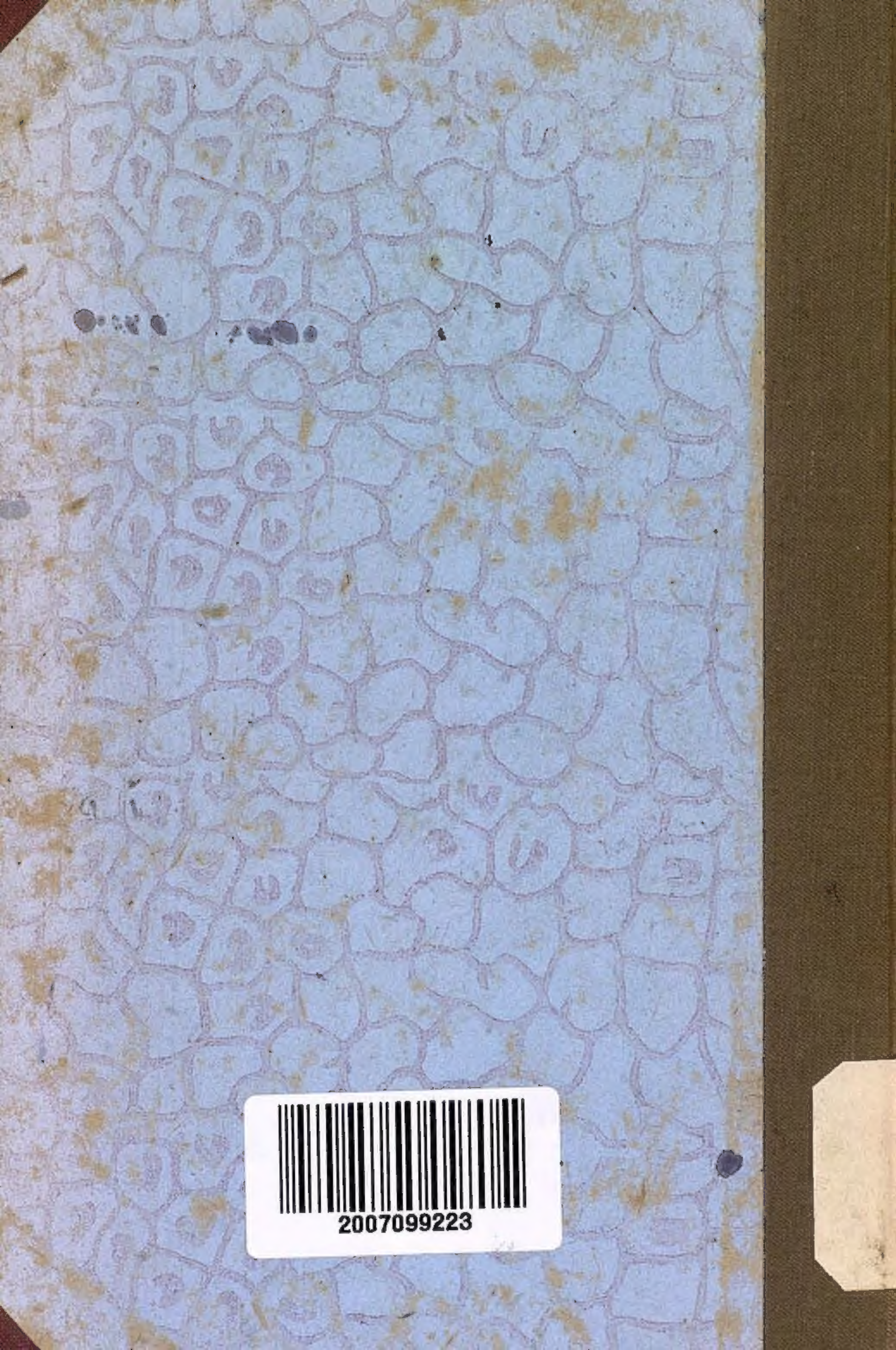
«Указъ

«Святѣйшему Правительствующему Синоду, Государственному Совѣту и Правительствующему Сенату.

Внимая посланному ко мнѣ отъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената прошенію о воздвигнутіи Мнѣ въ престольномъ градѣ памятника и принятіи проименованія «Благословенный», не могъ Я въ глубинѣ души Моей не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной стороны дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе Божеское, а съ другой — чувствованія россійскихъ государственныхъ сословій, подносящихъ Мнѣ имя самое для меня лестнѣйшее, ибо всѣ старанія и помышленія души Моей стремятся къ тому, чтобы теплыми молитвами призывать на Себя и на ввѣренный Мнѣ народъ Божеское благословеніе, и чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ Мнѣ вѣрноподданныхъ Моихъ и, вообще, отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ Моихъ желаній и Моего благополучія. Но при всемъ тщаніи Моемъ достигнуть до сего, не позволяю Себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что Я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю Я оное съ правилами и образомъ мыслей Моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрноподданныхъ Моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, Самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради изъявляя совершенную Мою признательность, убѣждаю государственныя сословія оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится Мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! Да благословляетъ Меня въ сердцахъ своихъ народъ Мой, какъ Я въ сердцѣ Моемъ благословляю оный. Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо Мною и надъ нею благословеніе Божіе!»

Прошло два года, и русская армія прошла чрезъ всю Германію, освободила всю Европу и побѣдоносно вступила въ Парижъ. Но въ Парижѣ Императоръ Александръ не отмстилъ за пожаръ Москвы, а напротивъ отплатилъ великодушіемъ, охранивъ французовъ отъ жестокаго мщенія нѣмцевъ.

2007099223